ПИОНЕР 3

МАРТ • 1973 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Ровно через год,
в марте 1974 года,
«Пионеру» исполнится
пятьдесят лет.
Почти полвека «Пионер»
был другом мальчиков и девочек
в красных галстуках.
«Пионер» рассказывал им
о них самих,
о жизни и делах взрослых,
о нашей земле и дальних странах,
об истории и о том,
что происходит в мире,
о загадках Вселенной
и тайнах живой клетки,
о подвигах военных и мирных,
о приключениях и открытиях.
«Пионер» знакомил их
с литературными героями,
которые потом становились
и твоими любимыми героями.
В «Пионер» приносили
только что законченные рукописи
стихов, рассказов, повестей
Маршак, Гайдар, Житков,
Кассиль, Чуковский.
Читатели «Пионера» —
первые читатели
книг Марии Прилежаевой и
Зои Воскресенской, Юрия Сотника
и Владислава Крапивина.
Кто-то из читателей
наверняка вспомнит
географическое общество «Компас»,
существовавшее
более тридцати лет назад,
или «Школу разведчиков»,
появившуюся на страницах
журнала перед грозной и суровой
войной с фашистами,
или отдел «Секретно и несекретно»,
операцию «Цветы на бруствере»,
радиостанцию «Здравствуй!»...
«Пионер» обращается
к читателям всех поколений,
ко всем, кто сотрудничал в нем.
Расскажите:
чему научил вас «Пионер»?
Что открыл?
В чем помог?
Ваши письма, фотографии
будут добрым подарком
к юбилею вашего журнала.
Спасибо!

Строится на Чукотке дворец

Чукотка... Всякий раз, когда слышишь это слово, представляешь себе тундру, и стада оленей, и пургу, которая валит с ног и заметает все на своем пути, и еще рисуются в воображении льдины, и клыкастые моржи, и лежбища тюленей, и птичьи базары на прибрежных скалах.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

МАРТ 3

Издательство «Правда»
Москва, 1973 г.

Чукотка — это и остров Врангеля, и город Анадырь, и бухта Провидения, и залив Креста, и мыс Дежнева (даже от одних названий веет романтикой) — самый восточный край земли нашей Родины.

Живут на Чукотке люди сильные, отважные: не просто быть хозяином тундры. Они мчатся на собачьих упряжках и на мощных вездеходах, пасут оленей и ищут полезные ископаемые, стреляют нерпу и добывают на приисках золото, ставят капканы на песцов и строят атомную электростанцию. В центре Чукотки, в городе Анадыре, они возводят Дворец пионеров и школьников.

Строят Дворец на твои деньги, наверняка и твой отряд участвует в операции «Чукотка».

И нам и тебе интересно знать, как строится Дворец. Вот и поехал в Анадырь наш корреспондент Олег Тихомиров. Встретился с первым секретарем Чукотского окружного комитета партии **ГЕННАДИЕМ НИКОЛАЕВИЧЕМ КИСЕЛЕВЫМ**, и у них получился такой разговор.

С КАКИМИ СЛОЖНОСТЯМИ СТОЛКНУЛИСЬ СТРОИТЕЛИ ДВОРЦА?

Наш город стоит на вечной мерзлоте. Когда у нас строят здание, то, чтобы оно было прочным, вначале вбивают в грунт железобетонные сваи. А на них возводят здание.

На том месте, где строится Дворец, грунт оказался твердым — скальным. Вбить в такой грунт сваи очень сложно, пришлось бурить скважины и часто менять бур. А тут еще штормовые ветры, морозы ниже тридцати градусов.

19 февраля 1972 года, когда забили первую сваю, пуржило, дул сильный ветер. Но пионеры не усидели дома, пришли на стройку со знаменем, горном и барабаном. Последнюю сваю (всего их 236) забили перед открытием V Всесоюзного слета пионеров в Артеке — такой подарок строители сделали слету.

Закладывать фундамент Дворца летом приезжал студенческий строительный отряд из Магадана.

Пока велись все эти работы, в Новосибирске вне всякой очереди изготовляли металлоконструкции для каркаса, а в Братске — железобетонные изделия, из которых сейчас монтируют Дворец. В нашей области в такой короткий срок не удалось бы все сделать. Мы очень благодарны рабочим Новосибирска и Братска.

КАК ДОСТАВЛЯЛИ ГРУЗЫ НА ЧУКОТКУ?

Это очень сложно. У нас на Севере железных дорог нет. На самолетах такой тяжелый и громоздкий груз никак не перебросишь. Остается единственный путь — морем. Навигация длится недолго — июль — сентябрь. А

Михаил **ПЛЯЦКОВСКИЙ**

СЕВЕР

Север снегом, Север снегом замело,
Все кругом белым-бело, белым-бело.
В белой шубе ходит белая зима,
В белой дымке тонут белые дома.

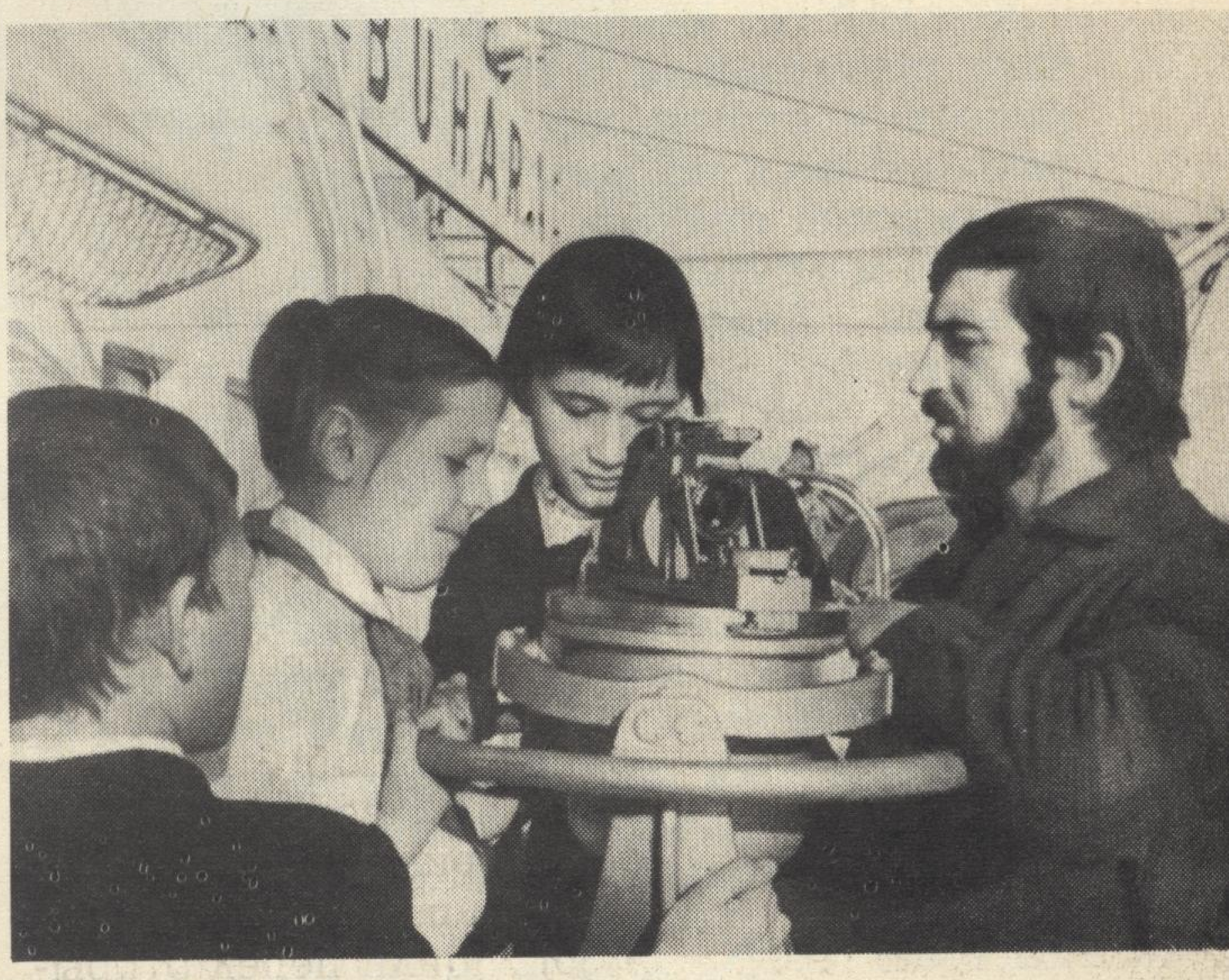
Струйки белые над крышами висят,
И кусты белы с макушек и до пят.
Хлопья белые летят во все концы,
В белой тундре бродят белые песцы.

Над поселком белый кружится буран,
Льдины белые качает океан.
Нет, недаром Север белым все зовут —
Даже белые медведи тут живут!

потом судам не пройти: штормы, лед. Словом, каждый день на счету.

Из Братска и Новосибирска груз отправляли во Владивосток, а оттуда теплоходом — в Анадырь. Стоял конец августа. Нужно было перевозить хлеб нового урожая, и все же Министерство путей сообщения выделило для «пионерских» грузов сто вагонов, а железнодорожники дали им «зеленую улицу». В Дальневосточном пароходстве нашим грузам вне очереди отдали океанское судно «Бухара». Теплоход прибыл в Анадырь, когда навигация была уже закончена; если бы он не пришел, надолго задержалось бы строительство Дворца.

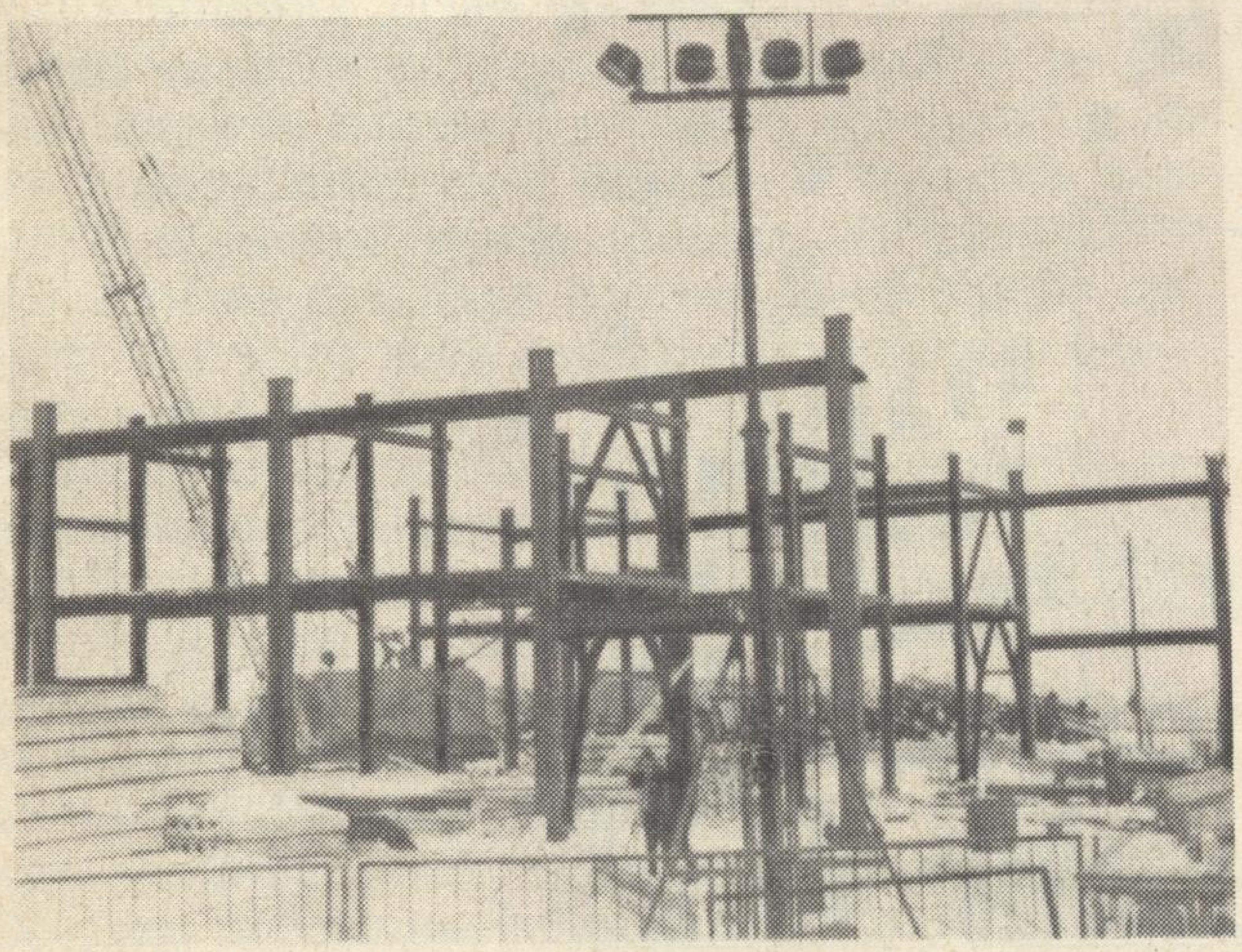
Мы чувствуем внимание, поддержку и помощь всей страны.



Вездеход

Хорошая машина — полярный вездеход,
В любое время года по тундре он пройдет.
Если грязь, он — грязеход,
Если дождь, он — дождеход,
Если снег, он — снегоход,
Если лед, он — ледоход.
Помогает круглый год
Работяга вездеход!

Ты видишь на рейде «Бухару». Снимок невелик, но и на нем видно, какой он гигант, этот океанский теплоход! Конечно же, все пионеры из поселка Анадырь норовили побывать на нем. Третий помощник капитана Владимир Цыплаков рассказал гостям об устройстве хитрого прибора — пеленгатора.
Вот строительная площадка Дворца. Растет каркас здания. Растет!



КОГДА ДВОРЕЦ БУДЕТ ГОТОВ?

В 1974 году, как и намечено по плану. Сейчас заканчивается монтаж каркаса здания. Работа эта нелегкая. Такого Дворца на Чукотке никогда не было: здание с бассейном.

Строители решили трудиться в три смены, и теперь работа на стройке не прекращается ни на один час. Отделочные работы начнутся еще не скоро, но уже сейчас проходят конкурсы штукатуров, маляров, плиточников.

ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ НА ЧУКОТКЕ НАЗЫВАЮТ СИМВОЛОМ ДРУЖБЫ БРАТСКИХ НАРОДОВ. В ЧЕМ ПРОЯВЛЯЕТСЯ ЭТА ДРУЖБА?

Смотрите, как получается: авторы проекта — главный архитектор Антонио Михе и главный инженер Михаил Галахов — москвичи. Вы уже знаете, что все основные изде-

лия, из которых строится здание, сделаны на заводах Сибири. Художественное панно, которое украсит вход во Дворец, создают в Эстонии, цветные стекла — витражи — приедут из Белоруссии...

Письма и посылки с подарками чукотские ребята получают из всех союзных республик.

Все подарки — книги, альбомы с фотографиями и рассказами о своем крае, игры, значки, сувениры, которые мастерят сами ребята,— хранятся сейчас в разных чукотских школах. Анадырский дом пионеров не может всего вместить. Он помещается пока в одной комнате. Недавно в окружном Доме культуры была выставка подарков, и все увидели, как много у нас друзей: альбом «Искусство Казахстана», эстамп «Латышка», кукла в украинском национальном костюме, киргизский ковер «Дружба»... Сотни, сотни подарков. А в письмах — огромный интерес к Крайнему Северу, желание побольше узнать о жизни пионеров Чукотки.

Каждый год наши чукотские ребята получают приглашения в пионерские лагеря из разных республик, краев и областей и летом разъезжаются по всей стране. Теперь наши анадырские пионеры в письмах рассказывают своим друзьям, как идут дела на строительстве Дворца, посылают фотографии стройки.

А СТРОИТЕЛЬСТВУ ДВОРЦА ЧУКОТСКИЕ РЕБЯТА ПОМОГАЮТ?

Конечно, помогают. За два последних года они перечислили в фонд строительства десять тысяч рублей. Деньги эти заработали сами: перебирали овощи и фрукты на базах, собирали макулатуру и металлолом, ремонтировали школьную мебель, выступали с платными концертами. Летом помогали пастухам пасти оленей и работали на звероводческих фермах.

На самой стройке ребятам пока что делать нечего, а вот когда начнутся отделочные работы, их помощь непременно потребуется.

ЧТО НОВОГО ДАСТ ДВОРЕЦ ЧУКОТСКИМ ШКОЛЬНИКАМ?

Появится возможность собраться всем вместе. Во Дворце можно будет устраивать выставки рисунков, проводить смотры самодеятельности, выступать с концертами. Зрительный зал сможет вместить 220 человек.

Девять месяцев в году наши ребята ходят в шубах, да и летом у нас холодно. Тут уж не до купания. Чукотские дети не умеют плавать. А во Дворце будет бассейн с тремя дорожками. Я верю, что и на Чукотке теперь будут свои чемпионы по плаванию.

На улице ледяной, колючий ветер, а в светлых помещениях Дворца тепло: сквозь тройные стекла не проникнуть никакому морозу. Мастери модели кораблей и самолетов, выращивай цветы, танцуй и пой — сколько хочешь.

У нас в Анадыре нет ни деревца, ни кустика — они не выносят злых ветров. А на первом этаже Дворца мы разобьем зимний сад.

Температура в этом саду будет примерно такая же, как и на улице, но зато от ветра сад надежно защитят стеклянные стены. Морозоустойчивые породы деревьев здесь хорошо приживутся. Ребята будут гулять в саду, не опасаясь отморозить нос или щеки.

Место для Дворца выбрали очень удобное. Каждый, кто через полтора года приедет в Анадырь, первым делом увидит белое четырехэтажное здание — наш Дворец пионеров. ★

Юрий ЯКОВЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки
С. ТРОФИМОВА.

Санчо и желтый змей

Высоко над землей плыл тяжелый воздушный лайнер прославленной авиационной компании «Пан Америкэн». В хвостовой части монотонно гремели двигатели. А по белой изнанке плотных облаков легко скользила темно-синяя тень крыла. В голубом воздушном океане, выше лайнера, ни облачка — облакам не под силу подняться на такую высоту. Поэтому весь долгий путь светило ослепительное солнце.

Пассажиры не видели, как зеленый материк сменило подернутое серой дымкой море, не видели редких островов, четко, как на карте, обведенных линией прибоя, не видели океанских судов, которые с высоты кажутся маленькими утюжками. Они не заметили, как на смену Новому Свету пришел Старый и как знойное лето сменила морозная зима. Все эти перемены происходили за бесконечным облачным щитом, который скрыл от взгляда пассажиров всю планету.

Полет уже подходил к концу, когда в салоне появилась одетая в синюю форму и подтянутая, как военнослужащий, стюардесса.

— Дамы и господа! — обратилась она к пассажирам.— Сейчас наш лайнер пересекает государственную границу Советского Союза.

Смуглолицый мальчик в костюме табачного цвета сполз на кончик кресла и прижался лбом к круглому стеклу иллюминатора, при этом его нос слегка сплющился.

— Где граница?

Вероятно, мальчик рассчитывал увидеть внизу строгую линию, полосатый столб и пограничника с автоматом. Но вместо этого его взгляду открылись те же наскучившие облака, за которыми все кажется нереальным.

— Па, где же граница? — разочарованно спросил он и повернулся к сидящему рядом отцу.

— Там, внизу,— ответил тот и поднес огонь зажигалки к сигаре, как бы скрученной из осенних дубовых листьев.

Отец был смуглолиц, черноглаз, как и сын. Его блестящие волосы слегка вились, а над верхней губой выступали аккуратные, словно приклеенные, усики. Нос у отца был несколько велик и надломлен горбинкой, а над бровями на лбу запали три складки.

Мать мальчика была на редкость красива. Ее большие темные глаза смотрели внимательно и грустно, словно искали сочувствия или сами сочувствовали кому-то.

— Из-за облаков ничего не видно,— сказала она,— океана тоже не было видно.

— Надо было бы плыть теплоходом,— пробормотал мальчик.

— Наберись терпения,— сказал отец, пуская сизое облачко сигарного дыма.— Тебе еще многое предстоит увидеть.

Мальчик откинулся на высокую спинку кресла и закрыл глаза. Уж лучше ничего не видеть, чем смотреть на эти однообразные облака, которые специально поднялись над землей, чтобы скрыть самое интересное.

А стюардесса в это время катила по проходу маленькую тележку, уставленную яркими бутылками. При этом мягко, по-домашнему, предлагала пассажирам:

— Джюс, виски... Джин, кока-кола...

— Санчо, хочешь пить? — спросила мама.

— Нет,— ответил мальчик.— Спасибо.

Минут десять он сидел неподвижно, потом не выдержал, снова открыл глаза и без всякой надежды увидеть что-нибудь новое взглянул в иллюминатор. И вдруг, забыв, что вокруг него сидят незнакомые люди, закричал:

— Ма, смотри! Белый песок!

— Это снег,— с улыбкой отозвалась Ма.— Такой снег у нас лежит высоко в горах.

— Вся земля в снегу? — удивился Санчо.— Ма, верно, снег похож на мороженое?

— Похож.

— Вся земля в мороженом!

— Посыпай сахаром и ешь сколько влезет! — пошутил Па.

Все трое засмеялись.

А внизу, под крыльями воздушного лайнера, расстилались огромные заснеженные просторы. И для мальчика, родившегося в жаркой, вечнозеленой стране, картина русской зимы была такой же непривычной, как для пришельца с далекой неведомой планеты. Теперь тень воздушного корабля маленьким крестиком скользила по белым сугробам.

Через некоторое время, вдосталь насмотревшись на снег, Санчо спросил:

— Па, советские ребята играют в «индейцев»?

— Не знаю,— отозвался Па.— Может быть, они играют в полицейского и вора. Во всем мире дети играют в полицейского и вора.

— Я буду Фантомасом! — воскликнул Санчо.

— Посмотрим,— сдержанно сказал отец, а через минуту добавил: — Ты, вероятно, будешь играть в Чапаева.

— Кто такой Чапаев? — Санчо с интересом посмотрел на отца.

— Русский герой. Я видел про него фильм.

— И я видела,— вмешалась в разговор Ма.— Там одна сеньора стреляла из пулемета.

— Главное, заводи побольше друзей,— сказал отец.— Друзья — лучшие проводники в чужой стране.

— Па, а в России водятся собаки?

— В России водятся даже тигры,— ответил отец.

— Ого! — произнес Санчо и снова прильнул к холодному стеклу иллюминатора.

*

Когда учительница русского языка Мария Павловна пришла на урок, ее поразила странная картина: весь класс жевал. Ребята молча сидели за партами и энергично работали челюстями, словно каждому достался кусок жесткого, жилистого мяса и они никак не могут справиться с ним.

— Что это значит, ребята?

На последней парте засмеялись. Класс продолжал жевать.

— Почему все жуют? — Учительница начала сердиться.

В рядах жующих произошел раскол. Кое-кто перестал двигать челюстями. Но добрая половина продолжала жевать.

— Немедленно перестаньте жевать!

Тут на первой парте поднялась полная, щекастая девочка с двумя короткими толстыми косичками и сказала:

— У нас в классе иностранец!

Девочка села и вновь принялась жевать.

— Какое это имеет отношение к еде во время уроков? — спросила Мария Павловна.

И тогда с четвертой парты поднялся смуглолицый мальчик. Его черные глаза горели неудержимым интересом. Он, видимо, никак не мог взять в толк, почему сердится учительница, и вдруг решительно подошел к ней и протянул какой-то пакетик:

— Пожалуйста, сеньора, угощайтесь. Это... хороший... жвачка. На лимонный экстракт.

— Спасибо,— растерянно сказала Мария Павловна, разглядывая новенького, в котором с первого взгляда можно было признать жителя заморской страны.— Как тебя зовут?

— Санчо. Санчо Родригес. А вас, сеньора?

— Меня зовут Мария Павловна... И я не сеньора, а сеньорита.

— Сеньорита Мария! — повторил Санчо.— Сеньорита Мария, почему вы не разрешаете детям жевать на уроке? Курить у нас тоже не разрешают, но жевать...

— Санчо,— Мария Павловна положила мальчику руку на плечо,— у нас это не принято. У нас вообще не жуют резинку... даже на лимонном экстракте. Садись.

Мальчик слегка наклонил голову и отправился на место.

— Сейчас достаньте тетрадки, будет диктант,— сказала учительница.— А ты, Санчо, можешь не писать.

— Спасибо, сеньорита! Вы очень добры... но я хочу попробовать.

— Попробуй. Я буду диктовать медленно.

— Я наделаю сто ошибок,— шепнул Санчо своей соседке и покраснел, отчего его смуглое лицо стало еще смуглее.— Я занимался русским дома, но... мало хорошо.

— Ты не пиши,— посоветовала соседка.

— Я должен.

В это время «сеньорита Мария» подошла к Санчо и тихо сказала:

— Если тебе с непривычки трудно, можешь немного пожевать свою... резинку.

— Вы очень... великодушно! — воскликнул Санчо, вскочил на скамейку и выбросил в форточку все запасы жвачки на лимонном экстракте.

*

В городе стояла зима. С белыми крышами, с кристалликами инея на проводах, с ледяными узорами на стеклах. Тепло, невидимое во все времена года, зимой всюду оставляло свой след: дыхание прохожих, открывающиеся двери, выхлопы машин, вынесенные на продажу пирожки — все теплое сопровождали большие или маленькие облачка пара.

Когда Санчо вышел из школы на улицу, у него с непривычки перехватило дыхание и защипало уши. Он прижал руки к ушам, словно вокруг стоял грохот. Но едва согрелись уши, защипало нос. Он уткнулся носом в рукав куртки, и тогда холод проник ему за ворот. Мороз подловил новичка и доставлял ему всевозможные неприятности.

— Что это? — тихо произнес Санчо.

И знакомый голос ответил ему:

— Это мороз.

Санчо обернулся и увидел свою соседку по парте. На ней была меховая шубка и такая же шапочка. Выбившаяся прядка волос касалась бровей, а серо-голубые глаза смотрели на Санчо любопытно и насмешливо. Под этим взглядом мальчик сразу забыл про замерзшие уши.

— Я провожу вас... разрешите ваш кейс,— пробормотал маленький иностранец, но Рита не дала ему договорить:

— Давай свой портфель и грей уши! И не называй меня сеньоритой, а то меня будут дразнить.

— Я буду называть вас, как вы говорит...

— Зови меня Рита и на «ты».

— Рита... ты...— повторил Санчо.

— Я провожу тебя домой, потому что ты новичок.

— Новичок! — повторил Санчо и засмеялся: слово «новичок» показалось ему неожиданно забавным.— Я новичок, но я провожу вас... тебя, потому что я новичок — мужчина.

— Ты мальчишка,— усмехнулась Рита.

И от ее усмешки Санчо стало как-то не по себе.

В это мгновение долговязый парень с розовым от холода носом слепил снежок и запустил им в Риту. Девочка вскрикнула и закрыла лицо руками.

Какая-то жаркая сила бросила Санчо вперед. Он очутился перед долговязым, бросил на снег портфель и что-то крикнул на своем языке. И крикнул еще что-то и вцепился в обидчика мертвой хваткой. Долговязый попытался высвободиться, но поскользнулся и упал. Два бойца покатились по земле. При этом они еще успевали наносить друг другу удары. А Санчо что-то гортанно кричал своему противнику.

Сбежавшиеся ребята с трудом растащили их.

Невысокий мальчик в очках со сломанной дужкой (потом Санчо узнал, что его зовут Шуриком) поднял с земли упавшую шапку и надел ее на Санчо. Кто-то повел долговязого, который упирался, кричал: «Он первый... Я ему!..» — и размахивал своими длинными ручищами.

Санчо остался один со своей соседкой по парте. От удара у него распух нос и по губе текла тонкая струйка крови. Вид у него был жалкий. Он чувствовал это, а присутствие девочки усиливало его неловкость. Санчо хотелось убежать, спрятаться. Но он продолжал стоять на месте, не решаясь поднять голову, чтобы не встретиться с Ритиными насмешливыми глазами.

Но Рита не засмеялась и ничего не сказала. Она подняла с земли горсть снега и приложила к его горящему носу. Снег оказался мягким, и от его прикосновения боль утихла.

Санчо удивленно посмотрел на Риту.

— Снег...— сказала она.

— Я думал... камень,— пробормотал мальчик.— Белый камень.

Рита окинула взглядом маленького иностранца.

— Ты читал «Дон Кихота»?

— Мое имя из этой книги,— грустно сказал мальчик.— Правда, Санчо Панса мне не нравится...

— Ты больше похож на Дон Кихота. Сейчас у тебя был бой с ветряными мельницами,— сказала Рита.— Ты принял снежок за камень.

— Ветряные мельницы,— вздохнул Санчо, прикладывая снег к носу.— Нет хлебного дерева — его лист исцеляет раны.

— У нас кровь останавливает лист подорожника. У вас растут подорожники?

— По-до-рожники?

Они шли по зимнему городу и время от времени переговаривались. Мимо мчались машины. Шли люди. Проплывали витрины магазинов. Снегоуборочная машина неутомимо сгребала снег железными руками.

— Давай-давай! — засмеялась Рита.

— Давай-давай!—повторил Санчо и, забыв про горящий нос, показал, как работают «руки» этой машины.

— Интересно, за кого принял бы Дон Кихот эту машину, если ветряная мельница показалась ему злым волшебником? — спросила девочка.

Санчо внимательно посмотрел на свою спутницу и ничего не сказал.

Через несколько домов он спросил:

— Какое дело у твоего Па?

Этот вопрос поставил Риту в затруднение.

— Дело?.. У него нет дела... То есть у него работа.

— У моего Па тоже нет своего дела... Он служит в компании.

— В компании капиталистов? — спросила Рита.

— В банановой компании... Ты любишь манго? Сок?

— Очень! — воскликнула девочка.

— Манго тоже продает компания.

Сказав это, Санчо задумался. Потом он повернулся к своей соседке по парте и сказал:

— А мой дедушка погиб на войне. Он был банджистом.

И заметив, что Рита непонимающе смотрит на него, Санчо прижал к животу портфель и, перебирая воображаемые струны, запел незнакомую песенку, которую, судя по всему, пел когда-то его дед:

Шаги перемешаны с пылью,
И солнце пылает, как медь.
У пальмы зеленые крылья,
Но пальма не может взлететь.

Припасть к этой зелени мне бы,
Забыться на десять минут;
Меня по лазурному небу
Зеленые крылья несут.

Эта песня прилетела в мирный город из тревожного военного времени, когда рвались бомбы и горела земля. И хотя Санчо пел ее на родном языке и Рита не поняла ни слова, ей почему-то стало жаль дедушку-музыканта, который не вернулся с войны.

— Почему он погиб,— спросила Рита,— если он не стрелял, а играл на банджо?

— Он играл солдатам... Фашисты стреляли... Всех стреляли.

Некоторое время ребята шли молча, как бы прислушиваясь к мелодии солдатской песни: «У пальмы зеленые крылья, но пальма не может взлететь...»

Неожиданно перед ними возник старинный дом с тяжелым балконом, который на своих плечах держали два каменных бородача.

Санчо крикнул что-то и вцепился в обидчика мертвой хваткой.

— Мой дом,— сказала Рита и, кивнув на булочную, пошутила: — Наше хлебное дерево! Понюхай, как оно пахнет.

Санчо втянул в себя запах теплого хлеба и сказал:

— Вкусно! А наше хлебное дерево пахнет... трава.

— Теперь я провожу тебя домой, а то ты заблудишься.

— Но ты же... сеньорита,— запротестовал Санчо, забыв, что следует сказать «девочка».

— Я твой товарищ! — сказала Рита.— А когда товарищи — не важно, девочка или мальчик.

— Очень важно — сеньорита или сеньор,— не согласился с ней Санчо.

— Дай твой портфель,— скомандовала Рита,— и потри уши, а то они у тебя совсем замерзнут.

Пошел редкий, бесшумный снег. И Санчо, который никогда в жизни не видел падающего снега, остановился и стал смотреть.

— Белый, тихий дождь,— сказал он.

Рита протянула руку в варежке и поймала «белую дождинку».

— Смотри! — Она поднесла руку к самым глазам мальчика.

Санчо наклонился и увидел звездочку. Казалось, изумительный мастер тонким резцом вырезал ее из сверкающего камня. Мальчик

сощурил глаза и увидел тончайшие узоры, которые строго симметрично располагались в лучах снежинки. Оторвал глаз от снежинки, посмотрел на Риту. Ему показалось вдруг, что его новая подруга сама создает это удивительное чудо — звезду-снежинку.

*

— Что это значит, Санчо Родригес?! Ты приезжаешь в чужую страну, идешь в чужую школу и в первый же день возвращаешься домой... с разбитым носом!

Отец и мать стояли в прихожей и сокрушенно смотрели на Санчо.

— Тебя обидели? — спросила Ма.— Новичков всегда обижают.

— Может быть, ты затеял драку? — строго спросил Па.

— Я вступился за... Риту.

— Тебе не за кого вступаться, ты не на родине.

— Он бросил в нее белый камень.

— Он в нее?! — воскликнула Ма.— Он в нее?! — совсем тихо повторила она.— Он дикарь?

— Нет,— ответил Санчо.— Это оказался не камень, а комок снега.

— По-русски это называется «снежок»,— со знанием дела сказал Па.— В этой стране есть такая игра — в снежки. Дети лепят из снега комки и кидают друг в друга. Ты не Санчо, ты Дон Кихот!— воскликнул Па.

— Мне это уже говорили,— сказал Санчо.

— Кто тебе это говорил?

— Рита.

Папа и мама переглянулись.

— Идем, мой Дон Кихот,— сказала Ма.— Я промою твои тяжкие раны.

— Вероятно, завтра тебя вызовут к директору колледжа,— вздохнул Па,— а послезавтра пригласят меня...

*

На другой день Санчо торопился в школу. Он надеялся, что, переступив порог, сразу встретит Риту. Но едва сдал на вешалку пальто и очутился в коридоре, путь ему преградил долговязый с розовым носом. Санчо

почувствовал, как лицо начинает гореть, а вчерашний снежок снова превращается в белый камень. Санчо захотелось немедленно броситься на долговязого и продолжить прерванный поединок, но он сдержался и, пропуская от волнения слова, сказал:

— Ты должен... Рита... извиняться!

— С какой это радости? — с вызовом сказал долговязый.

— Нет радости! — крикнул Санчо.— Сеньор... сеньориту...

— Сеньор! — усмехнулся долговязый и потер ладонью нос.

— Ты сеньор... плохо... Ты нет сеньор! — Осколки фразы летели прямо в долговязого и выводили его из себя.

— Во! — сказал тот и показал кулак.

— Во! — отозвался Санчо, и его маленький смуглый кулак оказался под самым носом долговязого.

Долговязый оттолкнул Санчо. Санчо вцепился в долговязого. Он сделал это так стремительно, что противник потерял равновесие, не удержался на ногах и растянулся на полу. Теперь мальчики катались не по заснеженному тротуару, а по желтому паркету. Каждый пытался подмять под себя противника и оказаться наверху. Долговязый был сильным и тяжелым, но Санчо ловко ускользал из его ручищ. Неизвестно, чем бы кончился поединок, если бы в самый разгар не появилась Мария Павловна.

— Что это значит?

Бойцы оглянулись. Мертвая хватка разжалась. Оба торопливо поднялись с пола.

— Извините... сеньорита...— тяжело дыша, пробормотал Санчо, приводя в порядок свой пиджак табачного цвета.

— Что это значит, Абрикосов?— обратилась учительница к долговязому.

— У него спрашивайте. Он первый...

— Я первый,— согласился Санчо.— Он обидел сеньориту... он должен извиняться...— Слово «извиняться» Санчо произнес по складам, с большими усилиями.— Если нет, мы будем снова...

— Вендетта? — спросила «сеньорита Мария».

— Вендетта?! — Санчо удивленно посмотрел на учительницу: откуда ей известно это древнее испанское слово?

— У нас нет вендетты, Санчо,—сказала учительница, сочувственно глядя на мальчика.— Придется решить спор более современно.

Санчо опустил голову. В коридоре зазвенел звонок.

*

Это неверно, что в каждом часе шестьдесят минут. Бывают часы, в которых сто минут и больше. Такие часы тянутся нескончаемо долго. Санчо ждал, что его, как предсказывал Па, вызовут к директору. Санчо ломал голову: как можно решить спор «более современно», без поединка, который «сеньорита Мария» назвала вендеттой? Он чувствовал себя одиноким в снежной стране, где вокруг нет ни одной зеленой травинки, ни одной горсточки теплого песка и только луч солнца, преломляясь в морозном кристаллике, вдруг вспыхнет крохотной зеленой искрой и растворится в сплошной белизне.

В этот день он совершенно неожиданно очутился у Риты дома.

После уроков Рита сказала:

— Я должна тебе что-то показать, потому что твой дедушка был банджистом и погиб на войне вместе с солдатами.

— Что ты... мне... показать?

— Не спрашивай! — сказала Рита.

И он не спрашивал. Всю дорогу он молчал, чтобы не спрашивать. Только когда возникли два каменных бородача, поддерживавших балкон, Санчо сказал:

— Я буду подождать?

— Идем! — скомандовала Рита и распахнула дверь.

В углу комнаты стоял настоящий, от пола до потолка, двухлопастный пропеллер самолета. На светлом металле чернели зализы огня, а верхняя лопасть был погнута. Рядом с пропеллером обычные домашние предметы — стол под льняной скатертью, стулья в чехлах, сервант, в котором от шагов тренькали стаканы,— выглядели необычно. Казалось, они тоже попали в дом из тревожной стихии, где хлещет пламя разрывов и сухо свистят осколки зенитных снарядов.

— Можешь потрогать,— разрешила Рита.

Санчо осторожно протянул руку, словно боялся обжечься. Но пропеллер оказался холодным.

— Что это? — Санчо вопросительно посмотрел на подругу.

— Винт погибшего самолета.

— Летчик погиб?

— Нет... Он остался жив. А самолет разбился.

Санчо тревожно посмотрел на винт.

— Война? — спросил он.

— Нет, испытание... Теперь на боевых машинах винтов нет,— со знанием дела ответила Рита.— Это было давно.

Неподалеку от пропеллера на стене висела фотография, на которой был изображен военный летчик. Летчик был удивительно похож на Риту. Те же внимательные, чуть насмешливые глаза и прядь волос, выбивавшаяся из-под шлема.

— Это он? — спросил Санчо.

— Он,— сказала девочка.— Это он!

Санчо снова дотронулся до винта самолета, погибшего во время испытаний. Ему показалось, что он чувствует легкую дрожь напряженного металла и холодок воздушных струй, который во время полета срывается с лопастей.

*

Сбор отряда, которому предстояло заменить старинную вендетту, состоялся на следующий день. Итак, произошла драка! Но драка, выходящая из ряда обычных мальчишеских столкновений. Советский мальчик разбил нос подданному иностранной державы. Вожатый отряда, десятиклассник Роман, обрисовал положение дел в таких сгущенных красках, что Алиса, девочка тихая и застенчивая, вдруг побледнела и спросила:

— Что же, теперь будет война?

Вожатый Роман не успел прикинуть в уме, будет из-за разбитого носа война или не будет, как поднялся долговязый Абрикосов, главный участник вчерашнего международного конфликта, и сказал:

— Он первый полез драться!

В классе установилась тишина.

— А почему он полез драться? — Вожатый испытующе посмотрел на Абрикосова.

— Потому что Абрикос запустил в Риту снежком,— сказал Шурик, невысокий мальчик в очках со сломанной дужкой. У него были черные глаза, которые в стеклах очков казались большими и выпуклыми.

— Его никто не просил заступаться,— мрачно сказал Абрикосов.

— Никто не просил! — крикнули с задней парты.

И тогда поднялась Рита и сказала:

— Я просила!

По классу прокатился шумок удивления.

— Он мне, между прочим, губу разбил,— сказал Абрикос и, повернувшись к классу, ткнул себе пальцем в губу: мол, смотрите, как я пострадал!

— Зачем ты просила его? — спросил Риту вожатый.— Не надо было иностранца втравлять в наши... внутренние дела.

— Он мой друг! — твердо сказала Рита.— А когда друг, неважно, иностранец он или нет. Его отец продает бананы, а деньги получает компания... капиталистов!

— Банановая компания здесь ни при чем,— растерянно сказал вожатый Роман,— а иностранному другу разбивать нос — это по меньшей мере свинство. Понял?

Вожатый Роман не успел договорить, как дверь в класс распахнулась — на пороге стоял Санчо.

— Я... извините... я знаю, что мне... сюда... нет...— Он очень волновался, хотел говорить быстрее, но от волнения говорил еще медленнее.— Я хочу сказать, что я... я не фискал! Мой нос... на месте...

В классе все дружно засмеялись.

— Подожди, Санчо, мы все тут решим вместе,— сказал вожатый Роман.— Ты не волнуйся...

— Когда два сеньора дерутся — это дело их чести... Не надо ничего решать,— сказал Санчо.

Потом он вскинул голову, и глаза его весело заблестели.

— Я думал... белый камень... Ребята, побежали играть в комки... нет, в снежки!.. Я буду ждать вас... раздеваловка...

Он захлопнул дверь и стремительно побежал вниз, перепрыгивая через две ступеньки.

*

Когда Санчо выбежал на улицу, у подъезда школы стояла машина, а рядом нетерпеливо ходил Па и курил сигару.

— Я тебя жду целых пятнадцать минут! — недовольно сказал Па.— Едем!

— Я... не могу,— ответил Санчо.— Я буду играть в... снежки!

— В снежки? Это, конечно, очень важное занятие... Садись в машину!

— Па, но я же обещал!..

— Послушай, Санчо! — Голос отца стал строгим.— У нас сегодня гость... с родины. Сеньор Крэдо. Я надеюсь, что снег не растает до завтра.— Па посмотрел на часы и заторопился.— Мы и так опаздываем. Запомни, когда приезжает представитель компании, семья должна быть в сборе, должна оказывать уважение... Или ты забыл обычаи нашей страны?

— Но я же обещал...

— Без разговоров в машину! — строго сказал Па, и Санчо нехотя открыл дверку.

Когда машина, скрипнув шинами по снегу, помчалась по мостовой, дверь школы распахнулась, и на улицу выбежали ребята.

— Где твой Санчо? — крикнул Рите долговязый Абрикос.

— Где твой Санчо? — закричали ребята.— Куда он делся?

— Он струсил! — крикнул кто-то.

— Позвал играть в снежки, а сам... смылся! — засмеялся Абрикос.— Испугался иностранный подданный!

— Нет! — сказала Рита.— Он не боится!

— Где же он тогда? Что-то его не видно! — загалдели ребята.— Может быть, он играет не в снежки, а в прятки?

— Ха-ха! Белые камни!

— Он не мог струсить! — крикнула Рита.

Но ребята уже не слушали ее. Они шли гурьбой по тротуару, толкая друг друга, бросаясь снежками, скользя по ледяным дорожкам, которых всегда много возле любой школы.

А Рита стояла на месте. Она ждала Санчо. Все надеялась, что он придет.

*

Гость с родины, один из владельцев банановой компании, был маленький, толстый и необыкновенно подвижный человек. То ли от полноты, то ли от непрерывного движения ему было все время жарко. И даже в зимний

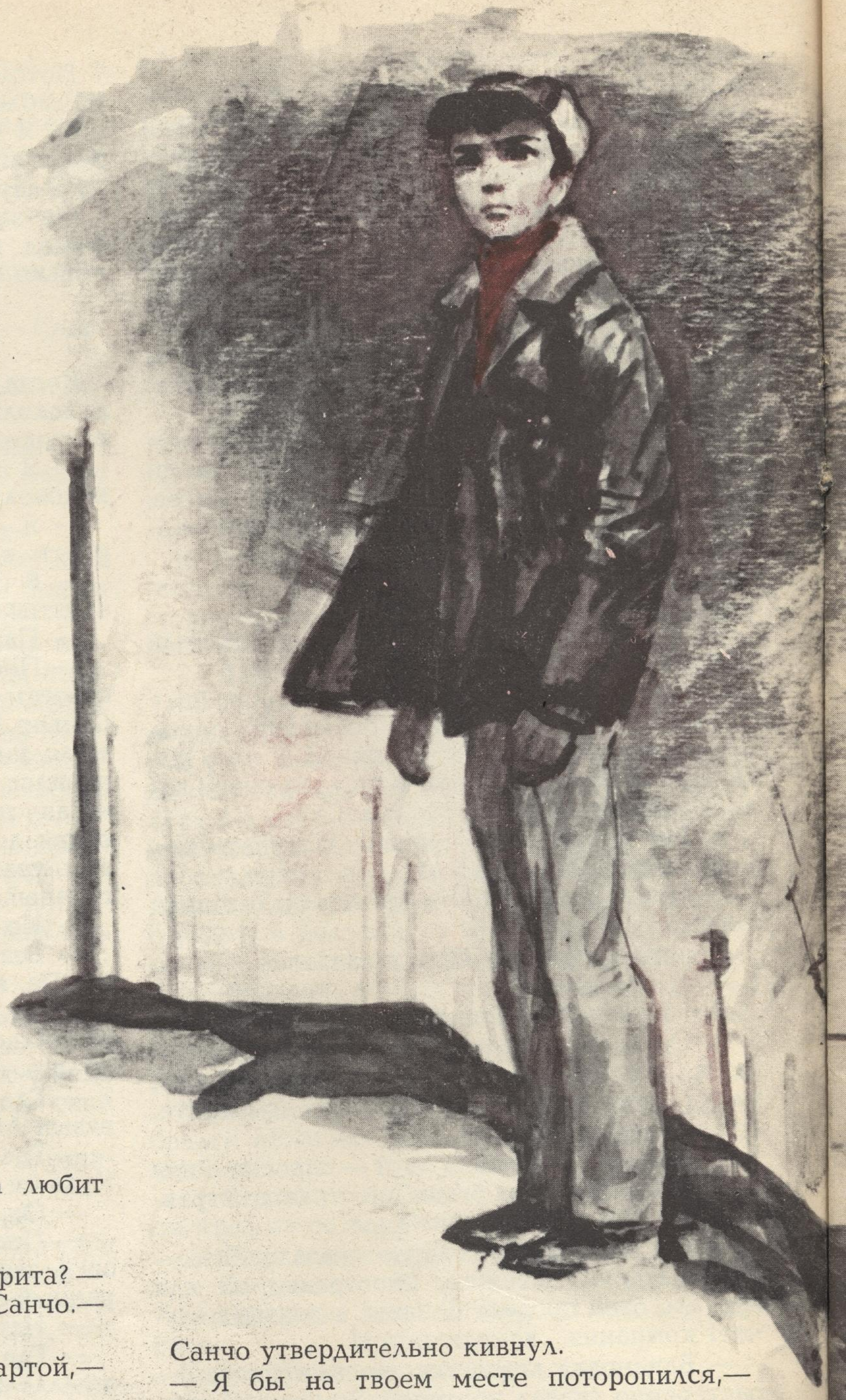
день у него на лбу блестели бисеринки пота. В его поредевших черных волосах, как маленькое розовое озерцо, поблескивала лысина. Время от времени он проводил по ней рукой, словно не терял надежды, что «озерцо» вдруг да зарастет «камышом». Он был веселым человеком, этот сеньор Крэдо, и только глаза его всегда оставались серьезными, сосредоточенными, внимательно изучающими собеседника. Даже когда лицо расплывалось в улыбке, глаза не переставали изучать, просверливать скважинки в глубь окружающих его людей.

Вся семья сидела за обеденным столом, вся семья была занята мыслью о госте. Казалось, ни Па, ни Ма не чувствуют вкуса блюд и их только интересует, нравится ли гостю, вкусно ли гостю, не горячо ли гостю.

Санчо же не думал о госте. Его мысли занимали ребята. Наверное, они считают его болтуном или, что еще хуже, трусом.

А гость ел, пил, сверлил всех своими глазами-буравчиками и говорил:

— Россия любит бананы! Хорошо, что на русских елках растут шишки, а не сочные, золотые плоды.— Тут сеньор Крэдо повернулся всем корпусом к Санчо.— А ты что думаешь на этот счет?



— Не знаю,— сказал Санчо.— Рита любит сок манго.

— Опять Рита! — воскликнул Па.

— Рита? Кто это? Сеньора? Сеньорита? — Гость впился своими буравчиками в Санчо.— Кто она?

— Она сидит со мной за одной партой,— ответил мальчик.

— Ты был у нее дома? Знаком с родителями? Кто ее отец?— Гость буквально забрасывал Санчо вопросами.

— Ее отец испытывает военные самолеты,— с гордостью ответил Санчо.

— Это интересно!

— У них в столовой стоит винт, обожженный огнем. Самолет погиб, а летчик остался жив,— сказал Санчо и для убедительности повторил Ритины слова: — Теперь на боевых машинах винтов нет.

— О! Ты, однако, разбираешься в авиации.— Гость засмеялся, и только его глаза оставались серьезными.— А тебе не хотелось бы познакомиться с этой сеньоритой поближе? И преподнести ей... гм... предположим, банку манго?

Санчо утвердительно кивнул.

— Я бы на твоем месте поторопился,— сказал гость.

— Это Па увез меня сюда, на обед.—Санчо опустил голову. — А Рита ждет меня у школы.

— Тогда забирай банку и беги! — воскликнул гость — он неожиданно стал союзником.

Санчо вопросительно посмотрел на Па, потом на Ма и, прочитав в их глазах одобрение, встал из-за стола, торопливо сказал «спасибо» и кинулся к двери.

*

У школьного подъезда он не застал ни ребят, ни Риту. Густой, мохнатый снег, который медленно парил над городом, скрыл отпечатки бесчисленных следов ребячьих ботинок. Шумное здание школы замерло, стало

неподвижным, погрузилось в глубокий сон до завтрашнего утра.

Прижимая к пальто банку, в которой тихо булькал сок манго, Санчо пошел прочь. Но не домой, а по тому маршруту, по которому его в первый день провела Рита.

Он шел неуверенно сквозь белую сетку парящего снега, всматриваясь в дома, витрины, скверы. Он нащупывал верный путь и, утвердившись, что идет правильно, пустился бежать. Он бежал, спотыкаясь о скрытые под снегом дорожки-катки, а сок в банке булькал, словно усиливал удары сердца.

Когда Рита очутилась рядом с Санчо, поезд был уже близко.

За последним поворотом Санчо увидел знакомую фигурку девочки в меховой шубке.

— Рита! — крикнул он, но девочка не услышала его голоса.

Он побежал еще быстрее.

— Рита!

Девочка оглянулась, остановилась, и Санчо чуть не набежал на нее.

— Рита... я ждал... меня увез...

Русские слова путались, и Рита никак не могла понять, что хочет сказать ее друг.

— Ты испугался? — вдруг спросила она.

Ее вопрос обжег мальчика.

— Нет! — Санчо энергично замотал головой.— Нет!

— Признайся! — настаивала девочка.— Я никому не скажу!

Санчо посмотрел в глаза Рите, и на его лице отразилась боль.

— Па увез меня... гость... из компании...

— Ребята решили, что ты трус. Ты должен доказать...

Некоторое время они стояли в растерянности, не зная, что им делать. Снег ложился на плечи, на шапку и на банку манго, которую Санчо прижимал к пальто. Санчо мучительно думал: как доказать ей, что он не трус?

Издалека донесся хриплый гудок поезда. Девочка не обратила на него внимания, но для Санчо гудок прозвучал сигналом. Он поднял глаза на Риту и сказал:

— Идем!

— Куда?

Вместо ответа Санчо крепко взял Риту за руку и зашагал в сторону, откуда доносился гудок поезда.

Несколько раз Рита пыталась освободить руку, но Санчо крепко сжимал ее. Он шел к какой-то невидимой цели. И Рита послушно шла за мальчиком.

Поднялся ветер. Он закручивал белую кисею снега в маленькие белые смерчи. Скорей! Скорей! Скорей! Иногда сквозь завывание ветра доносился гудок с железной дороги. Он звучал все ближе, громче, протяжней. Словно невидимые белые поезда мчались навстречу двум бегущим ребятам.

И вдруг перед ними возникла высокая железнодорожная насыпь.

— Вот,— сказал Санчо и остановился.

— Что теперь будет? — спросила Рита.

— Вот,— сказал снова Санчо и протянул руку с банкой манго.— Ты любишь манго?

— При чем здесь манго?— спросила девочка, не понимая, что происходит с Санчо.

Вместо ответа мальчик стал карабкаться по заснеженной железнодорожной насыпи. Он срывался, скатывался вниз и лез снова.

— Зачем? Зачем? — спрашивала Рита, но не получала ответа.

Наконец Санчо вскарабкался на насыпь. Он огляделся и поставил на рельс банку с яркой наклейкой.

— Будем ждать поезда! — крикнул Санчо.— Я докажу тебе, что я не трус. Я докажу тебе...

Где-то совсем близко забасил локомотивный гудок. А Санчо стоял рядом с рельсами, на которых ярким столбиком возвышалась банка с заморским соком.

Что задумал этот маленький иностранец? При чем здесь банка с манго и надвигающийся поезд? Надо остановить его, пока еще есть время! Рита бросила портфель на снег и стала карабкаться за Санчо. Его следы превратились в ступеньки, по которым девочка поднималась все выше. Когда же она очутилась рядом с Санчо, поезд был уже близко. Густой протяжный гудок звучал глухо, словно облепленный хлопьями снега. Земля вздрагивала как от подземных толчков. Было очень страшно.

— Санчо!

Рита уцепилась за рукав мальчика и стала его тянуть. Он упирался и, стараясь пересилить гул и надвигающийся грохот поезда, кричал:

— Нет! Нет! Я не трус!.. Ты должна знать!.. Я не трус!

Девочка попятилась и потянула за собой Санчо. Он упал на снег. Все вокруг гремело и сотрясалось.

Но сквозь железный грохот Санчо услышал тихий голос Риты:

— Ты не трус!

*

В это время отец провожал сеньора Крэдо. В пальто гость был еще круглее. А его глаза металлически поблескивали из-под широкополой шляпы.

— Желаю успехов, сеньор Родригес! — говорил он, задерживая руку Па в своей холодной, пухлой руке.— От вашей деятельности зависит очень многое!..

— Вы преувеличиваете мою скромную роль,— ответил Па.

— Нет, нет! Пускайте глубже корни. Изучайте спрос. Для коммерсанта очень важно не упустить момент... Я еще побываю у вас в скором времени.

Отец закрыл за гостем дверь. А когда вернулся в столовую, Ма убирала со стола. Из открытой форточки валили мягкие клубы морозного пара.

— Тебе не показались странными глаза нашего гостя?— спросила Ма.

— Какое значение имеют его глаза? — сказал Па.

Раздался звонок.

Стоя у открытого окна с сигарой, которая успела погаснуть, Па слышал, как Ма разговаривала с Санчо.

— Что с тобой? — говорила она.— Ты весь взъерошенный, весь в снегу. Что ты делал? Где ты был?

— Я играл в снежки,— запинаясь, отвечал Санчо. — Это такая игра, в которую играют смелые мальчики!

— Тебе здорово досталось?

— Как всем... Я просто не кланялся пулям.

— Скорей раздевайся, согрейся, прими ванну! Ты есть хочешь?

— Нет, Ма.

— Рите понравился сок манго?

— Очень... понравился.

— У тебя мокрые ноги. Раздевайся скорее.

*

Над городом плыла глухая зимняя ночь. Утихли машины. Безмолвным стадом замерли троллейбусы. Пропали прохожие. В окнах погас свет. Казалось, весь город уснул, накрывшись с головой белой простыней.

Только по одной из улиц медленно двигалась большая снегоуборочная машина. Она подгребала снег большим совком, который волокла перед собой. И снег вскипал белой волной, которая чудом докатилась сюда с далекого моря. Сама же машина, со всех сторон облепленная хлопьями снега, казалась существом одушевленным. Она тяжело дышала и медленно ползла по спящему городу.

Эта ночь была тревожной для Санчо. Он метался в постели, вскрикивал и снова затихал. Ему снилось, что он стоит на рельсах, а на него надвигается белый поезд. Нет, не поезд, а огромный снежок, который он у подъезда школы принял за белый камень. Теперь этот снежок гремит и гудит долго и густо, мчится прямо на Санчо, чтобы раздавить его вместе с банкой манго, которая ярким пятнышком застыла на рельсе. Огромный снежок надвигается; растет и грохот. А Санчо стоит на рельсах и кричит ему: «Я не трус!»

Этот крик вырвался из сна. И Ма, услышав его, бесшумно вошла в комнату сына, села на краешек постели.

— Я не трус! — повторил во сне Санчо.

— Ты не трус,— тихо сказала мама.

Ее голос проник в сон, и снежный ком сразу распался. Санчо открыл глаза.

— Что тебе снилось, сынок?

— Мне снился белый поезд,— ответил Санчо.— Но я не испугался его.

— Как громко стучит твое сердце! — сказала Ма.

Санчо прислушался и почувствовал, что сердце его билось учащенно, как после бега.

— Оно разбудило тебя? — спросил он маму.

Ведь только Ма может проснуться от громких ударов его сердца.

— Поворачивайся на бок,— сказала Ма,— и засни. Думай о чем-нибудь хорошем...

— О чем, Ма?

Ма задумалась, потом сказала:

— Вспомни, как мы с тобой ловили в море креветок и к нам подплыл дельфин. И ты закричал: «Кит!» А дельфин кувыркался в вол-

нах, как настоящий артист. Он играл и звал тебя поиграть. Помнишь?

Санчо ничего не ответил. Он уже спал. Может быть, ему снилось продолжение маминого рассказа?

*

Не только Санчо спал тревожно в эту ночь. В большом доме с булочной, на третьем этаже, Рита видела такой же сон, что и Санчо. Ей снилось, что надвигается страшный белый поезд, Санчо стоит на путях и в руках у него банка с соком манго. Поезд все ближе, а Санчо не уходит, стоит, как маленький бесстрашный боец. Что же он медлит? Что застыл неподвижно, разве ему не страшны белые колеса?

И тогда Рита не выдерживает и кричит:

— Манго!

Это слово как военная команда. Мальчик размахивается и запускает банку с манго в белый поезд. Банка оказывается гранатой. Она взрывается, и белый поезд летит под откос.

— Манго,— облегченно шепчет девочка.

И тут рядом с ее постелью оказывается мама.

— Манго? — переспрашивает она удивленно.

Девочка открывает глаза и непонимающе смотрит на маму.

— Он не трус,— говорит она и тут же засыпает.

*

А белая снегоуборочная машина плыла по городу, как маленький ледокол. Но и здесь, на суше, как в море, перед его носом поднималась высокая пенистая волна.

Очень редко корабли плывут по суше, а двум разным людям снится один и тот же сон.

*

Перед уроком ребята сидели на партах, поставив ноги на скамейки. И Шурик в очках со сломанной дужкой, в которых глаза его казались еще более черными и выпуклыми, рассказывал о своей собаке Деге.

— Я вчера катался на лыжах с Дегой... Она хорошо ходит в упряжке. Мчится, как ветер. У меня даже шапку сорвало. Пришлось возвращаться...

— Все брешешь,— сказал Абрикос, потирая ладонью нос.— Не может твоя Дега...

— Может! Я же катался...

— Во сне,— стоял на своем Абрикос.— Во сне катался.

— Ты, Абрикос, вообще ничему не веришь! — сердито сказала Рита.

— Верю глазам. И у меня на плечах голова. Это ездовые собаки. Дега — что? Ездовая собака? Она лайка?

— Она овчарка!— сказал Шурик.— Ну и что? Главное, научить...

Санчо с живым интересом прислушивался к разговору ребят, не успевая схватывать все слова. Но главное понимал. Неожиданно он соскочил с парты и подбежал к доске. Он взял мел и стал рисовать воздушного змея. Это был не обычный змей с двумя скрещенными щепочками. Большой корпус, широкие крылья, хвост. Змей, который возник на школьной доске, напоминал какое-то странное доисторическое существо с перепончатыми крыльями и глазастой мордой.

— Что это за страшилище? — спросил Абрикос.

— Змей! — ответил Санчо.— Можно собака... можно змей...

Ребята окружили Санчо.

— Со змеем? На лыжах? — усмехнулся Абрикос.

— Да, да... я видал... Только лыжи на воде... У нас нет снега.

— Брехня! — отрезал Абрикос.

Санчо непонимающе посмотрел на него.

— Что есть... брехня?

— Если можно на снегу, то можно и на воде,— сказал Шурик, так и не дав Абрикосу объяснить непонятное слово «брехня».

— На змее можно даже летать! — воодушевленный поддержкой Шурика, сказал Санчо.— Но сперва... лыжи.

— Сперва лыжи! — сказал Шурик.

Ребята так увлеклись воздушным змеем, что не заметили, как прозвенел звонок и в класс вошла Мария Павловна.

— Что это за дракон?

— Воздушный змей,— отозвался Санчо и только потом сообразил, что спрашивает его не кто-нибудь из ребят, а учительница.— Мы будем строить... потом кататься... лыжи. Вы поедете с нами, сеньорита Мария?

Некоторое время Мария Павловна с любопытством рассматривала змея, изображенного на доске. Потом она сказала:

— Я поеду с тобой, Санчо. А ты умеешь кататься на лыжах?

— Он научится,— ответила за мальчика Рита.

— Научится! — подтвердил Санчо.

— А пока придется стереть твоего змея...

Начался урок.

*

Санчо поражало, что ослепительно яркое солнце не дает тепла. Когда у него на родине светило такое солнце, люди прятались от его лучей в тени. Здесь же, над белым, заснеженным полем, солнце не давало ни капли тепла, словно работало вхолостую. Было морозно. И снег не таял.

Но Санчо не было холодно. Вместо солнца его грели лыжи. Рита шла впереди, Санчо скользил по ее следу.

У него это получалось неловко, он поминутно терял равновесие и от напряжения не чувствовал ни холода, ни мятного духа зимнего дня. Еще на родине, где снег лежит высоко в горах, а в долинах стоит вечнозеленое лето, Санчо мечтал о заснеженном поле, которое его воображение рисовало белым морем; он видел себя на лыжах с огромным змеем, который мчит его так стремительно, что белая пена разлетается в стороны... Размечтавшись, Санчо оступился и потерял равновесие.

— Только не оглядывайся! — успел он крикнуть Рите, чтобы она не видела его позора.

Рита остановилась. И пока Санчо, неловко путаясь в длинных лыжах, пытался подняться, Рита говорила:

— Не торопись! Выноси вперед корпус!

А Санчо в это время с неимоверными усилиями — лыжи мешали — поднимал корпус с земли. Наконец ему удалось встать, и он неловко, на прямых, как палки, ногах сделал шаг.

Девочка оглянулась. Санчо остановился.

— Ты действительно построишь змея? — спросила она.

— Я уже строю! Шурик... помогает мне... Мне бы научиться не падать... Пошли! Только не оглядывайся!

*

Комната Санчо превратилась в настоящую мастерскую. Она была завалена какими-то планками, рулонами бумаги, банками и клеем. На полу кудрявились стружки и валялись обрывки проволоки. А посреди комнаты стоял остов таинственного сооружения. Санчо строил змея, который должен будет помчать его по белому снежному морю.

— Мы сделаем самый летучий змей на свете!

— Когда это кончится? — спрашивала Ма.— Ты опять забрал кухонный нож.

— У тебя нет тонкой проволоки?

— Откуда у меня проволока! Бог мой! Весь пол залит клеем. Ты приготовил уроки?

Потом раздавался звонок, и появлялся Шурик. Он вынимал из кармана какой-то сверток и при этом сиял:

— Капрон!

— Выдержит? — спрашивал Санчо, развертывая сверток.

— Капрон! — коротко отвечал Шурик, и это означало, что выдержит и не такую нагрузку.

Ма тихонько подходила к двери. Из комнаты выползал едкий запах клея.

— Ты учишь свою собаку? — неожиданно спросил Санчо.

— Учу,— сказал Шурик, поправляя очки.— Я учу ее брать след. Когда кончу школу, пойду с ней служить на границу.

— О! Ты будешь ловить шпионов! — воскликнул Санчо.— Отлично! О'кэй!.. Я видел фильм...

Шурик кивнул.

— А у нее будут щенки? — спросил Санчо.

— Будут... Хочешь, подарю?..

— И я... тоже буду,— начал было Санчо, но остановился: видимо, одну мысль сменила другая. Он спросил: — У летчика тоже может быть... собака?

— Конечно, может! — уверенно сказал Шурик.

«Может!» — мысленно повторил Санчо и вдруг увидел себя в летном комбинезоне и большом шлеме, похожем на водолазный. Вот он шагает по заснеженному полю, на котором стоят серебристые машины с отведенными назад короткими крыльями, а рядом с ним, у левой ноги, бежит большая овчарка с темным чепраком на спине...

— Обязательно подари мне... щенок! — сказал Санчо, заглядывая в глаза Шурика. Потом поднял с пола готовое крыло змея и воскликнул: — Наша фирма процветает!

— Какая фирма? — удивился Шурик.

— Фирма «Воздушный змей»! Твой отец служит в какой фирме?

— У меня нет отца,— тихо сказал Шурик.— Он погиб на Севере.

Санчо опустил крыло. Некоторое время ребята работали молча. Плотная бумага потрескивала в их руках. И едко пахло клеем.

— Прости... Шурик, как погиб твой Па? — неожиданно спросил Санчо.

— Он спасал шведских рыбаков. Рыбаков спасли, а папу...

— Он спасал шведских рыбаков,— тихо повторил Санчо.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Недавно в Париже, в издательстве «Сегерс», вышла книга «Поэты Парижской Коммуны». Там я нашел это стихотворение, и мне захотелось его перевести. Имя Кловиса Гюга неизвестно советскому читателю, его стихи не печатались на русском языке.

Кловис ГЮГ

Салют, Коммуна!

Салют, Коммуна! Не напрасно
Была воспета ты в стихах.
Над ратушей трепещет красный,
Революционный красный флаг!
Сейчас в Париже он хозяин —
Ремесленный рабочий люд.
Прикрыли толстосумы ставни.
Притихли, шепчутся и ждут.
О Дева красная, салют!

Ты нам дороже год от года,
Коммуна, славная страна.
Ты рождена была народом
И для народа рождена.
«Смутьянов, этих коммунаров,
Расстреливайте без суда!»
Такой приказ даст Тьер кровавый
(И будет проклят навсегда!).
Салют, Отечество труда!

Молить напрасно: у бандитов
Виновны все. Старик, малыш...
Не счесть сынов твоих убитых,
Их кровью залит весь Париж.
Тьер хвалится расправой дикой:
«Как воробьев, стреляли их!»
На улицах Бельвиля тихо:
Лишь мертвые на мостовых.
Салют, живая из живых!

Сражалась храбро ты, как надо,
Но в щель измена проползла.
Ты не просила о пощаде:
Достойно, с честью умерла.
Когда же ненароком ветер
Влетит в разбитое окно,
Он скажет так: «По всем приметам
Хозяйки нет в живых давно.
Хозяйки нет в живых давно».

Но нет, жива, жива Коммуна!
И я ее пою сейчас!
Мир старый переделать трудно,
Но есть оружие у нас:
Ее идеи, что навечно
В сердца рабочие вошли,
И буржуа пускай трепещут,
Как трепетали короли!
Салют, о светлый день земли!

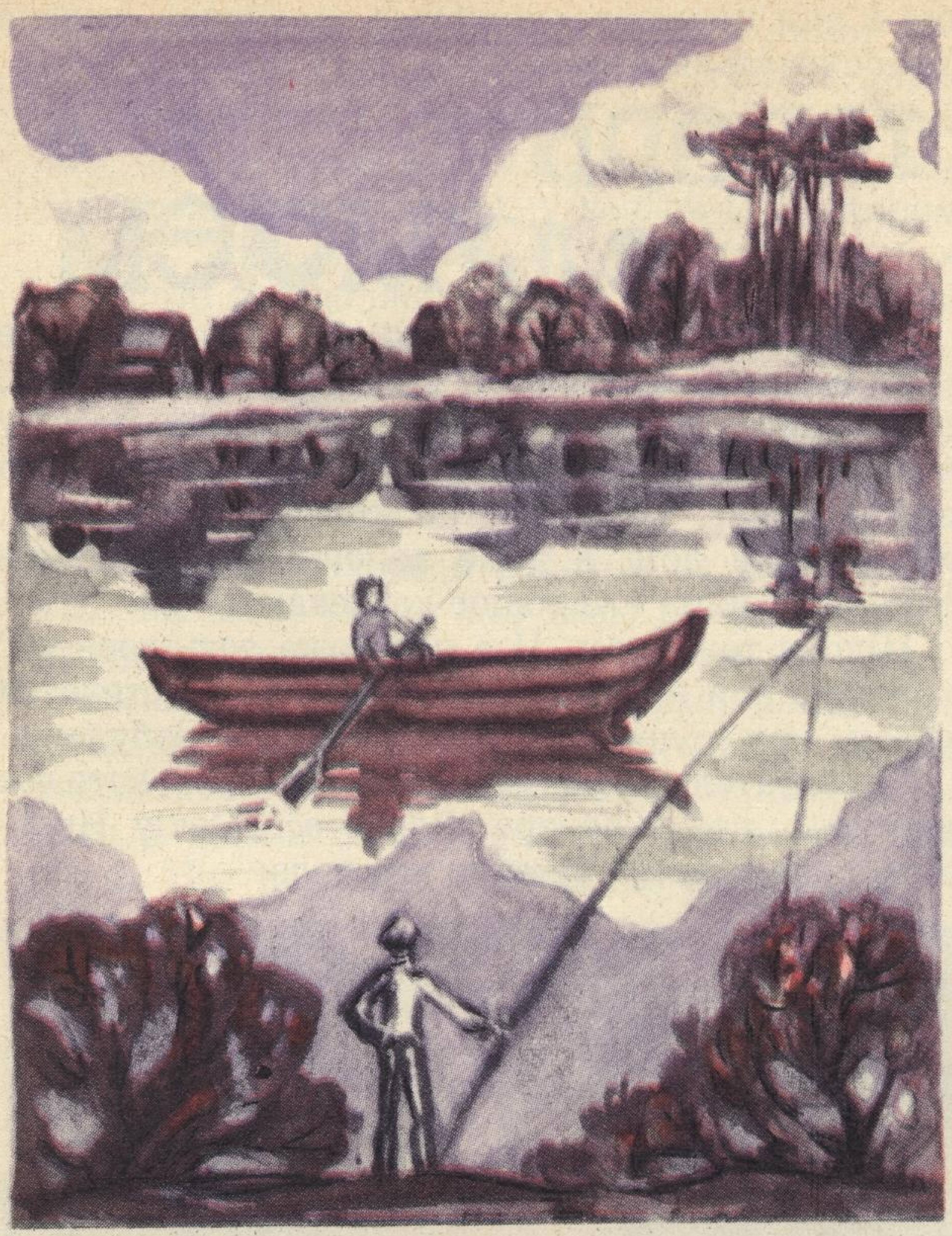
Перевел с французского Михаил АКСЕНОВ.

Каждый день школьной жизни приносит с собой вопросы. Кому легко учиться и кому трудно? Что принесет радость всем? Кто лучше всех сделает ту или эту работу? Почему поссорились два лучших друга и кто должен первым приходить мириться? И опять: как принести радость всем?

Вопросы не остаются без ответов, если в школе ребята настоящие хозяева своей жизни, если умеют жить не только по подсказке, а сами думают и сами решают все и действуют дружно.

Вот они собрались, чтобы поговорить. Может быть, заспорят. И не сразу поймут друг друга. И не договорятся сегодня ни о чем. Не все так гладко на свете. А все-таки хорошо, если людей связывает много общего, если им есть о чем подумать всем вместе, как этим ребятам из 161-й московской школы.

Фотография
В. ПОСТНИКОВА



Людмила МАТВЕЕВА

УЛИТКА, ВЫСУНИ РОГА

Рисунки Т. БОРИСОВОЙ и И. КРАСУЛИНА.

Видишь эту рубрику — «Школа умелых хозяев». Она уже знакома тебе. На этот раз мы хотим поговорить о тех, кто сумел стать хозяином своей школьной жизни. Получается у нас такой разговор: «Школа умелых хозяев своей школы».

сначала картинка

Село Званое большое, оно стоит на высокой круче, и дома отражаются в темно-серой воде реки Сейм. Дома белые, свежие, а окошки обведены у некоторых домов голубым, у других — зеленым, у третьих — оранжевым. На краю села школа. Она выше других домов и больше намного.

еще одна картинка

За рекой, в селе Будки (никаких будок там нет, а стоят такие же дома, белые, нарядные), живет девочка Саша Новикова, она председатель совета дружины.

Утром Саша взяла портфель с двумя блестящими замками и спустилась к самой воде. Рано. Сейм еще в тумане, и солнца не видно, но во всем предчувствие, что день будет ярким. Саша сама не могла бы объяснить, почему она это знает. И лесок на круче, и птицы в кустах, и луг, где бродят колхозные коровы, — все на солнечный день настроилось. Вода мелкими волнами плещется у Сашиных ног, и песок на берегу тоже становится волнистым. Саша сначала кидает портфель, потом сама ступает в лодку и отталкивается от берега. Что поделаешь, если школа за рекой.

Саша ловко гребет одним веслом, перекидывает его то на правый борт, то на левый. В этих краях все так гребут — одним веслом. Саша гонит лодку по глубокой воде. Лодка красная, вода серо-зеленая, кусты на берегах желтые — красиво. Саша внимательно смотрит по сторонам. Так и есть, вон мальчишка с длинным спиннингом у куста пристроился и кидает, кидает блесну. Саша тоже знает, что щука чаще всего сидит в корягах или под кустами: не любит, хитрая, открытой воды. Мальчишка ловит, где надо. Но Саша сердито встряхивает челкой.

— Милютенко! А, Милютенко! Кто за тебя в школу поспешит? — Сашин голос звонко разносится над водой. Мальчишка самолюбиво отвечает:

— Твое какое дело?

После этого он прячет спиннинг в круглый, как шар, желтый ивовый куст, достает из куста сумку с книгами и бросает сумку в свою зеленую лодку.

Теперь две лодки плывут рядом, красная и зеленая. Сашина чуть впереди, потому что она вывела ее на самую быстрину.

третья картинка

Школа в Званом, как лучами, окружена тропками. Со всей округи сюда собираются ребята. Вон мальчик на велосипеде едет, вон девочка на велосипеде, а младшего братишку на раму посадила. Дальних ребят привозит автобус, а совсем дальние живут в интернате при школе.

— Саша, мы будем сегодня школу мазать? — спрашивает высокая девочка с белой косой на плече.

Мазать... Как будто школа после этого будет грязная. А она, наоборот, будет белая, чистенькая, как дом у хорошей хозяйки.

— Что ж, давай сегодня, день-то теплый. Еще хотела Дуся с вами и Катя Щербакова.

четвертая картинка

После уроков мне показалось, что ребят в школе стало гораздо больше. Только потом я догадалась: это потому так кажется, что все они стали ходить и бегать. Когда сидели по классам, их не было заметно. Конечно, они не просто так ходили и бегали, у всех оказались дела.

Хорошо находиться в школе, где дела у людей не кончаются со звонком с последнего урока.

Девочки из шестого класса ведут обедать интернатских малышей. Первоклассники идут за Галей и Мариной, как гусята. Учительница первоклассников спокойно отпустила своих детишек и пошла на педагогический совет. Она знает, что все будет в порядке: и борщ съедят и котлеты с кашей. А не то чтобы котлеты слопать, а кашу оставить: «Не хочу». Мало ли у кого какие «не хочу», а порядок есть порядок. Галя с Мариной — люди добрые, но, когда надо, строгие — первоклассники это знают.

Три другие девочки пришли к завхозу Григорию Ивановичу, взяли у него ведро с известкой, мочальные кисти, стали белить школу. А во дворе, за сараем, пела пила. Это мальчики пилили дрова к зиме. Тоже дело необходимое: в каждом классе печка, зимой надо топить.

Двое мальчишек, Юра Милютенко и Володя Лавренок, взяли стеклянную банку и побежали к реке. Они засучили рукава и стали прямо с берега вылавливать в воде улиток.

Я спросила:

— Мальчики, зачем вам улитки?

— В аквариум посадим, они плесень со стенок объедают, для рыб очень полезно. Юра объясняет основательно, неторопливо. И в самом деле интересно: улитка, маленькая ракушка-завиток, может не только выпускать рога, если ее долго и громко уговаривать, но и приносить пользу. Вот почему аквариум в пионерской комнате такой чистый, ухоженный, и рыбы в нем плавают довольные, медленно шевеля шелковыми хвостами.

теперь немного подумаем

Почему в одном доме холодно и скучно, даже если все печи натоплены, а в другом и потеснее, и победнее, а тепло, легко, радостно? Потому что тепло дома зависит от хозяев. Если те, кто здесь живет, хорошо относятся друг к другу, любят свой дом, в доме хорошо. И про таких людей говорят: «Хорошие хозяева».

Школа тоже дом. И в ней тоже есть хозяева, хорошие или не очень хорошие, это чувствуется сразу, как только в школе немного побудешь.

И обязательно почувствуешь, вокруг кого все вертится, кто в центре. Здесь все Сашу Новикову спрашивают, всем до нее дело:

Школа будет белая, нарядная, как дом у хорошей хозяйки.

— Сашу не видел?

— Она на участке, где теплица.

— Саша! Мы газету в классе повесили, скандал получился, Колька обиделся, правда ему не понравилась.

— Сашу ищешь? Она к завучу пошла.

— Саша! Иди к нам, у нас весело...

Так бывает, когда и председатель совета дружины человек деловой и активный, и все остальные не сони ленивые, а тоже люди энергичные и заинтересованные в общем деле.

И еще одно качество понравилось мне у пионеров из Званого. Сейчас скажу, какое. Только сначала спрошу у тебя: как, по-твоему, трудное дело собрать улиток и посадить их в аквариум? Или это дело простое? Скажешь, совсем пустяковая задача: вот школа, вот река, вот улитка. А я считаю, что сложность дела не только тем определяется, далеко ли надо идти, тяжело ли придется нести. Чем же? Тем, что никто маль-

чишкам про это дело не напоминал, никто их не подталкивал. Они сами в своих головах держали: «пионерская комната — аквариум — улитки». Заботу сами имели, а так бывает только у самостоятельных людей, у хозяев в своем доме.

Есть люди, которым все время надо объяснять, что они должны делать. Да еще втолковывать: сначала надо сделать то, потом другое, а уж потом третье. Если даже такой человек все сделает, все равно его участие в деле не такое уж большое. У него голова свободна, за него другие думают.

Мне понравилось в ребятах из села Званое, что они сами умеют обо всем беспокоиться, не оглядываются на старших все время.

Конечно, целая школа не может быть наполнена одними только замечательными людьми, таких школ на свете нет. Люди разные, у каждого в жизни своя радость, своя печаль, свой план. Но, наверное, такая атмосфера в этой школе создалась особенная, что когда все вместе, то всем хорошо.

Когда затрещат морозы за окном, в печах загорится огонь, станет в классе тепло,— учитесь, пожалуйста, люди.

Еще немного порассуждаем

Ты скажешь: «Легко сказать, атмосфера. А как она создается? Я, может, тоже хочу, чтобы и у нас в школе так было — все вместе и всем хорошо. А получается по-другому: отучился — и домой. Каждый сам по себе».

Конечно, сказать легко, а сделать труднее. Но сделать все-таки можно. Потому что в любом доме все зависит от тех, кто в нем живет. Если ты ничего в свой дом не вносишь, никому от тебя ни тепло, ни холодно, то ты вроде бы и не дома, ты чужой. Такой закон: дом, которому ты сам ничего не даешь, где другие не чувствуют в тебе опоры, это еще не твой дом. Ты пришел в класс, посидел, послушал, что учителя говорят, ответил, если вызвали,— и все, остается ощущение пустоты. И пустота заполняется чем-то другим. Или обидами, или сплетнями, или скукой, от которой кости ломит.

А что, если ты решишь: хорошая жизнь в моей школе начинается не с каких-то других людей, а с меня самого. Разве так не может быть? Скучно, а ты подумай, что ты умеешь делать? Книги в библиотеке разобрать и привести в порядок? Стать опорой младшим? Починить баскетбольный щит? Сочинить стихотворение для стенгазеты? Что-нибудь обязательно умеешь, вспомни. Возьми и начни это делать. Любое, пусть маленькое дело, для других. И ты увидишь, как изменится твоя жизнь. Сам увидишь, не будем говорить заранее. Только предупредим: если ты человек немного робкий, застенчивый, постарайся это преодолеть, не думай так: «Чего это я буду не в свое дело влезать, еще засмеют». Не стесняйся, ты только начни.

Еще одно важно — хороший председатель совета дружины. Такой, как Саша Новикова, человек с твердым характером, живой, подвижный, выдумщик. Не говори: «Им хорошо, у них такая нашлась Саша». Ребята Сашу сами высмотрели и выбрали председателем. И у вас кто-то такой есть, разглядеть надо, а не выбирать того, кто первым в голову придет, лишь бы отметки приличные. Сами, значит, виноваты.

И еще одна мысль

Об учителях. Почему так получается, что есть школы, где ребята сами все решают, все делают, а есть, где ребята того же возраста,— будто маленькие. Говорят: «Учителя нас во всем опекают, никакого доверия. Что мы можем сделать?» Может быть, виноваты во всем взрослые — учителя, директор, родители? Это они неправильно воспитывают ребят, проявляют лишнюю заботу, тревогу? А сами ребята и не виноваты ни капли? Может быть, может быть.

Но тогда такой вопрос. Откуда взрослые узнают, что ты уже не маленький, что ты вырос и способен на ответственность, на решительные шаги, что тебе можно доверить серьезное дело? Откуда это станет известно? Ведь на переменах ты балуешься, как маленький, на уроках вертишься, как вертелся во втором классе. А на днях — помнишь? — алгебру не выучил, смотрел на учительницу наивными глазами и тянул, прикидываясь глуповатым:

— Я тетрадку дома забыл.

Как же эта учительница должна к тебе относиться? Как к человеку взрослому или как к несмышленому?

Свою взрослость надо доказывать делом.

Пришли однажды шестиклассники к директору Владимиру Ивановичу и говорят:

— Не надо пильщиков нанимать, что мы, сами не распилим? А деньги сэкономим, лучше в

каникулы отряд в Курск съездит, а то и в Москву.

Владимир Иванович подумал: «Ишь, как выросли люди». А что же он мог про них подумать, если они толково придумали?! Директор, может быть, сразу забыл, как на той неделе эти же самые Петька и Славик пытались взвесить школьного кота на безмене. Кота посадили в авоську, а кот орал. И директор вышел во двор, отнял кота и безмен тоже отобрал. Только авоську им оставил. Конечно, уважения к ним он тогда не почувствовал. А они-то, оказывается, не всегда дурят, они и трудиться умеют и рассуждать правильно. Растут.

Я думаю, вдруг ты скажешь: «Значит, вы советуете: работай, работай, без конца работай?» Никто такого не посоветует. Да они вовсе и не такие люди, ребята из села Званое.

Они обыкновенные люди, как и в твоей школе и во всякой другой. Того же самого Петьку я встретила на другой день посреди села в очень плачевном виде. Он ехал на велосипеде, а на плечах держал коромысло с двумя полными ведрами. Неловко качнулся, вся вода из обоих ведер — на него. Петька стал не просто мокрый, а такой, про каких говорят: «Хоть выжми». Шла мимо женщина, стала ему говорить:

— Опять выдумал? Дом же рядом, не мог воду ногами принести?

— Сами носите ногами, а я руками только могу, — проворчал Петька негромко.

Он не только для баловства придумал этот громоздкий способ доставлять домой воду. Он хотел сделать небольшое изобретение, так Петька мне объяснил. Но его подвел закон равновесия: велосипед требует равновесия, и коромысло тоже. Вот и не совладал Петька с этими двумя равновесиями. А то большая польза для хозяйства получилась бы: механизация. В общем, по секрету говоря, Петька — озорник. И другие мальчишки вовсе не голуби.

Но в том-то и дело, что обычные люди, и мальчики и девочки, любят свою школу, хотят быть в ней не пешками, а хозяевами, со своим хозяйским достоинством.

А начиналось все с простого. Один играет на баяне, другой рисует карикатуры. Третий не умеет ни петь, ни рисовать. Но это не значит, что он хватает шапку в охапку — и скорее вон из школы. Нет, он себе тоже дело находит. Все находят себе дело, все этого хотят — вот в чем смысл. А дело людей объединяет.

Последнее рассуждение

Представь себе, твой отряд пошел в поход. Привал. И сразу кто-то разжигает костер. Кто-то быстро картошку чистит, другие палатки ставят, третьи воду для обеда принесли. А один ходит то к тем, то к этим и спрашивает:

— А мне что делать? Давай, я тоже буду что-нибудь делать.

Ему все говорят:

— Ну, найди себе дело, что ты какой слоняльщик...

Вот и ты не будь таким слоняльщиком ни в походе, ни в обычной жизни. Сам соображай, не жди, когда тебе скажут: «Сделай то, принеси это».

И еще. Все, что рассказано про ребят из Званого, рассказано не для того, чтобы этих ребят похвалить, хотя они и молодцы. А для того, чтобы и ты подумал, **все ли в твоей пионерской, школьной жизни идет так, как хотелось бы тебе.** И еще подумал бы, **что такое, по-твоему, хозяева своей школы, своего отряда.** Какие они? **И напиши нам об этом. Обязательно.** Договорились?

Напоследок еще одна картинка

На вечерней зорьке Юра Милютенко опять стоял у своего любимого желтого куста, похожего на шар, и пытался обмануть хитрую щуку. А Саша проплывала мимо на своей красной лодке. Она ничего Юре про уроки не сказала, потому что, если хочешь, чтобы тебя слушались, то нечего зря командовать. Саша это понимает. Человек хорошо поработал, теперь делает, что нравится. А когда стемнеет, сам пойдет домой уроки учить. Она проплыла мимо, и тут услыхала крик:

— Есть! Вот она!

Юра держал на вытянутой руке длинную темную тяжелую рыбу. Он кричал не Саше. Если бы ее не было на реке, он бы все равно шумел от радости, может быть, даже плясал бы или пел. Потому что очень приятно, когда что-нибудь кончается удачей.

— Милютенко! — крикнула Саша, сложив ладони у губ. — Ты молодец!

Над рекой далеко был слышен ее голос. Над рекой вообще далеко слышно.

Курская область.

— Эй, Милютенко! Все-таки ты молодец!

Мы вошли в штаб и просто ахнули: Лена, поставив один ящик на другой, быстро рисовала что-то кистью почти под самым потолком.

Рисунок С. ТРОФИМОВА.

Слышать голос трубы!

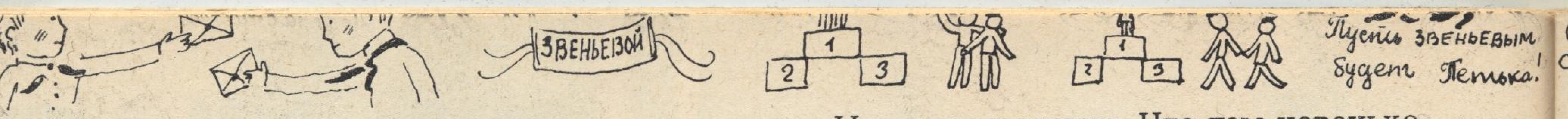
Продолжение. Начало в № 11 1972 г.

2 января 1973 года, вторник, утро. Пишет Антон.

Итак, мы победили! Танька Петрова больше не председатель. И весь совет отряда у нас теперь новый. Картавцева на следующий день заявила, что не останется звеньевой. У нее, видите ли, солидарность с Петровой. Спросили Гарьку Комаренко: «А ты как?» Гарик сначала туда-сюда: мол, ему учиться надо, у него, кроме всего прочего, английский с домашним преподавателем... А потом Мишка к нему приступился: «Будешь или переизбирать?»

Гарик очки запотевшие снял и говорит:

— В общем, переизбирайте, ребята. У меня все равно не получится по-настоящему...



Стоит он, смотрит на всех беспомощными глазами — как-то даже неловко стало. А Гарик вдруг спокойным голосом:

— Я вообще-то хочу Марата предложить...

— А у него двойка в четверти опять намечается,— Ельчина вставилась.

А Гарька:

— Если Марат не возражает, я бы смог его подтянуть!

За Маратку проголосовало все звено, кроме Ельчиной и Петровой. Даже Ежик, хоть и неуверенно, все же руку поднял.

Наше с Валькой звено высказалось за Ольгу Степанян: пусть у нас Ольга звеньевой останется. Но Ольга не захотела.

— Если говорить честно,— сказала она сердито,— лучше, когда мальчишки делами заправляют. Это интереснее! И мы знаем теперь, что у них это очень здорово выходит!

Все это слышали, все, весь отряд. И ничего! Ни один не посмел даже исподтишка хихикнуть. То ли было бы в начале года!

Дальше она, представьте, предложила в звеньевые или Багрова, или Осокина. Она там еще разные хорошие слова про нас говорила. Но тут хватанула уж слишком.

Прогремел звонок, перемена кончилась, и наши отрядные перемены тоже пока приостановились.

И опять была история, то есть урок истории, хотя на нем все же вышла история. Как нарочно, опять мы писали с Валькой друг другу записки на одном листке из тетрадки. Чтобы все было понятно, я его тут вклеиваю:

«Антонище! Я за тебя!»

«Нет, Валь, я за тебя!»

«Я не хочу ни в чем быть выше, Антон, ты понимаешь?»

«Мы же все равно будем вдвоем, вместе всегда, всю нашу жизнь, кем бы кто из нас ни стал. Наша дружба от этого не зависит».

«Раз так, Антошка, раз ты так думаешь (я тоже), соглашайся на звеньевого. Все-таки ребята тебя больше уважают».

«Кто тебе это сказал?! Имей совесть, Валька, нас с тобой уже никто отдельно не разделяет. Вот что: давай предложим вместе — пусть звеньевым у нас будет Петька!»

«Антон! Точно! Это мысль! Огарок — отличнейший парень! Как мы забыли! Он же за отряд всей душой».

«А мы, Валь, с тобой...»

Я хотел написать, что мы с Валькой останемся лучше рядовыми нашего настоящего отряда. Я хотел сказать, что рядовые бойцы — это тоже не последнее дело, но Нина Николаевна дописать мне это не дала.

Историчка взяла из моих рук листок (как мы ее не заметили?) и понесла к своему столику.

— Ну-ну, посмотрим. Что там новенького в вашем острословии? Воздадим ему должное — и вон из класса. Плёхо, что история вас ничему не учит, Багров — Осокин. Очень плёхо!

Историчка почему-то подумала, что мы выдумываем разные фразочки с названиями кинофильмов. Ну вроде: «О чем думают первоклассники?— Как преуспеть в любви», «Кто стер пифагоровы штаны?— Подозреваются все!» И так далее. Не знаю, как где, а у нас повальное увлечение.

Нина Николаевна отвела руку подальше, чтобы лучше разобрать нашу писанину, и уже заранее состроила насмешливое выражение.

Класс приготовился повеселиться. И вначале кое-кто прямо умирал со смеху. Но потом все стихло. Нина Николаевна прочитала конец в полной тишине.

— Нина Николаевна,— сказал с места Мишка. — Можно, мы займем у вас еще пять минут?

— Что? — удивилась она.— Пять минут? Да-да, пожалуй... Конечно. Пожалуйста, Касьянов. Мне, знаете, очень интересно...

Мишка провел голосование, и Петька Огаров был выбран звеньевым нашего звена. А вместо Картавцевой первое звено выбрало Лену Голубеву.

Вот как все это было.

Днем того же дня. Пишет Антон.

Победить-то мы победили. Но дела такие: Каблуков до начала каникул в классе не появлялся. Толян подошел к Мишке: «Дождешься, начальник, понял?» И протянул было руку, чтобы смазать ему, но Мишка руку перехватил и в ответ: «Понял, Толян, понял — ну, заяц, погоди! Да?» Мы засмеялись. Толян хмыкнул, руку опустил.

Ежик не паясничает, притих. Кисель хорохорится: ходит по классу и распевает: «Мы-раз, мы-бой, разбойнички, разбойнички, разбойнички». Ему усиленно подхихикивает — ну просто поверить трудно — Танька Петрова! Не думай, Валька, я на нее теперь не злюсь нисколько. Я, Валька, вот что понял: **ее примерность была двуличием.** Она, как на сцене, изображала из себя одно, а на самом-то деле была другая. Маскировочка! Чтобы только быть похожей на настоящего председателя. А внутри такая же сплетница, как Бутина да Захарова. Недаром она теперь, и в открытую, заодно с ними.

Но многие с нами!

В тот день мы шли домой вместе — Мишка, Валька, Нелька Лабухова и я. Снежок шел очень симпатичный, хрупкий такой

под ногами. Дошли до улицы Субботина, мне уже отделяться, а Касьян затоптался вдруг и сообщает: «Я, Антон, с тобой!» Вижу, Валька загорается помидором, Нелька глазищи опускает и, конечно, тоже. Получается явная ерунда. Слава аллаху, Мишка и не думал вовсе оставлять их одних. Он, оказывается, задумал идти домой к Каблукову!

Один собрался! Ну, конечно, мы пошли вчетвером...

На этом самом интересном месте дневника ко мне пришел Валька: «На каток пойдем!» Дневник откладывается до вечера.

Вечером того же дня. Пишет Валентин.

И вот мы пришли к Каблукову, позвонили. Долго дверь не открывалась. И я уже с облегчением подумал, что нету никого. Но вдруг послышались шаги, дверь открылась. На пороге стоял мужчина. Как говорится, грудь моряка. А штаны у него были серые, на тоненьких подтяжках заграничных, рубашка белая, ворот расстегнут. А лицо такое все волосами обросшее, как у Карабаса-Барабаса. Но все равно лицо страшно похоже на Женьку Каблукова. Короче, ясно: перед нами стоял Каблук-старший. Он нас окинул таким медленным взглядом, как будто запоминал на всю жизнь, и сказал:

— Ну, проходите, пионеры!

Я сразу пишу про него насмешливо, хотя писатели на самом деле должны сначала хоть познакомить со своим героем, а потом уже его ругать. Но тут дело в том, что он мне с первого взгляда сильно не понравился. Поэтому нечего мне было ждать, чтобы он чего-то такое сделал. Я и так сразу понял: плохой он!..

В комнате за отдельным столиком сидел Каблук-младший (наш Женька) и глядел в учебник. Но я, честно говоря, его сперва даже не заметил. Я вошел и обалдел: в комнате был какой-то чертов стукперезвяк... Это тикали сто или двести часов, которыми были увешаны все стены комнаты. И по углам еще, как солдаты, стояли громадные часы, которые занимали целые специальные шкафики. За стеклами видно было, как перекатываются медленно их огромные желтые маятники.

— Что?— спросил Каблук-старший.— Нравится? Коллекция! Такой во всей стране нет!— Тут он как бы заметил Женьку: — А ты учи-учи!.. Совестно тебе перед товарищами? А? Говори, совестно?

Каблук обернулся, исподлобья глянул на нас. Я увидел, что у него под левым глазом черная луна. И Женька с такой на нас злостью глядит...

Отец:

— Смотришь? — Подходит и раз ему подзатыльник.

Женька так носом в учебник и уткнулся. А он еще его за ухо так с выворотом.

Каблук:

— Ай, папочка! Не надо!.. Папочка!

И здесь часы все как загрохочут, зазвенят, задребезжат. Из десяти или из двадцати кукушки выскочили и, как собаки, друг на друга: «Ку-ку! Ку-ку!» Но почти сразу все кончилось — времени только три часа было.

Каблук-старший Женьку обратно на стул пихнул и как расхохочется. Видно, ему понравилось, как мы рты разинули:

— Ну что, молодежь, ха-ха-ха-ха-ха! Не видали такого? И не увидите!

— Почему не видели? Видели! — вдруг Мишка говорит. — В кино сколько раз видели!.. Про отцов дореволюционных, которые детей своих лупят.

Вот честно, Антон, я тоже это же думал. Но я только сказать так не умею, как Мишка: громко и понятно... А у Каблука-старшего лицо вытянулось, наверно, на целый метр. А потом такое злое стало, все собралось, будто в кулак. И Касьяна он глазами своими злыми как ударит!

— А ты в чьем доме находишься, пионер?

— Неважно, в чьем доме! — вдруг Мишка рубанул.— А важно, что пионер! Понятно?!

Мишка совсем его не боялся. И я тоже понял, что не боюсь его! Мы стояли все трое: Касьян, потом я, потом ты (Нелька немного сзади). И я чувствовал вас обоих плечами.

— Ты в своей школе воспитанием занимайся! Грубиян!

И вдруг я заорал:

— А человека избивать — подлость! Да мы знаете что...

И вдруг этот папаша Каблуков опять начал таять, злость сразу же вся исчезла. Вся!.. Он начал говорить что-то таким быстрым голосом: «Что вы, ребята, пионеры, отец с сыном... Я же учу его, а вы...» Он еще говорил, говорил... У меня, честно, мозги набекрень съехали. Вдруг часы опять зверски хором: «Бам, бом, ку-ку, дзынь, блямс!..» А Каблучище сразу:

— Женя, проводи, проводи товарищей!

Женька встал быстренько и на отца смотрит, как собачонка. Глаза бегают — у Ежика таких никогда не видал!

— Он когда в школу придет?— Мишка спросил.

— А надо когда?

Тут Антон Мишку плечом подтолкнул и говорит, что уж теперь не надо, что завтра уже каникулы начинаются.

— Вот и хорошо!— Каблучище заулыбался, засмеялся.— Ай Женька у нас!..

Загулял! Три дня! Нет, четыре дня пропустил!.. Ну, я его в первый же день... Только каникулы закончатся. Живо отправлю!..

Мы пошли в переднюю — и сразу вон из квартиры. Не хотелось тут быть хоть секунду. Пальто быстрей напялили. Каблук вышел за нами. Мы спустились по лестнице, вышли на улицу. Женька Каблук говорит таким голосом, как робот: «Заходите еще, ребята». А глаза прямо как у волка на псарне!.. Мы стояли растерянные. Ничего у нас из этого похода, наверное, не получилось. Может быть, только хуже сделали...

Ну вот, наконец мы справились со всеми событиями, которые произошли до Нового года в нашем отряде.

Нина на празднике дружбы подошла к нашим и сказала:

— Надежда на ваш отряд у нас огромная. Смотрите, теперь так держать! Договорились?

— Еще бы! Конечно! Договорились!— грянул в ответ наш шестой «Б», довольно дружно грянул. А что? И правильно.

4 января 1973 года, четверг. Пишет Антон.

Валька, извини! Я писать не буду. Я не могу писать! У меня указательный палец порезан, он распух, как бочка, а уж безымянным не напишешь. (Я им сейчас и пишу — видишь, какие каракули!)

А штаб оборудуется! Саша Большой пришел вечером, говорит: «Ого!» Шинель с кителем снял и засучил рукава. Пошло дело! Я вернулся домой в полдесятого вечера!..

10 января, среда. Пишем вместе.

Кончились каникулы. Дни проносились над нами, как реактивные самолеты. Утром встал — в штаб.

Мы задание на каникулы наметили: оборудовать штаб, как говорится, от и до. Но потом сами видим: всем здесь сидеть теснотища. А ребят у нас из класса осталось на каникулах ни много ни мало — пятнадцать (вместе с девчонками). Тогда Мишка предложил по сменам работать — в три смены. Но сразу же поняли: это чушь. Почти каждый сверхурочно лезет! «Ладно, — говорит Мишка,— отменяем это решение». Что делать? К Саше идти. А потом (это Лена, кажется, Голубева сказала), ну что все к Саше да к Саше. Конечно, Саша придумает! А сами-то?!

И все-таки не обошлось тут без Саши. Но только это была Саша Маленькая. Она и придумала построить горку в детском саду, снеговиков налепить. А потом уже додумались до вообще хорошей вещи: операция «Радость» (для малышей).

Мы разделились на два звена. Первое — штабные: Артемов Вячеслав, Багров Антон, Голубева Лена, Щагин Иван, Шевченко Людмила, Тухваттулин Марат, Набутова Алина, звеньевой Багров. Второе — уличники: Андреева Саша, Иванов Юрий, Лабухова Неля, Осокин Валентин, Степанян Ольга, Огаров Петя, Ежов Валера, звеньевая — Степанян.

Два звена по семь человек, а Касьян Мишка был объединенным командиром. Он и работал больше всех. Даже ангину под конец схватил. И не он один. Но об этом после!

Мы не пишем, сколько было суматохи из-за этого распределения. Но все решилось по-честному: сперва кто куда хотел, а остальные по жребию. И получилось не обидно. Но только впервые мы (Антон и Валентин) не были вместе. Зато для дневника лучше: и про штаб и про «Радость» можем писать.

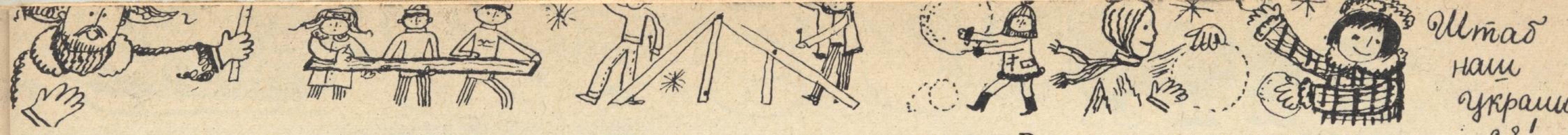
В штабе сразу работа пошла хорошо. Здесь уже точно знали, что делать — пол драить, розетку делать, абажуры вырезать для висячей лампочки и для настольной. Лена сказала, что хочет рисунки на стенах сделать. Из-за этих рисунков вышла загвоздка.

Марат Тухваттулин расшумелся: «А если плохо выйдет? Все стены нам заляпаешь». Он ведь говорит как получится, не думает! Но все-таки ребята засомневались. Штаб — дело общее.

— Штаб для всего отряда! И стены для всего отряда!— Марат грохочет. От него так просто не отцепишься.

Тогда Антон сказал, что он хоть и звеньевой, но не потому говорит, а он просто сам видел, как Лена рисует хорошо. Она даже конкурс проводила от целой школы нашей! Позвали Вальку с улицы. И он тоже сначала подтвердил. Но после, когда на него насели, что, мол, это же для всех, Валька тоже засомневался. А Лена тогда рукой махнула: «Ну, ладно, как хотите! Вам виднее». И стала окошко отскабливать ножом от известки и краски.

Но на этом дело не кончилось. Да еще как не кончилось! На другой день утром (кажется, 5 января) мы вошли все в штаб, обе бригады, посидеть вместе перед работой... И мы просто ахнули, ахнули! Лена, поставив один на другой три ящика, быстро рисовала что-то кистью почти под самым потолком. Внизу стояло ведро с белой краской (побелкой). И к нему приклеена бумажка: «Для Марата!» А на стене... Там был Мальчиш-Кибальчиш, там —



кусок леса, там — красная конница, там — горы и река. И мы все поняли, как Лена хорошо придумала. По белым стенам от бывшей здесь когда-то сырости остались желтоватые пятна. И в каждом — если присмотреться — можно разглядеть что-то. Лена это увидела! И начала подрисовывать. Лабухова не выдержала: «Ленка! Какая же ты молодец!» А Лена стоит наверху и улыбается — гордо и смущенно. А Марат вдруг схватил это ведро с краской и к двери — выливать. Лена кричит сверху: «Погоди! Еще пригодится потолок белить».

Штаб наш украшался!

Лена принесла настольную лампочку, Мишка — красную скатерть, Лабухова — стул, а Валька — табуретку, Юрка Иванов — отличнейший медный чайник. Говорит, с настоящего корабля. Ну, с корабля не с корабля, а то, что он старый, закопченный и с каким-то непонятным клеймом — это точно! Антон за чайником на другой день приволок плитку электрическую. Еще стулья пришли. Но самого главного-то и не хватало! Стола! А где его взять? Стол всем самим дома нужен.

И все-таки нашли! Мать Набутовой прознала, что у них на фабрике одна женщина гарнитур покупает. Инна Петровна (мать) у нее спросила, не отдаст ли она старый стол, а та: «Да я хоть за шесть рублей отдам». А когда мы пришли, она говорит: «Забирайте задаром, что ж я с пионеров деньги брать буду!» А у нас в отряде только и была, между прочим, пятерка. И причем два рубля мелочью — из Антошкиной копилки. Потом нам эти денежки еще как пригодились!.. Почти что целый день Антонова бригада и Касьян волокли стол до штаба. Он был здоровенный. Но когда его на середину поставили, да Касьянову скатерочку, да чайник, да лампу!.. А вечером еще двое Саш пришли, Большой и Средняя (родители нашей Сашки), принесли сахару и печенья. Это было дело! Был у нас чаечек!..

В общем, в штабе дела шли. А в детсаду не очень. По идее должно бы получаться наоборот. Снежных баб налепить посмешнее, горку сделать. Кажется, раз-два — и готово. Но здесь все от погоды зависело. Снежных баб из сыпучего, сухого снега не полепишь. Олька уже собиралась клей «Слон» покупать — снег клеить. Конечно, чушь. И тут Ежов Валерка предложил: «Пока мороз, давайте ледяную горку сделаем, чтоб малышей на санках катать». Да-да, это сказал тот самый Ежик—бывший припевало и подлипало. Он был теперь с нами, в бригаде Степки — Ольки. В первый раз, когда он пришел в штаб (мы перед каникулами оставили в классе объявление: «Штаб работает всегда!»), когда Ежик пришел, мы как-то себя почувствовали не очень. Все кругом вроде уже свои, а этот... Питер Огаров даже немножечко голос стал подымать. Мишка его сразу бам по ноге незаметно (Валька видал). И после объяснил: чем больше с нами народу, тем лучше же! Мы согласились.

И Ежику поначалу тоже непривычно было. Он все как будто искал, кому бы подчиниться. Но Касьян Мишка ему говорит: «Ты чего, Валер? Ты вари котелком, присматривайся малость. Тут не ступинские порядки»... Ежик говорит: «А Толик, между прочим, законный малый». Касьян: «Может, и законный. Но мы этого не видали пока!» На том разговор заглох. Но Ежик стал помаленьку оттаивать. Перековывался, как Валькин отец говорит.

И вот по Ежовскому предложению начали мы делать горочку.

Еж буквально землю роет... Можно понять человека: всю жизнь в рабах ходил. И вдруг сам себе голова, да еще какая! И такой серьезный какой-то стал! Чего-нибудь у него спросишь, он ни за что сразу не ответит. Надо, говорит, подумать.

А дядя Игнат (сторож) достал немного досок... Мы-то, олухи: зачем зимой доски? Оказывается, горку строить. И тут мы догадались! Конечно! Теперь же полгорода так делает!.. Тяни-таскай — из дому принесли молотки. Стали, как дядя Игнат выразился, сколачивать плоскость горы. Работа вроде бы детская: клади под доску поперек толстый брус и загоняй гвозди... Первым же ударом Питер себе палец отхлопнул. Валентин один гвоздь вколотил нормально. А потом — хвать по пальцу замерзшему, по ногтю. Боль адская!.. Хорошо хоть девчонки не травмировались. Они делали снежные бортики вдоль будущей ледяной дороги.

Но не успели мы горку достроить, как началась оттепель. И буран тут как раз повалил такой — полкило каждая снежинка. Самое-самое время баб лепить. Это у нас и по плану было намечено. Дядя Игнат: «А горку кто? Я за вас буду достраивать?!» Обидно ему стало, что мы вроде от него уходим. И тогда остался с ним Валька, а все остальные принялись шары катать. Надо же было спешить: оттепель в январе — дело ненадежное! А Вальку оставили потому, что он больше всех с дядей Игнатом подружился. Как-то приглянулись они друг другу...

Однажды вечером (было это вроде уже 8-го числа) собрались мы все в штабе на совет. Саша Большой нагрянул. Мы ему доложили, кто чего сделал. А после Касьян еще выступил, что все работали отлично, но лучше всех проявили творческую инициативу Лена Голубева и Валера Ежов... Так странно было слышать эти два имени рядом. Наша Лена и Ежик!.. Но в общем-то их Мишка по справедливости отметил.

Штаб был готов полностью. Остался последний рывок в детсаду. На девятое число наметили проведение операции «Радость». Саша Большой: «А после операции объявляю здесь общий торжественный сбор».

И вот настал этот знаменательный день в нашей жизни — день проведения операции «Радость». Почему он самый главный, мы можем на это ответить точно. Вот в штабе, например, мы тоже хорошо поработали. Но в штабе мы для себя все делали. А здесь — все-все до капельки для других. И еще все самостоятельно. Никто нами не руководил, не указывал... Конечно, без пионервожатых, без классных там руководителей тоже далеко не уедешь. Но все же когда сам — это совершенно другое дело! Кто не верит, пусть попробует. Тогда и увидит, правильно ли мы говорим.

И вот началась операция «Радость». А у нас буквально все уже было готово для этого. Сперва начали катание с горки. Вроде бы подумаешь: ну и катание, ну и с горки. Всякий это делал тысячу миллионов раз. Но наша-то горка построенная — построилась у всех на глазах. И буквально за несколько дней. К ней и отношение было особое. Мы еще вдобавок ленточку протянули: мол, торжественное открытие! И вот нагрузили на огромные лошадиные сани чуть не весь детский сад. (Сани Валька нашел у дяди Игната в сарае и вместе с ним починил.) Нагрузились и кучей малой—ура, на ленточку торжественную. Потом в эти сани наши ребята запряглись и малышню катали. Это называлось — рысистые бега. А на горке Ольга и Нелька проводили соревнования, кто на санках дальше уедет. А другие ребятишки старались сшибить снежками апельсин, который красовался высоко на деревянном столбе. (Зачем этот столб стоял посреди детского сада, мы не знали. Может, специально для нашего апельсина?) Мы, между прочим, придумали здесь одну хитрость. Когда эти соревнования проводились, было восемь градусов. Снег не лепился, конечно. Но мы заранее снежков наделали и аккуратно их сложили, как древние ядра. Так мы и погоду перехитрили, и малышам не нужно было руки студить. А придумала это Саша Андреева.

Потом мы все — и отряд, и малышня, и воспитатели даже — пошли в дальний угол их большого двора. Здесь был небольшой пригорочек. Мы сперва тут собирались горку катальную делать. Но потом додумались до кой-чего поумнее. Мы все шли как бы по коридору. Слева и справа стояло по пять снеговиков. Уже вечерело. Лена Голубева, которая шла впереди, чиркала спичкой. А у каждого снеговика в руке был факел небольшой: палка, обмотанная бинтом, а бинт намочен в керосине. Факел сразу загорался и горел коптящим красным огнем. Было просто преотлично! Мы поднялись на пригорок. Здесь стояло что-то припорошенное снегом. Лена сняла варежку и стала осторожно этот рыхлый маскировочный снежок сбивать. И вдруг из снега стали появляться ледяной шлем, ледяные брови, глаза, нос, борода. Эта была та самая Голова богатыря из сказки Пушкина «Руслан и Людмила». Здорово это у нас получилось! Хотя Лена, когда это все делала (вчера вечером), пальцы себе, наверное, прилично поморозила. Потому что приходилось снежный ком водой поливать, чтобы можно было вылепливать и чтобы потом все затвердело. Но зато малыши наши стояли, прямо глаза разинув.

А факелы горели то тише, то сильнее. Отсветы от них мелькали по ледяному лицу Головы, по нашим лицам. А потом стали потухать, потухать, забегали быстро-быстро синие огоньки. Стало темно, и тихо, и грустно. Вдруг много людей из темноты начали хлопать в ладоши. Кое-кто из нас даже вздрогнул. Но это оказались родители малышей. Они видели наше представление. Пришли своих детей забирать и видели. А кто не видел, тем стали рассказывать. И на словах у всех получалось еще интересней и отличней. И все нам жали руки, говорили спасибо.

А потом мы пошли к себе в штаб. Мы знали, конечно, что там Саша Большой нас ждет. Но не знали мы, что там еще Давыдов, Сережка, Ельчина и еще другие ребята. Они вернулись из зимних лагерей да из домов отдыха разных. И сразу же к нам в штаб. Значит, и правда в отряде кое-что существует. А не то, что раньше, при Петровой!

Стали пить чай. И тут Саша Большой разговор начинает. Так он всегда — будто потихонечку, будто с одним с кем-то разговаривает. Но, смотришь, уже все, рты разинув, его слушают. Так и сейчас было... А говорил Саша разные простые вещи про нас, простые, хорошие и правильные. Так что сидели мы, будто статуи каменные. А Саша вдруг как засмеется... Вот, говорит, на уроке бы такую тишину! И мы тоже грохнули, засмущались. А Саша быстренько достает из-под стола коробку: «Это вам от меня. Чтоб все новости знать, чтоб ни одной песни хорошей не пропустить». Смотрим, транзистор «Альпинист».

Сидим, молчим, чувствуем. Шутка ли, штаб радиофицированный. Мишка вскакивает. «Дорогой...»—и больше ни звука по-человечески. Одно сипенье, хрипение и кашель. Так выяснилось, что Касьян простудился. Тогда Саша Большой включил транзистор, и просто заиграла хорошая музыка...

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Международный пионерский клуб «Товарищ»

Путешествие в прошлое фестивалей

ЧТО ТАКОЕ ФЕСТИВАЛЬ?

Слово «фестиваль» от латинского festivus — «праздничный». Вот уже двадцать пять лет это слово звучит по-новому на всех языках народов мира.

Фестиваль — это праздник молодости, смотр талантов, спортивные состязания.

Фестиваль — это борьба молодежи за мир, дружбу и солидарность.

День рождения всемирных фестивалей — 25 июля 1947 года. Место рождения — столица Чехословакии Прага, где впервые вспыхнул фестивальный «Костер дружбы». Организаторы фестивалей ВФДМ — Всемирная федерация демократической молодежи — и МСС — Международный союз студентов.

ПЯТЬ РАЗНОЦВЕТНЫХ ЛЕПЕСТКОВ

Этот удивительный цветок не растет в подмосковном лесу, его не найдешь на альпийских лугах. Но фестивальную ромашку хорошо знаю. все: и крестьяне Алжира, и лесорубы Финляндии, и рыбаки Канады, и строители атомной электростанции в ГДР, и рабочие Камского автомобильного...

Фестивальная ромашка — символ международных встреч молодежи. У нее пять лепестков: синий, красный, оранжевый, зеленый и желтый. Пять лепестков — пять континентов. В центре ромашки — земной шар и девиз фестиваля, год его проведения и на-

ПУТЕШЕСТВИЕ В БУДУЩЕЕ X ФЕСТИВАЛЯ

Пять вопросов Гюнтеру ЯНУ, первому секретарю Центрального Совета Союза свободной немецкой молодежи

Великая честь быть хозяевами фестиваля. Молодость мира будет говорить о мире, братстве, солидарности, и мы постараемся сделать все, что от нас зависит, чтобы молодые люди разных стран еще больше подружились, чтобы всем на фестивале было интересно и приятно.

Нам хочется показать гостям, чего добился за эти годы народ нашей республики, как живет юное поколение ГДР.

звание города, в котором он проходил.

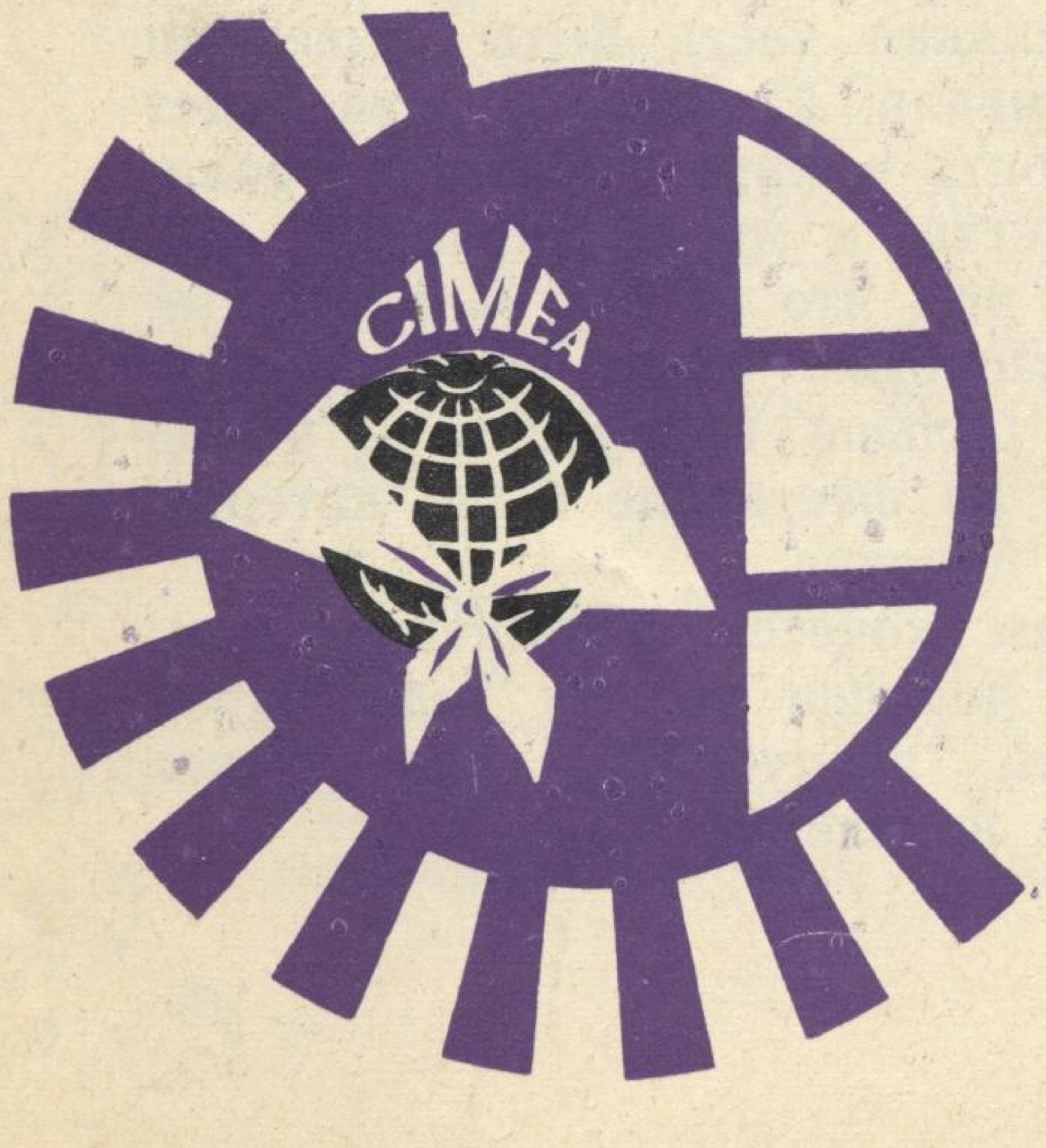
У каждого цветка есть своя история. Есть она и у фестивальной ромашки. Впервые этот цветок мира увидели москвичи в 1957 году, когда в Москве проходил VI фестиваль. Высоко в небе в лучах прожектора ярко горела фестивальная ромашка. С тех пор менялись города фестивалей, а фестивальная ромашка всегда и везде украшала праздник молодости. Она стала символом фестиваля. Скоро фестивальная ромашка появится на марках и конвертах, на значках и открытках. Художники нарисуют ее в книжках и альбомах. Пять разноцветных лепестков будут и на голубом флаге берлинского фестиваля.

ВЕСЬ ШАР ЗЕМНОЙ...

В тенистом парке Софийского Дворца пионеров ждали гостей — делегатов IX Всемирного фестиваля. Гости подъезжали на микроавтобусах. Вот приехали английские ребята из «Лесного народа». Вот польские харцеры. Громом аплодисментов встретили юных героев Южного Вьетнама. Они были в военной форме, на груди — боевые ордена. Когда на трибуну вышел Фам Ван Бинг, двенадцатилетний пионер-герой, в старом парке наступила тишина. Слышно было, как в листве щебечут птицы. Фам Ван Бинг поднял над головой сжатые руки и громко запел. И хотя он пел на вьетнамском языке, песню подхватили все: и англичане, и русские, и болгары, и венгры...

Вторит песне той
Весь шар земной...

Двадцать пять лет звучит эта песня — «Гимн демократической молодежи». На всех фестивалях. На всех международных встречах молодежи. Слова гимна написал Лев Ошанин, а музыку — композитор Анатолий Новиков. Впервые песня прозвучала 17 августа 1947 года в Праге на первом фестивале. Сто пятьдесят тысяч юношей и девушек собрались тогда на Вацлавской площади. В руках — зажженные факелы, лозунги, плакаты. И над главной площадью столицы призывно прозвучал этот гимн. С тех пор в день открытия и закрытия всех фестивалей поется на разных языках эта песня.



ДО ФЕСТИВАЛЯ ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ, А ЧИТАТЕЛИ «ПИОНЕРА» УЖЕ СПРАШИВАЮТ В ПИСЬМАХ: «ЧТО БУДЕТ НА ФЕСТИВАЛЕ?»

Начнется фестиваль 28 июля, а закончится 5 августа. Лозунг фестиваля: «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу». Участвовать в фестивале уже решило сто тридцать стран.

По предложению комсомола Советского Союза молодежь мира проводит акцию «Юность обличает империализм». Об агрессивных войнах, о нищете и рабстве миллионов людей, о миллионах детей, которые не знают, что такое парта и букварь, будет говорить молодежь мира.

На фестивале предполагается провести дни солидарности с народами, борющимися за свою свободу и независимость.

На фестивале будет день борьбы молодежи за свои права, день борьбы за освобождение женщин и за счастливое детство.

Молодежь любит танцы и песни. Я думаю, на фестивале мы будем петь и танцевать прямо на улицах. И, конечно, всех соберет на стадион парад спортсменов. Кстати, я видел уже, как готовились к такому параду наши пионеры. Они отказались даже от каникул, чтобы лучше все отрепетировать. В спортивных соревнованиях смогут участвовать все, кто захочет, и победители получат спортивный значок фестиваля. В Пионерской республике имени Вильгельма Пика пройдет международный детский праздник.

КАК БУДЕТ ВЫГЛЯДЕТЬ БЕРЛИН В ФЕСТИВАЛЬНЫЕ ДНИ?

Я думаю, как всякий дом в ожидании гостей, город постарается выглядеть красивым. И наряд наденет праздничный: всюду на улицах появятся флаги ГДР, флаги стран — участниц фестиваля, флаги с фестивальной эмблемой. Пионеры готовят маленькие разноцветные вымпелы. Гирлянды из этих вымпелов украсят праздничные улицы Берлина.

Ну, и самое главное: город позаботится, чтобы всем было удобно и уютно.

КАК ГОТОВИТСЯ К ФЕСТИВАЛЮ МОЛОДЕЖЬ ГДР?

Члены Союза свободной немецкой молодежи стараются как можно лучше приготовиться к встрече гостей, к разговорам и дискуссиям со своими зарубежными сверстниками, к спортивным соревнованиям, фестивалям искусств. В банк на счет фестиваля члены Союза свободной немецкой молодежи перечислили десять миллионов марок, которые сами заработали.

КАК ГОТОВЯТСЯ К ФЕСТИВАЛЮ ПИОНЕРЫ ГДР?

Стараются хорошо учиться и в маленькие книжечки записывают все, что хотят успеть сделать до фестиваля, — обещания, которые они дают своему пионерскому отряду и самим себе. Еще: одни готовятся стать гидами, другие, я уже говорил, примут участие в параде, третьи делают вымпелы.

ЧТО БЫ ВЫ ХОТЕЛИ СКАЗАТЬ УЧАСТНИКАМ НАШЕЙ ФЕСТИВАЛЬНОЙ ВИКТОРИНЫ?

Всем ребятам и их родителям я желаю много счастья. И успехов: ребятам — в школе, а взрослым — на работе.

Всем участникам викторины я желаю успеха, а тех, кого жюри назовет победителями, мы пригласим в ГДР.

Фотография В. ПОСТНИКОВА.

Три вопроса Анне ПАПП, генеральному секретарю СИМЕА

(Международного комитета по работе среди детей и подростков при Всемирной Федерации Демократической Молодежи).

ДЕТИ БУДУТ УЧАСТВОВАТЬ В ФЕСТИВАЛЕ?

Дети уже готовятся к фестивалю. Я знаю, во Франции, Австрии, Италии (я там недавно была), во многих социали-

Ребята из 43-й немецкой спецшколы Москвы вовсю готовятся к фестивалю. Хорошо бы и ты рассказал нам, как готовится к фестивалю твой отряд. Принимаете ли вы участие в ФЕСТИВАЛЬНОЙ ВИКТОРИНЕ, которую мы напечатали в первом номере журнала? По просьбе наших читателей срок ответа на вопросы викторины продлен до 15 апреля.

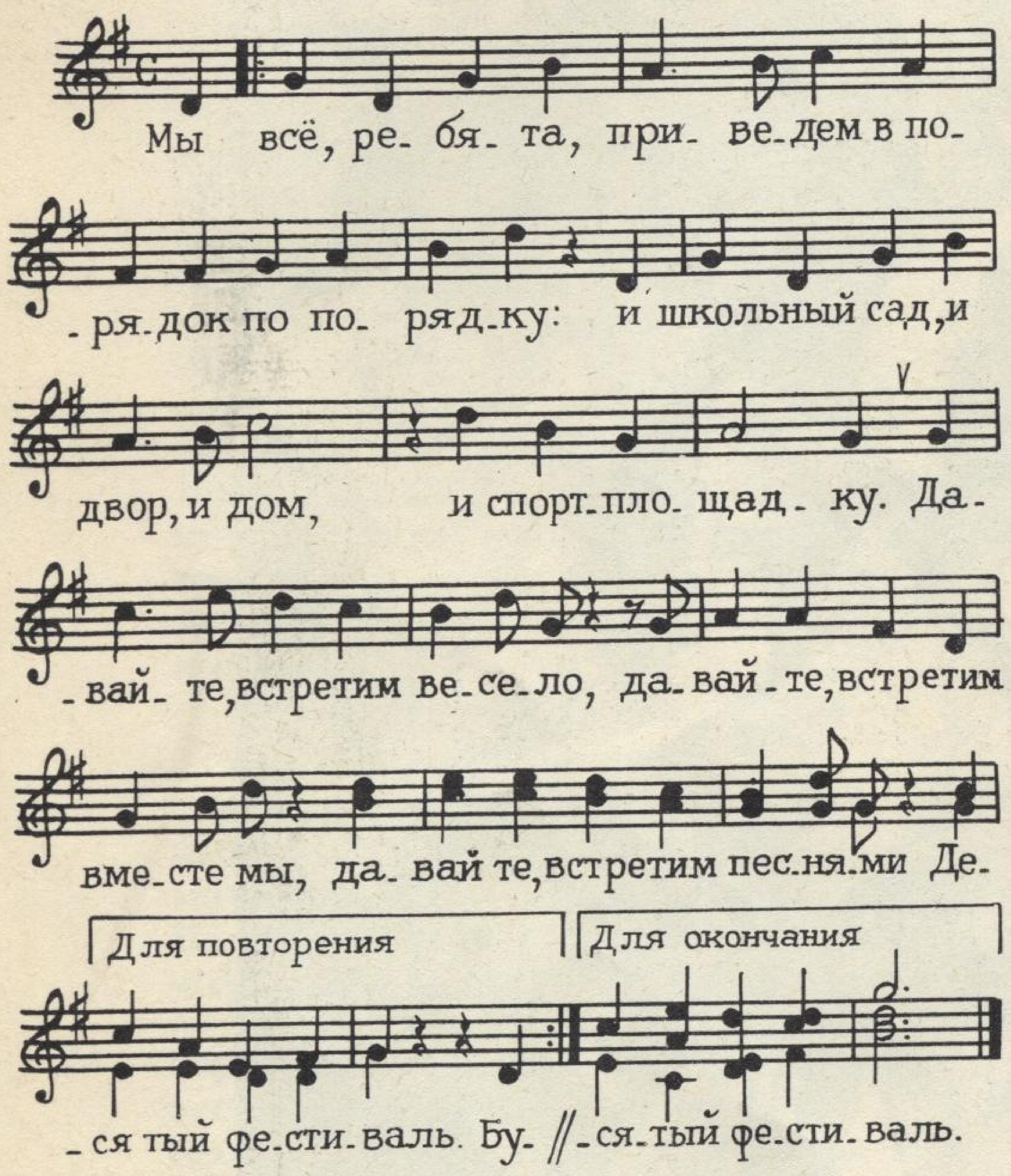
8 марта 1913 года работницы Петербурга вместе с женщинами других стран впервые отметили День международной солидарности.

В СССР 8 Марта — день солидарности наших мам с женщинами планеты в борьбе за мир, демократию, социализм — это праздник всей нашей страны, где женщина свободна и равноправна.

С ПРАЗДНИКОМ ВАС, ТОВАРИЩИ МАМЫ!

Встречаем фестиваль!

Слова Хельмута ШТОКА
Музыка Ганса ЗАНДИГА



стических странах объявлены конкурсы на лучшие самоделки. Сувениры, которые делают ребята, продаются на базарах, а вырученные деньги отправляются на строительство детского госпиталя в Ханое и в фонд фестиваля. Некоторым демократическим союзам молодежи эти деньги помогут отправить на фестиваль своих делегатов. Большая практическая помощь ребят старшим товарищам!

Во всех странах, где мне удалось побывать, мне рассказывали, что ребята знакомятся с историей фестивалей, читают книги, которые помогут им побольше узнать о международном рабочем движении, о союзах демократической молодежи, о ГДР. Летом в пионерских лагерях пройдут конкурсы, викторины, концерты, праздники, посвященные X Всемирному фестивалю молодежи и студентов.

И в самом фестивале дети примут участие. Какое? На фестивале в Берлине, как и в Софии, будет детская программа. Пройдут конкурсы, будут открыты выставки о жизни детей в разных странах, состоятся встречи с делегатами и почетными гостями фестиваля.

ЧТО ВАМ ХОТЕЛОСЬ БЫ ПОЖЕЛАТЬ ФЕСТИВАЛЮ?

Мы хотим, чтобы фестиваль стал самой красивой, самой мирной и самой действенной манифестацией борьбы против империализма, за мир и дружбу.

Мы хотим, чтобы фестиваль показал боевую сплоченность и силу прогрессивного демократического молодежного движения. Это приблизит тот день, когда во всех уголках земного шара, у всех детей будет счастливое детство, все дети смогут учиться и вырастут знающими и умелыми, стойкими борцами за прекрасное будущее своих стран.

МОЖЕТ БЫТЬ, ВЫ ХОТИТЕ ЧТО-ТО ПОЖЕЛАТЬ НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ?

Я по профессии учительница. Мне хочется, чтобы все дети вырастали хорошими людьми, знающими и полезными своей родине, борцами за ее светлое будущее.

Для победителей фестивальной викторины, которую проводит «Пионер», СИМЕА учредил несколько специальных призов — десять дипломов СИМЕА и пять кукол Викки, который, как и Чиполлино, дружит с ребятами многих стран. Успехов вам, участники викторины!

Мы всё, ребята, приведем
В порядок по порядку:
И школьный сад, и двор, и дом,
И спортплощадку.

Припев:

Давайте встретим весело,
Давайте встретим вместе мы,
Давайте встретим песнями
Десятый фестиваль!

Бумаги лист, и кисть, и клей
Найдутся в каждом классе.
Рисуй плакаты, флаги шей —
Дома украсим.

Припев:

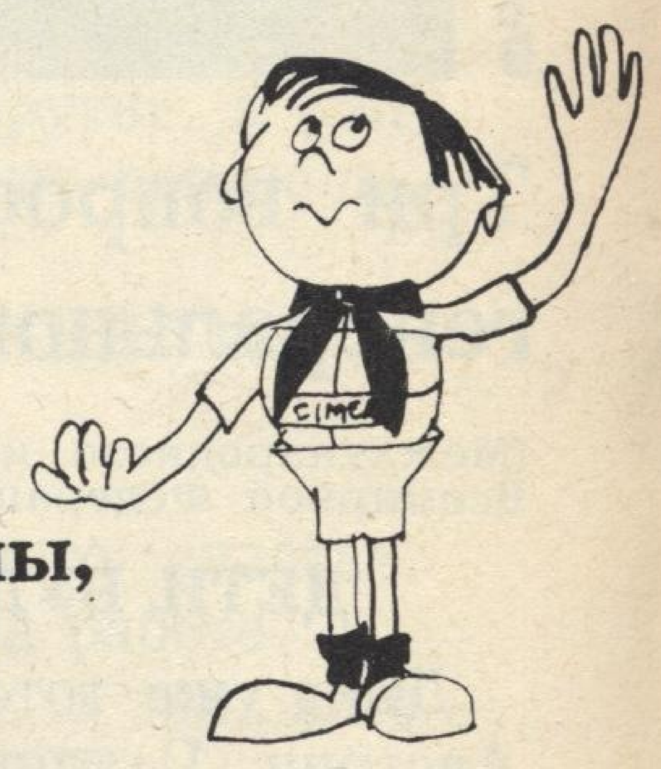
Теперь лениться нам нельзя,
Мы учимся с нагрузкой —
К нам едут русские друзья,
Мы учим русский!

Припев:

Мы дома чистим, и метем,
И убираем сами.
И двери настежь распахнем
Перед гостями.

Припев:

Давайте встретим весело,
Давайте встретим вместе мы,
Давайте встретим песнями
Десятый фестиваль!



ПИСАТЕЛЬ *добрый, веселый, отважный*

Мария
ПРИЛЕЖАЕВА

Сергей Владимирович Михалков.

Дорогие ребята! Вот вы в зале, полном света, пестрых и нарядных книжек. Праздник? Да, «Книжкины именины», как когда-то называл его Лев Кассиль. Вы с нетерпением ждете.

Звонок. Тишина. На сцену выходит высокий человек со смеющимися глазами, нет, с улыбкой в каждой черточке лица. «Дядя Степа!» — кричите вы с восторгом.

Кто не знает дядю Степу! Кто не любит дядю Степу!

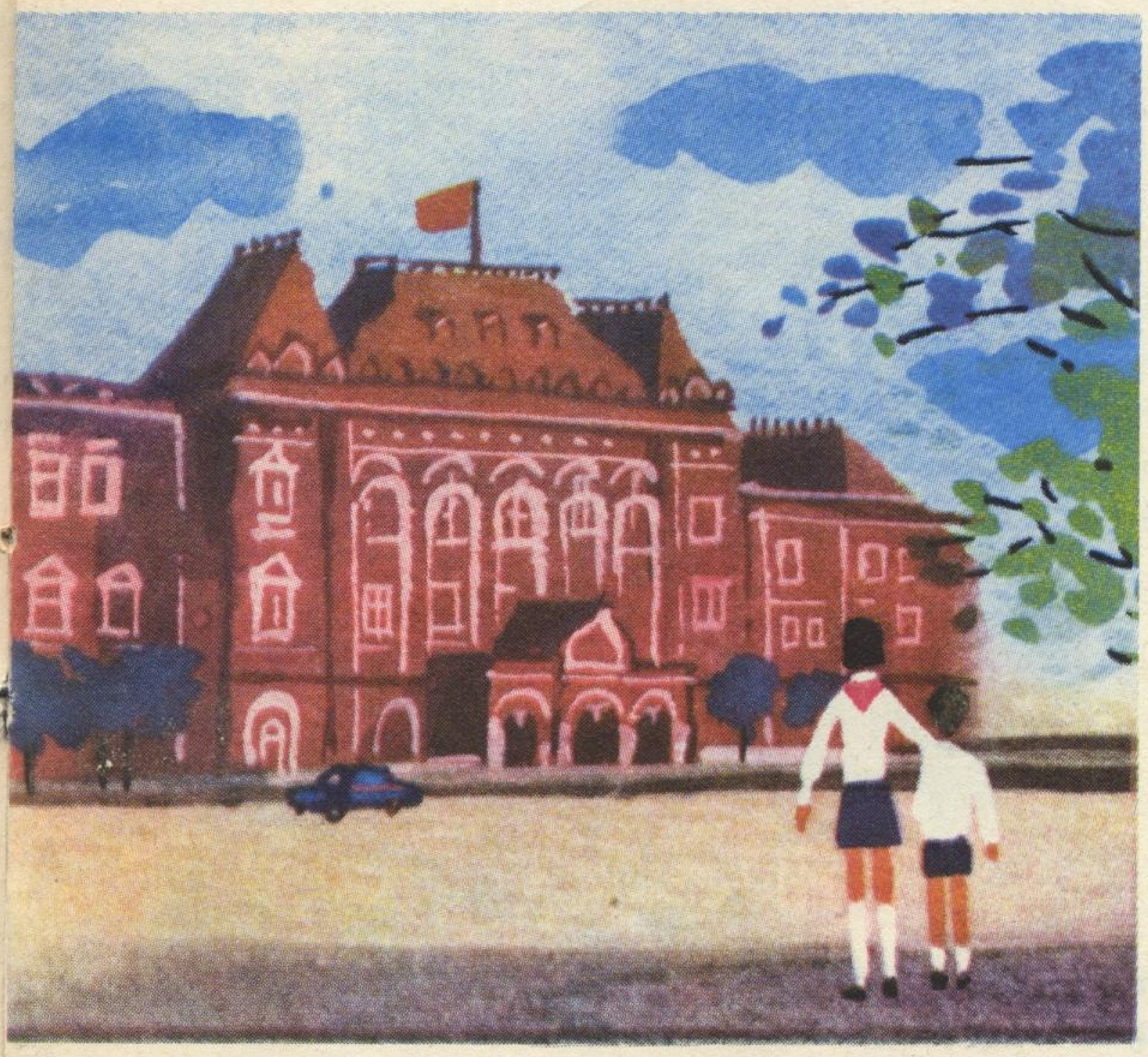
По фамилии Степанов
И по имени Степан,
Из районных великанов
Самый главный великан.

Если не всем вам посчастливилось встретиться с талантливым писателем Сергеем Владимировичем Михалковым, так уж героя-то его дядю Степу вы знаете все. Спросите маму и папу и даже дедушку и бабушку — и они, когда были мальчишками и девчонками, весело и радостно читали о дяде Степе. О его добром и отважном характере, добрых и отважных делах.

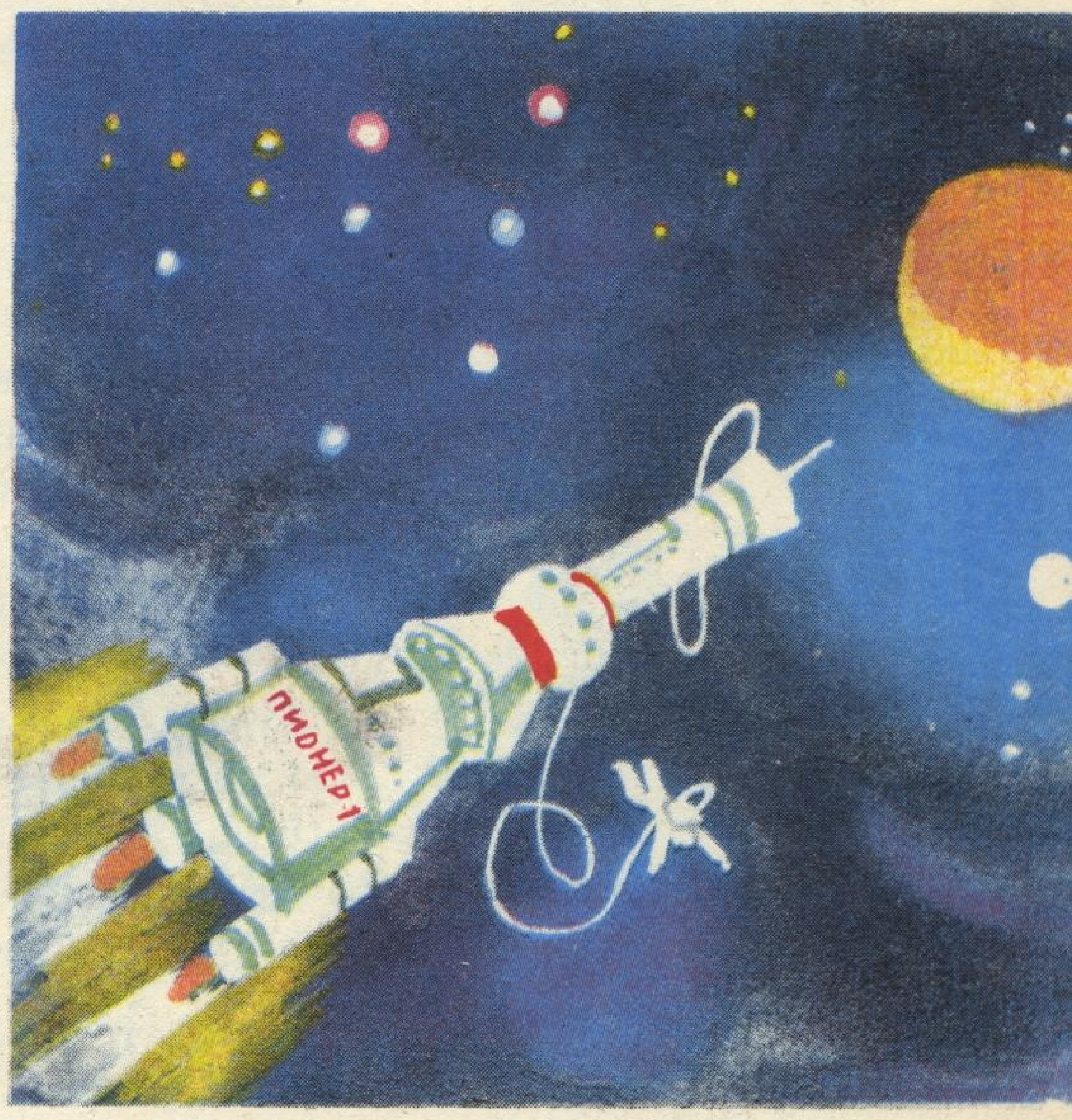
Идут годы. Дядя Степа, живой, совершенно живой, так что же с ним теперь? Где он? И Сергей Михалков пишет новую книгу о любимом своем и вашем герое.

Оказывается:

Я скажу вам по секрету,
Что в милиции служу,
Потому что службу эту
Очень важной нахожу.



— Я поведу тебя в музей! — сказала мне сестра.



Космоплан «Пионер-1». На нем совершает рейс в год 2001-й первая тройка пионеров.

Вот у Коли, например,
Мама — милиционер.

Он растет, боясь мороза,
У папы с мамой на виду,
Как растение мимоза
В ботаническом саду.

Чтобы стать героем,
Нужно быть отважным,

Честным в деле каждом,
Скромным в слове каждом,

Боец-пулеметчик
Стрелкового взвода,
Большое спасибо
Тебе от народа!

Дядя Степа — милиционер. Каждый день, каждый час на своем посту защищает справедливость. Каждый день, каждый час готов постоять за обиженных, встать на защиту законности, на хулиганов подняться грозой.

А годы идут. И вот рассказывает писатель Михалков:

Я приехал в детский сад,
Прочитал ребятам книжку,
Не успел на место сесть,
Поднимается парнишка:
«А у Степы дети есть?»

И появляется новая книжка «Дядя Степа и Егор». Появляется новый герой. Дядя Степа по-прежнему милицейский старшина, по-прежнему на своем важном посту, а сын Егор подрастает, растет, смелый, как отец, сильный, правдивый, и работа у него смелая — он летчик-испытатель.

И однажды утром рано
Мы услышим в тишине:
Космонавт Егор Степанов
С Марса шлет привет Луне!

Сергей Владимирович Михалков, лауреат Ленинской и Государственных премий, много раз за свой талантливый труд награжденный орденами и медалями, любит, очень любит людей, и потому так хороши и чудесны его герои!

Михалков умеет увидеть их в жизни и показать вам, ребята. И вы удивитесь: «А как же мы сами об этом не догадывались раньше?» Каждый любит свою маму. Но прочитайте стихотворение Михалкова «А что у вас?», и с уважением подумаете вы: «Вот какую необходимую и большую работу делает моя мама не только для меня, а для всего общества»:

Мамы разные нужны,
Мамы всякие важны.

Стихи Михалкова расскажут вам о том, в каком справедливом и благородном обществе мы живем, как отзывчивы сердцем советские люди. Вот как будто совсем простое описывается событие в стихотворении-были «Хрустальная ваза»:

Три девочки — три школьницы
Купили эту вазу,
Искали,
Выбирали,
Нашли ее не сразу...

Купили вазу, чтобы в день шестидесятилетия учительницы «за труд ее огромный» от всего пятого класса подарить как знак благодарности и почитания. И вдруг... не донеся до школы, разбили вазу. И вы с волнением читаете: на торопливой городской улице занятые и деловые прохожие, видя слезы и горе школьниц, не бегут мимо, а задерживаются, обсуждают, как быть, и уже не только от пятого класса вручается учительнице драгоценная благодарность:

От штатских и военных —
Людей обыкновенных,
Простых советских граждан,
Что меж собой дружны.

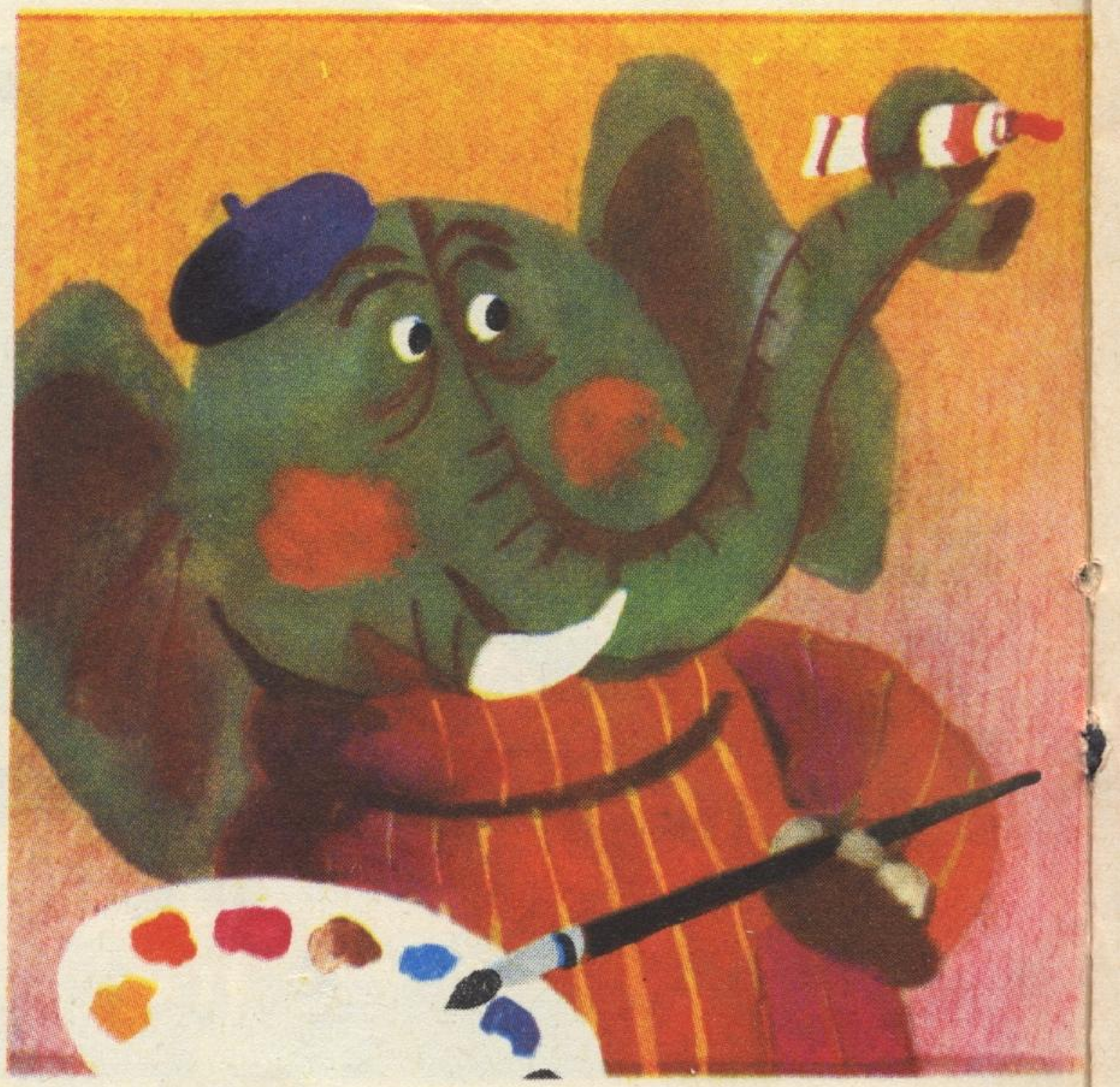
От нашего народа,
Что крепнет год от года,
От пионеров,
школьников —
От всех детей страны.

Так просто умеет Михалков показать благородстве советских людей.

О советских героях, воинах, зенитчиках, летчиках, о людях труда, о четырнадцатилетнем Даниле Смирнове, которому славу воздает Михалков за трудовой подвиг во время Великой Отечественной войны, о великодушных и щедрых, умелых и даровитых, горячо любящих Родину советских людях много-много написано прекрасных стихов замечательным поэтом Сергеем Михалковым!

Всем взрослым и юным читателям хорошо известны произведе-

Слон-живописец написал пейзаж.



ния его, посвященные великому создателю нашей советской Родины Владимиру Ильичу Ленину. Все школьники читают и знают поэтическую публицистику С. Михалкова: «Разговор с сыном», «Служу Советскому Союзу», «В Музее В. И. Ленина», «На родине В. И. Ленина»:

Мы входим в дом, дыханье
затая,
В дом, где жила Ульяновых
семья.

И так же затая дыхание, мы входим вслед за Михалковым в Музей В. И. Ленина, и образ великого человека открывается нам.

Надо написать целую книгу, и две, и три, и еще больше, чтобы раскрыть полностью многогранное, яркое, бесконечно талантливое творчество этого удивительного писателя.

— Это цирк шапито!

Вы приходите в детский театр. Раздвигается занавес, и при глубоком внимании зала на сцене разыгрываются захватывающие сцены из жизни наших советских школьников и пионеров, вашей жизни, ребята. Вы не можете отвести от сцены глаз, вы узнаете в героях себя и товарищей, страдаете и радуетесь, негодуете и сочувствуете тому, что происходит в пьесе, хохочете и грустите и после долго обсуждаете с друзьями увиденное.

Все это богатство вам дарит Михалков-драматург. Пьесы Сергея Владимировича «Красный галстук», «Я хочу домой», «Особое задание», «Веселое сновидение», «Сомбреро» идут во всех наших детских театрах, во многих зарубежных театрах, и театральные залы всегда до отказа полны.

Или другое. Вы включаете радио и слышите знакомый голос Игоря Ильинского:

Каких фамилий только нет:
Пятеркин, Двойкин, Супов...

Конечно, вы дослушаете до конца басню «Смешная фамилия» и горячо согласитесь с Михалковым-баснописцем, острым, умным:

А Грибоедов, Пирогов
Прославились навеки!
И вывод, стало быть, таков:
Все дело не в фамилии, а
в человеке!

Или вот вы в кино. Перед началом картины на темном экране под звуки бравурной музыки стремительно прочертится слово «Фитиль», и перед вами нелепые и страшные истории о людях фальшивых, нечестных, грубых, невежественных — это Михалков-сатирик бичует зло в нашей жизни, чтобы защитить и возвысить добро. Сатирический киножурнал «Фитиль» создан Михалковым. Он редактор его и автор множества сатирических киноочерков.

Наш дорогой Сергей Владимирович Михалков!

В марте ему исполняется шестьдесят лет. Он в расцвете творческих сил. Перо его по-прежнему остро и весело, насмешливо и мудро, серьезно и лирично.

Все всегда говорят о юморе Сергея Михалкова, юмор его неистощим и прелестен.

Но более всего Сергей Михалков помнит, любит, понимает, нежно чувствует детство. Он бережет его и ведет к высоким целям, зовет к жизни достойной.

Михалкова, душевного, улыбчивого человека, Михалкова, крупнейшего государственного и общественного деятеля, академика-педагога, Михалкова, талантливейшего писателя, щедрого друга детей, все пионеры Советской страны и все отцы, матери, учителя пионеров горячо поздравляют с юбилеем.

Лет до ста расти
Вам без старости!

И полевые мыши шли,
Зерно в мешках они несли...

К себе сегодня на обед
Я Волка позову.

Нездоровится мне что-то:
Лезет шерсть,
в костях ломота,
Ничего-то я не ем,
Аппетит пропал совсем!

Ты, Топтыгин, хочешь
топать?
Брось куренье навсегда!

Нам не страшен
серый волк,
Серый волк, серый волк!

Астрид ЛИНДГРЕН

Рисунки П. БАГИНА.

ПОВЕСТЬ

Новые похождения Карлсона

Каждый имеет право быть Карлсоном

Однажды утром, спросонья, Малыш услышал взволнованные голоса, доносившиеся из кухни. Папа и мама явно были чем-то огорчены.

— Ну вот, дождались! — сказал папа.— Ты только погляди, что написано в газете.

— Ужасно! — воскликнула мама.— Просто ужас какой-то!

Малыш мигом соскочил с постели. Ему не терпелось узнать, что же именно ужасно. И он узнал.

На первой странице газеты огромными буквами был набран заголовок:

«Что это: летающий бочонок или нечто другое?»

«Странный неопознанный объект летает над Стокгольмом. Очевидцы сообщают, что за последнее время неоднократно видели в районе Вазастан некий летающий предмет, напоминающий по виду маленький пивной бочонок. Он издает звуки, похожие на гул мотора. Представители авиакомпании ничего не смогли сообщить нам относительно этих полетов. Поэтому возникло предположение, что это иностранный спутник-шпион, запущенный в воздушное пространство с разведывательными целями. Тайна этих полетов должна быть раскрыта, а неопознанный объект пойман. Если он действительно окажется шпионом, его необходимо передать для расследования в руки полиции.

Кто раскроет летающую тайну Вазастана? Редакция газеты назначает вознаграждение в десять тысяч крон. Тот, кому посчастливится поймать этот таинственный предмет, получит премию в десять тысяч крон. Ловите его, несите в редакцию, получайте деньги!»

— Бедный Карлсон, который живет на крыше,— сказала мама.— Теперь начнется за ним охота!

Малыш разом и испугался, и рассердился, и огорчился.

— Почему Карлсона не могут оставить в покое! — закричал он.— Он не делает ничего плохого. Живет себе в своем домике на крыше и летает взад-вперед. Разве Карлсон в чем-то виноват?

— Нет,— сказал папа.— Карлсон ни в чем не виноват. Только он... Как бы это сказать... ну, несколько необычен, что ли...

Да, что и говорить, Карлсон несколько необычен, с этим Малыш был вынужден согласиться. Разве обычно, когда в домике на крыше живет маленький толстенький человечек да еще с пропеллером на спине и с кнопкой на животе?..

А Карлсон был именно таким человечком. И он был лучшим другом Малыша. Да, именно Карлсон, а не Кристер и Гунилла, которых Малыш тоже очень любил и с которыми играл, когда Карлсон вдруг исчезал куда-то или просто был чем-то занят.

Карлсон уверял, что Кристер и Гунилла не идут с ним ни в какое сравнение, и всякий раз сердился, когда Малыш о них заговаривал.

— Ставить этих карапузов на одну доску со мной! — возмущался Карлсон.— Со мной, таким красивым и в меру упитанным мужчиной в самом расцвете сил! Многим ли глупым мальчишкам посчастливилось иметь такого лучшего друга, как я? Ну, отвечай!

— Нет, нет, только мне одному,— говорил Малыш, и всякий раз сердце его замирало от радости. Как ему повезло, что Карлсон поселился на крыше именно его дома! Ведь в Вазастане полно таких вот старых некрасивых домов, как тот, в котором жила семья Свантесенов. Какая удача, что Карлсон случайно оказался на его крыше, а не на какой-нибудь другой!

Правда, мама и папа Малыша сперва вовсе не были в восторге от того, что в доме появился Карлсон. Боссе и Бетан поначалу его тоже невзлюбили. Вся семья, за исключением Малыша, конечно, считала, что Карлсон — самый вздорный, самый дерзкий, самый несносный озорник, какой только бывает на свете. Но постепенно все к нему привыкли. Теперь Карлсон, пожалуй, им даже нравился, а главное, они понимали, что он необходим Малышу. Боссе и Бетан были гораздо старше, поэтому Малыш никак не мог обойтись без лучшего друга. И хотя у него была собака — изумительный щенок Бимбо,— Карлсон ему был совершенно необходим.

— Я думаю, что и Карлсон не может обойтись без Малыша,— сказала мама.

Но с самого начала мама и папа решили никому не говорить о существовании Карлсона. Они прекрасно понимали, что будет твориться в их доме, если о Карлсоне узнают на телевидении, а газеты и журналы захотят печатать о нем статьи, скажем, под заголовком: «Карлсон у себя дома».

— Вот будет смешно,— сказал Боссе,— если мы вдруг увидим в каком-нибудь журнале фотографию Карлсона... Представляешь, он сидит у себя в гостиной, любуется букетом красных роз...

— Заглохни! — оборвал его Малыш.— Ты же знаешь, что у Карлсона никакой гостиной нет, у него всего-навсего одна комната, и в ней никаких роз.

Да, все это Боссе знал и сам. Однажды все они — и Боссе, и Бетан, и мама, и папа — правда, только один раз,— видели домик Карлсона. Они вылезли на крышу через слуховое окно — обычно так лазают только трубочисты,— и Малыш показал им маленький домик за трубой.

Мама немножко испугалась, когда поглядела с крыши вниз, на улицу. У нее даже закружилась голова, и ей пришлось схватиться рукой за трубу.

— Малыш, обещай мне сейчас же, что ты никогда не полезешь на крышу один,— сказала она.

— Ладно,— буркнул Малыш, подумав.— Я никогда не полезу на крышу один... раз я полезу туда с Карлсоном,— добавил он шепотом.

Но мама, видно, не расслышала его последних слов, ну что ж, пусть тогда пеняет на себя. Как она может требовать, чтобы Малыш никогда не бывал у Карлсона? Мама просто не представляет себе, как весело сидеть в тесной комнатке Карлсона, битком набитой всякими диковинными и чудными вещами.

«А теперь, после этой статьи, все, наверное, кончится»,— с горечью думал Малыш.

— Ты должен предупредить Карлсона,— сказал папа.— Пусть будет поосторожней. Некоторое время ему лучше не летать по Вазастану. Вы можете играть в твоей комнате, там его никто не увидит.

— Но если он начнет безобразничать, я его живо выставлю вон,— добавила мама и протянула Малышу тарелку с кашей.

Бимбо тоже получил свою порцию каши. Папа попрощался и пошел на работу. Маме, как выяснилось, тоже надо было уходить.

— Я иду в бюро путешествий узнать, нет ли там для нас какого-нибудь интересного маршрута. Папа на днях уходит в отпуск,— сказала она и поцеловала Малыша.— Я скоро вернусь.

И Малыш остался один. Один с Бимбо, с тарелкой каши и со своими мыслями. И с газетой. Он придвинул ее к себе и стал разглядывать. Под заметкой о Карлсоне была напечатана фотография огромного белого парохода, который прибыл с туристами в Стокгольм и стоял теперь на якоре в Стремене. Малыш долго глядел на снимок: белый пароход был невероятно красив! И Малышу очень захотелось подняться на борт этого прекрасного корабля и уплыть куда-нибудь далеко-далеко!

Он старался смотреть только на эту фотографию, но взгляд его то и дело соскальзывал на крупные буквы заголовка: «Что это: летающий бочонок или нечто другое?»

Малыш очень разволновался. Необходимо как можно скорее поговорить с Карлсоном! Но сделать это надо как-нибудь поаккуратней, а то он вдруг испугается и улетит. И никогда больше не вернется!

Вздохнув, Малыш нехотя сунул в рот ложку каши, но не проглотил ее, а держал на языке, словно желал получше распробовать. Малыш был маленьким, худеньким мальчиком с плохим аппетитом — таких немало.

«Что-то каша невкусная,— подумал Малыш.— Может, будет вкуснее, если добавить сахарку».

Он потянулся за сахарницей, но услышал гул мотора у окна, и тут же в кухню влетел Карлсон.

— Привет, Малыш! — крикнул он.— Знаешь, кто лучший в мире друг? А еще угадай, почему этот друг появился здесь именно сейчас!

Малыш поспешно проглотил кашу:

— Лучший в мире друг — это ты, Карлсон! Но я не знаю, почему ты прилетел именно сейчас.

— Чур, гадать до трех раз! — сказал Карлсон.— Может, потому, что я соскучился по тебе, глупый мальчишка? Может, я попал сюда по ошибке, а собирался вовсе слетать в Королевский парк? А может, я почуял, что здесь пахнет кашей? Раз, два, три, говори, не задерживайся!..

Малыш засиял.

— Наверное, потому, что ты по мне соскучился,— сказал он смущенно.

— А вот и нет! И в Королевский парк я тоже лететь не собирался. Так что гадать тебе больше нечего.

— Слушай, Карлсон,— начал Малыш и тут же умолк, потому что вдруг заметил, что Карлсон чем-то явно недоволен. Он угрюмо глядел на Малыша и чмокал губами.

— Приходишь голодный, как пес,— ворчал Карлсон,— а этот сидит как ни в чем не бывало перед полной тарелкой каши и бубнит себе под нос, что надо съесть ложку за маму, ложку за папу...

Малыш вскочил, вынул из буфета тарелку и сказал Карлсону, чтобы он сам положил себе сколько хочет. Все еще мрачный как туча, Карлсон взял кастрюлю и принялся накладывать кашу в тарелку. Он накладывал и накладывал, а когда выскреб все до

дна, стал водить указательным пальцем по стенке кастрюли, отколупывая и то, что прилипло.

На несколько минут все звуки в кухне заглушило громкое чавканье, которое всегда раздается, когда кто-нибудь очень жадно уплетает кашу.

А Малыш ломал себе голову над тем, как ему помягче предостеречь друга. «Пусть сам все прочтет»,— решил он после некоторого колебания и придвинул газету к Карлсону.

— Погляди-ка на первую страницу,— сказал Малыш мрачно. Карлсон поглядел с большим интересом и ткнул пухлым пальчиком в фотографию белого парохода.

— Ба-бах! Пароход перевернулся! — воскликнул он.— Катастрофа за катастрофой!

— Да ты же держишь газету вверх ногами,— мягко сказал Малыш. Он давно подозревал, что Карлсон не умеет читать.

Но Малыш был добрым мальчиком, он никого не хотел обижать, и уж меньше всего Карлсона, поэтому он не стал кричать: «Ха, ха, ха, да ты не умеешь читать!»,— а просто перевернул газету так, что Карлсон тут же увидел, что никакого несчастья не произошло.

— Но здесь написано про другое несчастье,— сказал Малыш.—Послушай только!

И он прочел вслух про летающий бочонок всю заметку от начала до конца... «Доставьте его в редакцию, и вы получите указанную сумму»,— закончил он чтение и вздохнул.

Карлсон же, наоборот, был в восторге.

— Гоп, гоп! — вскричал он и запрыгал на месте от радости.— Гоп, гоп, можно считать, что спутник-шпион уже пойман. Звони в редакцию и скажи, что я приду к ним после обеда.

— Что ты задумал? — с испугом спросил Малыш.

— Знаешь, кто лучший в мире охотник за спутниками-шпионами? — И Карлсон с гордым видом ткнул в себя пальцем.— Вот он, грозный Карлсон! Никто не спасется, когда я лечу со своим большим сачком. Раз спутник-шпион кружится где-то здесь, в районе Вазастана, я до вечера наверняка поймаю его сачком... Кстати, у тебя есть чемодан, чтобы нам унести десять тысяч?

Малыш вновь вздохнул. Все оказалось куда сложнее, чем он думал. Карлсон ничего не подозревал.

— Милый Карлсон, неужели ты не догадался, что «летающий бочонок» — это ты? Они за тобой охотятся...

Карлсон очередной раз подпрыгнул от радости, и вдруг до него дошел смысл этих слов. В горле у него что-то заклокотало, и он окинул Малыша яростным взглядом.

— «Летающий бочонок»! — завопил он.— Ты меня обзываешь «летающим бочонком»! Ты, мой лучший друг?

Он вскинул руки, чтобы казаться как можно длиннее, и одновременно втянул живот.

— Ты, я вижу, забыл,— начал он свысока,— что я красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил. Так или не так?

— Конечно, Карлсон, т-так...— залепетал Малыш, заикаясь от волнения.— Я не отвечаю за то, что они пишут в газете... А они имеют в виду тебя, это точно.

Карлсон злился все больше и больше.

— «Кому посчастливится поймать этот таинственный предмет...» — с горечью повторил он снова слова заметки и сделал несколько маленьких, но угрожающих прыжков в сторону Малыша. И зря. Потому что Бимбо тут же вскочил. Уж он-то никому не позволит тронуть Малыша.

— Бимбо, на место, успокойся! — скомандовал Малыш. И Бимбо послушался, только поворчал немного, чтобы Карлсон понял, что он на страже.

Карлсон сел на скамеечку. Вид у него был мрачный и невыразимо печальный.

— Я так не играю,— сказал он.— Я так не играю, раз ты такой злой, и называешь меня предметом, и натравляешь на меня своих собак.

Малыш растерялся. Он не знал, что сказать, что сделать... И вдруг Карлсон громко захохотал. Он вскочил со скамеечки и добродушно ткнул Малыша кулачком в живот.

— Уж если я предмет, то, во всяком случае, самый лучший в мире предмет, который стоит десять тысяч крон! Понял? Да?

Малыш тоже стал смеяться — от радости, что Карлсон снова развеселился.

— Да, это верно,— подтвердил он,— ты стоишь десять тысяч крон. Думаю, мало кто стоит так дорого.

— Никто в мире! — твердо заявил Карлсон.— Спорим, что такой вот глупый мальчишка, как ты, стоит не больше ста двадцати пяти крон.

От избытка чувств он нажал стартовую кнопку на животе.

— Гей, гоп! — кричал он.— Вот летит Карлсон, который стоит десять тысяч крон! Гей, гоп!

Малыш решил махнуть на все рукой. Карлсон же на самом деле вовсе не был шпионом, значит, его могут задержать только за то, что он Карлсон.

— Тебе нечего бояться, Карлсон,— сказал он, стараясь его успокоить.— Тебе ничего не могут сделать за то, что ты — это ты.

— Конечно, каждый имеет право быть Карлсоном,— подхватил Карлсон.— Хотя до сих пор нашелся только один такой хороший и в меру упитанный экземпляр.

Они снова стояли рядом посреди комнаты Малыша, и Карлсон с надеждой и нетерпением оглядывался по сторонам.

— Нет ли у тебя новой паровой машины, которую мы могли бы взорвать? Или еще

чего-нибудь интересного? Главное, чтобы загрохотало вовсю. Давай устроим сейчас немыслимый грохот. Я хочу позабавиться, а не то я не играю,— сказал он, и в ту же секунду взгляд его упал на пакетик, который лежал на столе у Малыша. Карлсон кинулся на этот пакетик, словно коршун на добычу. Мама положила его Малышу вчера вечером, там был прекрасный персик. И вот теперь Карлсон жадно сжимал этот персик пухленькими пальцами.

— Мы его разделим, ладно? — торопливо предложил Малыш. Он тоже любил персики и знал, что нельзя зевать, если он хочет его хоть попробовать.

— Хорошо,— согласился Карлсон.— Разделим! Я возьму себе персик, а ты — пакетик. Учти, я уступаю тебе лучшую часть: с пакетиком можно, знаешь, сколько интересных штук придумать!

— Бегонии превосходно умеют летать!..

— Нет, спасибо! — твердо сказал Малыш.— Мы сперва разделим персик, а потом я тебе охотно уступлю пакетик.

Карлсон неодобрительно покачал головой.

— Никогда еще не встречал таких прожорливых мальчишек, как ты! — вздохнул он.— Ну, ладно, раз уж ты настаиваешь...

Чтобы разделить персик, нужен был нож, и Малыш побежал в кухню. А когда он вернулся с ножом, Карлсон исчез. Но Малыш тут же услышал, что из-под стола доносилось чавканье и причмокиванье, словно кто-то торопливо ел что-то очень сочное.

— Послушай, что ты там делаешь? — с тревогой спросил Малыш.

Когда Карлсон вылез из-под стола, персиковый сок стекал у него с подбородка. Он протянул свою пухлую ручку и сунул Малышу большую шершавую темно-красную косточку.

— Заметь, я всегда даю тебе самое лучшее,— заявил он.— Если ты посадишь эту косточку, у тебя вырастет целое персиковое дерево, все увешанное сочными персиками. Ну, кто самый большой добряк в мире? Я ведь даже не устраиваю никакого скандала, хоть и получил от тебя только один паршивенький персик!

Но Малыш, если бы и захотел, не успел бы ничего ответить, потому что Карлсон вмиг очутился у окна, где стоял горшок с бегонией, и схватил цветок за стебель.

— Я такой добрый, что сам помогу тебе посадить эту косточку,— заявил он.

— Не трогай! — крикнул Малыш. Но было уже поздно: Карлсон вырвал бегонию с корнем и вышвырнул в окно.

— Ты что, ты что?..— завопил Малыш, но Карлсон его не слушал.

— Целое большое персиковое дерево! Представляешь? На своем пятидесятилетии ты каждому гостю — каждому-каждому, понял? — дашь по персику. Разве это не интересно?

— Но еще интересней будет, когда мама заметит, что ты выбросил ее бегонию,— сказал Малыш.— И подумай, вдруг сейчас мимо дома шел какой-нибудь старичок, и цветок угодил ему как раз по голове. Что он скажет, как ты считаешь?

— «Спасибо, дорогой Карлсон» — вот что он скажет. «Спасибо, дорогой Карлсон, что ты вырвал с корнем бегонию, а не швырнул ее вниз прямо в горшке... как этого хотела бы глупая мама Малыша».

— Зачем ты так говоришь? И вовсе она этого не хотела!

Карлсон успел тем временем ткнуть косточку в горшок и теперь энергично засыпал ее землей.

— Нет, хотела. Она, видите ли, не позволяет вытаскивать бегонию из горшка. А то, что это может стоить жизни ни в чем не повинному старичку, который мирно идет по улице,— это твою маму не волнует. «Одним стариком больше, одним меньше — пустяки, дело житейское,— говорит она,— только бы никто не трогал мою бегонию».

Карлсон гневно глядел на Малыша.

— И в конце концов, если бы я выкинул бегонию с горшком, куда мы посадили бы персиковую косточку? Ты подумал об этом?!

Малыш об этом не подумал, и потому он не знал, что ответить. Спорить с Карлсоном было нелегко, особенно когда он бывал в настроении спорить. Но, к счастью, настроение у него менялось каждые пятнадцать минут. Вот и теперь он вдруг издал какой-то странный, но явно радостный звук, похожий на кудахтанье.

— Мы же забыли про пакет! — воскликнул он.— А с пакетом можно отлично позабавиться.

Этого Малыш прежде не знал.

— Ну да? — удивился он.— Что же можно сделать с пакетом?

Глаза Карлсона заблестели.

— Издать самый громкий в мире хлюп! — объявил он.— Гей, гоп, какой сейчас будет изумительный хлюп! Этим мы и займемся.

Он схватил пакет и со всех ног побежал в ванную. Малыш, раздираемый любопытством, бросился за ним. Ему очень хотелось узнать, как делают самый громкий хлюп.

Карлсон стоял, наклонившись над ванной, и наполнял пакет водой.

— Ты глупый, да? Разве можно лить воду в бумажный пакет? Неужели ты этого не понимаешь?

— А что такое? — спросил Карлсон и махнул пакетом с водой у Малыша перед носом, чтобы Малыш воочию убедился, что в бумажный пакет можно лить воду, а потом кинулся назад в комнату Малыша.

Малыш побежал за ним, полный дурных предчувствий. И они оправдались... Карлсон весь высунулся из окна, видны были только его толстые, короткие, пухленькие ножки.

— Гей, гоп,— завопил он,— погляди вниз, сейчас я произведу самый сильный в мире хлюп!

— Стой! — крикнул Малыш и тоже лег на подоконник.— Не надо, Карлсон, не надо!— молил он испуганно. Но было уже поздно. Кулек полетел вниз, и Малыш увидел, как он разорвался, словно бомба, у ног какой-то тетеньки, которая шла в молочное кафе напротив. И было ясно, что этот самый громкий в мире хлюп ей решительно не понравился.

— Гляди,— сказал Карлсон,— она ахнула, словно мы сбросили горшок с фикусом, а не каких-то полтора стакана воды.

Малыш с треском захлопнул окно. Он не хотел, чтобы Карлсон продолжал выбрасывать на улицу разные вещи.

— Я думаю, этого нельзя делать,— сказал Малыш серьезно. Однако в ответ Карлсон только расхохотался. Он несколько раз облетел вокруг лампы и, не переставая хихикать, приземлился возле Малыша.

— Я думаю, этого делать нельзя,— передразнил он Малыша.— А что, по-твоему, можно? Лучше швырнуть вниз пакет с тухлыми яйцами? Это тоже одна из странных фантазий твоей мамы?

Карлсон снова взлетел и снова грузно шмякнулся на пол как раз перед Малышом.

— Могу сказать, что вообще ты и твоя мама — самые странные люди на свете, но все же я вас люблю.— И Карлсон потрепал Малыша по щеке.

Малыш покраснел, так он был счастлив. Карлсон его любил, это замечательно, да и маму он любил тоже, это ясно, хотя часто плел про нее невесть что.

— Да, сам удивляюсь,— подтвердил Карлсон, продолжая похлопывать Малыша по щеке. Он хлопал его долго и все более и более увлеченно. Последний хлопок походил уже скорее на пощечину, и тогда Карлсон сказал:

— Ой, до чего же я милый! Я самый милый в мире! И я думаю, что поэтому мы сейчас поиграем во что-нибудь совсем милое, ты согласен?

Конечно, Малыш был согласен, и он тут же стал лихорадочно соображать, во что бы такое милое им поиграть.

— Вот, например,—предложил Карлсон,— мы могли бы играть, что стол — это наш плот, на котором мы спасаемся от наводнения... а оно, кстати, как раз и начинается.

И он показал на струйку воды, которая подтекла под дверь.

У Малыша перехватило дыхание.

— Ты что, не закрыл кран в ванной? — спросил он с ужасом.

Карлсон наклонил голову и ласково поглядел на Малыша.

— Угадай, закрыл я кран или нет! До трех раз!

Малыш распахнул дверь в прихожую. Карлсон был прав. Великое наводнение началось. Ванная и прихожая были залиты водой, она стояла уже так высоко, что в ней можно было плескаться, если была охота. А у Карлсона была охота! Он с восторгом прыгнул прямо в воду.

— Гей, гоп! — кричал он.— Бывают же дни, когда случаются только прекрасные вещи!

Малыш закрыл кран ванной и выпустил из нее воду, а потом сел на стул в прихожей и с отчаянием уставился на пол.

— Ой,— сказал он тихо.— Ой, что скажет мама?

Карлсон перестал прыгать в воде и с обидой посмотрел на Малыша.

— Ну, знаешь, это уж слишком! — возмутился он.— Что же она такая ворчунья, твоя мама! Несколько ведер чистой воды, есть о чем говорить!

Малыш ничего не ответил. Он думал. Надо было во что бы то ни стало все убрать до прихода мамы.

— Карлсон, мы должны поскорее...— Он не договорил, а вскочил со стула и помчался на кухню. И тут же вернулся с половой тряпкой.

— Давай, Карлсон, помогай...— начал он, но вдруг обнаружил, что Карлсона в комнате нет. Его не было ни в прихожей, ни в ванной, нигде. Но все время Малыш слышал гул моторчика. Он подбежал к окну и увидел, как ввысь взмыло нечто, напоминающее толстенькую сардельку.

Это был Карлсон, который возвращался в свой зеленый домик на крыше.

Но тут Карлсон заметил Малыша. Он спикировал вниз и промчался мимо окна на такой скорости, что воздух засвистел. Малыш восторженно замахал ему тряпкой, и Карлсон махнул в ответ своей пухленькой ручкой.

— Гей, гоп! — кричал он.— Вот летит Карлсон, стоящий десять тысяч крон. Гей, гоп!

И он улетел. А Малыш стал собирать тряпкой воду.

Карлсон вспоминает, что у него день рождения

Карлсону повезло, что его не было, когда мама вернулась из бюро путешествий. Она сразу поняла, кто все это натворил, и даже рассказала папе, когда тот пришел обедать.

— Может, это и нехорошо с моей стороны,— сказала мама,— потому что я к Карлсону за последнее время стала понемногу привыкать, но, знаете, я сейчас сама готова заплатить десять тысяч крон, только бы от него отделаться.

— Ой, что ты! — воскликнул Малыш.

— Ладно, не будем сейчас больше об этом говорить,— сказала мама,— потому что во время еды надо, чтобы было весело.

Это был прощальный обед, и мама постаралась, чтобы он превратился в маленький пир, потому что начались летние каникулы, Боссе и Бетан уезжали.

— Не огорчайся, Малыш,— сказал папа.— Мы тоже уедем втроем — мама, ты и я.

И он рассказал — великая новость! — что мама заказала билеты на точно такой же пароход, как тот, что был на фотографии в газете. Через неделю он уйдет в море, и целых пятнадцать дней они будут плыть на этом огромном белом пароходе и заходить в разные порты.

— Разве это не замечательно?— спросила мама Малыша.

Малыш был уверен, что это наверняка будет замечательно. Но в то же время что-то во всем этом было и не очень замечательное. Он даже знал, что именно: Карлсон! Как можно бросить Карлсона одного именно в этот момент? И хотя Карлсон никакой не шпион, а просто Карлсон, опасность ему все равно угрожает, если люди начнут за ним охотиться, чтобы получить десять тысяч крон. Вдруг они посадят Карлсона в клетку в зоопарке или придумают что-нибудь еще более ужасное. Во всяком случае, они не дадут Карлсону спокойно жить в маленьком домике на крыше. Уж это точно!

Малыш решил остаться дома и охранять Карлсона. Он тут же, еще сидя за столом и уплетая телячью отбивную, объяснил всем, почему он не может никуда ехать.

Боссе расхохотался.

— Карлсон в клетке, это да!.. Ой, представь себе, Малыш, что ты с классом придешь в зоопарк поглядеть на разных зверей, и вы будете читать, что написано на табличках. Вот ты и прочтешь на одной: «медведь белый», а на другой: «лось сохатый» или «волк степной», или там «бобер обыкновенный», и вдруг: «Карлсон летающий».

— Не смей! — вскипел Малыш.

Но Боссе продолжал хохотать.

— «Карлсон летающий, просьба этого зверя не кормить». Представляешь, как бы он озверел, если бы это написали на его клетке!

— Дурак,— сказал Малыш.— Просто дурак.

— Но, Малыш, пойми, если ты не поедешь, значит, и мы не сможем поехать,— сказала мама.

— Очень, очень даже сможете,— возразил Малыш.— А мы с Карлсоном будем вместе вести хозяйство.

— Ха, ха! И затопим весь дом, да? И вышвырнем из окна всю мебель на улицу,— захохотала Бетан.

— Дура,— сказал Малыш.

— Но, послушай, Козленок,— начал было папа, но так и не смог докончить, потому что в эту минуту что-то опустили в почтовый ящик на двери, и Бетан выскочила из-за стола, даже не попросив разрешения. В ящике и в самом деле лежало письмо, но не Бетан от длинноволосого мальчишки, а папе от дяди Юлиуса, который был совершенно лысый.

Дядя Юлиус был дальним родственником папы и раз в год приезжал в Стокгольм, чтобы посоветоваться со своим врачом и погостить у Свантесонов. Дядя Юлиус не желал жить в гостинице, он считал, что это слишком дорого. Денег-то у него было предостаточно, однако он не любил их тратить.

Никто у Свантесонов не радовался приезду дяди Юлиуса. И меньше всех папа. Но мама всегда при этом говорила:

— Ты его единственный родственник, у него никого нет, кроме тебя!.. Мы должны быть добры к бедному дяде Юлиусу.

Но стоило «бедному дяде Юлиусу» прожить в доме дня два, помучить детей своими непрерывными замечаниями, попривередничать за столом и поныть по всякому поводу, как у мамы на лбу появляется складка и она становится такой же молчаливой и напряженной, каким всегда становится папа с той самой минуты, как дядя Юлиус переступает порог их дома. А Боссе и Бетан, те вообще стараются не попадаться старику на глаза и поэтому почти не бывают дома, когда он гостит.

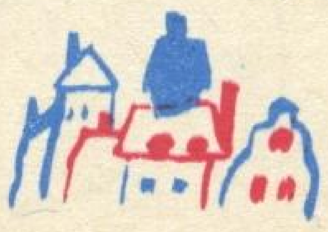
И вот теперь, как было написано в письме, он снова собирался приехать и пробыть у них никак не меньше двух недель.

— Ну вот, в кои это веки собрались попутешествовать,— вздохнула мама.— Малыш не хочет с нами ехать, да еще приезжает в гости дядя Юлиус.

Но тут папа стукнул кулаком по столу и сказал, что лично он непременно отправится в путешествие и во что бы то ни стало возьмет с собой маму, даже если ему для этого придется ее похитить. А Малыш может поступать как ему вздумается: захочет — поедет с ними, нет — останется дома. Пусть сам решает, что же касается дяди Юлиуса, то он волен приезжать и жить у них в квартире, но папа отправится в положенный день на пристань, сядет на пароход, и даже десять дядей Юлиусов его не остановят.

— Да, конечно,— сказала мама,— но все это надо как следует обдумать.

А когда мама все обдумала, то сказала, что попросит фрекен Бок, может быть, она согласится вести хозяйство этих двух упрямых холостяков: Малыша и дяди Юлиуса.



— Не двух, а трех,— сказал папа.— Третьего упрямого холостяка зовут «Карлсон, который живет на крыше». Не забудьте про Карлсона, ведь он будет торчать здесь целыми днями.

Боссе так хохотал, что чуть не свалился со стула.

— Домомучительница, дядя Юлиус и Карлсон — вот так компания подобралась!

— Бывают же на свете такие люди, как мой младший брат! — сказала Бетан.— Он отказывается от замечательного путешествия с мамой и папой ради того, чтобы остаться дома в обществе домомучительницы, дяди Юлиуса и Карлсона, который живет на крыше.

Не думайте, что Малыш не понимал, как ему будет трудно! Немыслимо трудно будет с Карлсоном, который начнет летать вокруг дяди Юлиуса и фрекен Бок. Нет, что и говорить, кто-нибудь должен остаться дома и все распутывать.

— *Угадай, кто самый громкий стрелок на свете?!*

— И этим кто-нибудь буду я, больше некому, понимаешь, Бимбо? — сказал Малыш, когда он уже лежал в постели, а рядом в корзинке сопел Бимбо.

В эту минуту послышался шум мотора, и в комнату влетел Карлсон.

— Ну и история со мной приключилась! — воскликнул он.— Решительно все надо самому держать в голове: если что забудешь — конец, рассчитывать не на кого!..

Малыш сел в кровати.

— А что ты забыл?

— Я забыл, что у меня день рождения!

— Не понимаю,— удивился Малыш,— как у тебя может быть день рождения сегодня, восьмого июня? Я же помню, что у тебя день рождения в апреле?

— Точно, был в апреле,— подтвердил Карлсон.— Но почему день рождения должен у меня быть всегда в один и тот же день, когда есть столько других прекрасных дней! Восьмого июня, например, вполне прекрасный день, почему же мне его не выбрать для дня рождения? Может, ты против?

Малыш рассмеялся.

— Нет, я за! Пусть у тебя будет день рождения всегда, когда тебе захочется.

— Тогда,— начал Карлсон и умильно склонил голову набок,— тогда я попрошу дать мне мои подарки.

Малыш вылез из постели в глубокой задумчивости.

— Сейчас погляжу у себя в ящиках,— сказал он.

— Хорошо,— согласился Карлсон и приготовился терпеливо ждать. Но тут взгляд его упал на цветочный горшок, в который он посадил персиковую косточку. Недолго думая, Карлсон кинулся к горшку и пальцем быстро выковырял косточку из земли.

— Нужно посмотреть, растет она или нет. Ой, гляди, по-моему, она стала намного больше,— объяснил он и, снова сунув косточку в землю, обтер грязные пальцы о пижаму Малыша.

— Где же мои подарки?

Малыш вытащил одну из своих маленьких машинок, но Карлсон покачал головой. Тогда Малыш показал ему сперва игру-головоломку, потом конструктор, потом мешочек с разноцветными камушками, но Карлсон всякий раз молча качал головой. И тогда Малыш, наконец, догадался, что Карлсон хочет получить: пистолет! Он давно уже лежал в верхнем ящике письменного стола в спичечном коробке. Это был самый маленький в мире пистолет и самый прекрасный тоже. Папа привез его Малышу из-за границы. Он выглядел точь-в-точь как настоящий, а стрелял почти так же громко!

Карлсону этот пистолетик, конечно, необычайно нравился. «Может, поэтому он и решил устроить себе день рождения сегодня?» — подумал Малыш и, глубоко вздохнув, достал коробок из ящика.

— Поздравляю тебя, дорогой Карлсон,— сказал он.

Карлсон издал дикий вопль, бросился к Малышу и поцеловал его в обе щеки, потом открыл коробок и с радостным кудахтаньем вынул пистолетик.

— Ты лучший в мире друг! — сказал он. И Малыш вдруг почувствовал себя счастливым, таким счастливым, словно у него было еще сто таких пистолетиков.

А Карлсон тут же захотел испытать подарок.

— Проверка! — сказал он.— Сейчас как бабахну, знаешь, как будет весело! А не то я не играю.

Но Малыш сказал очень твердо:

— Нет! Мы перебудим весь дом.

— Пустяки, дело житейское! Опять заснут.

Но Малыш ни за что не соглашался на испытание пистолета.

— Ну, хорошо,— сказал Карлсон.— Мы полетим ко мне. Все равно надо отпраздновать мой день рождения... Не найдется ли у вас пирога?

Но пирога на этот раз не было, а когда Карлсон стал ворчать, Малыш сказал ему, что это, мол, пустяки, дело житейское.

— Беги и неси все, что найдешь! — строго оборвал его Карлсон.

Малыш пробрался в кухню и вернулся, нагруженный булочками. Он привык летать с Карлсоном и совсем не боялся, и даже сердце у него не екало, когда он, обхватив Карлсона руками за шею, стремительно помчался ввысь, прямо к домику на крыше.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Перевела со шведского Л. ЛУНГИНА.

Эти два рисунка – «ДО ВСТРЕЧИ С ЗЕМЛЕЙ» Андрея Симакова и «МЫ С ДЖИЛЬДОЙ» Светланы Охрименко – «Кораблик» привез со Всесоюзной выставки детского рисунка. И Андрюша и Света живут в Обнинске.

*

«...«Пионер» я все равно читаю и люблю по-прежнему. Иногда на его страницах появляются и стихи ребят старшего возраста. Вот я и решилась послать вам свои»,— пишет нам Наташа ХАТКИНА, десятиклассница из города Донецка.

МЫ

Старый клуб.
На экране — гражданская.
И сосед мой, вихрастый пацан,
Так болеет, что можно, кажется,
Фильм смотреть у него с лица.
А когда беляков атака
Захлебнулась горячей пылью,
Он мне яростно крикнул:
«Так им! Мы
победили!»
Это мы в разведке,
Это мы в бою,
Это мы с пакетом
За ветром, на юг!
Наша песня с нами
Птицей впереди,
Это наш под знаменем
Красный командир.
Это наши кони
Разбрелись во ржи,
Это мой товарищ
Неживой лежит.

Песенка о кактусе

Что ты, кактус, такой колючий?
«Отойди,— говорит,— покалечу».
Растопырил иголки-лучики —
И спокойней и как-то легче.
Так и катятся, так и катятся
Дни, часы у бедняги кактуса.
И обходят его сторонкою,
Если трогают — лишь глазами.
Он готовит цветы огромные,
Непохожие на хозяина.
Так и катятся, так и катятся
Дни, часы у бедняги кактуса.
Одинокий, он копит силы,
Улыбаясь лишь небу синему,
Чтоб однажды его спросили:
«Что ты, кактус, такой красивый?»

*

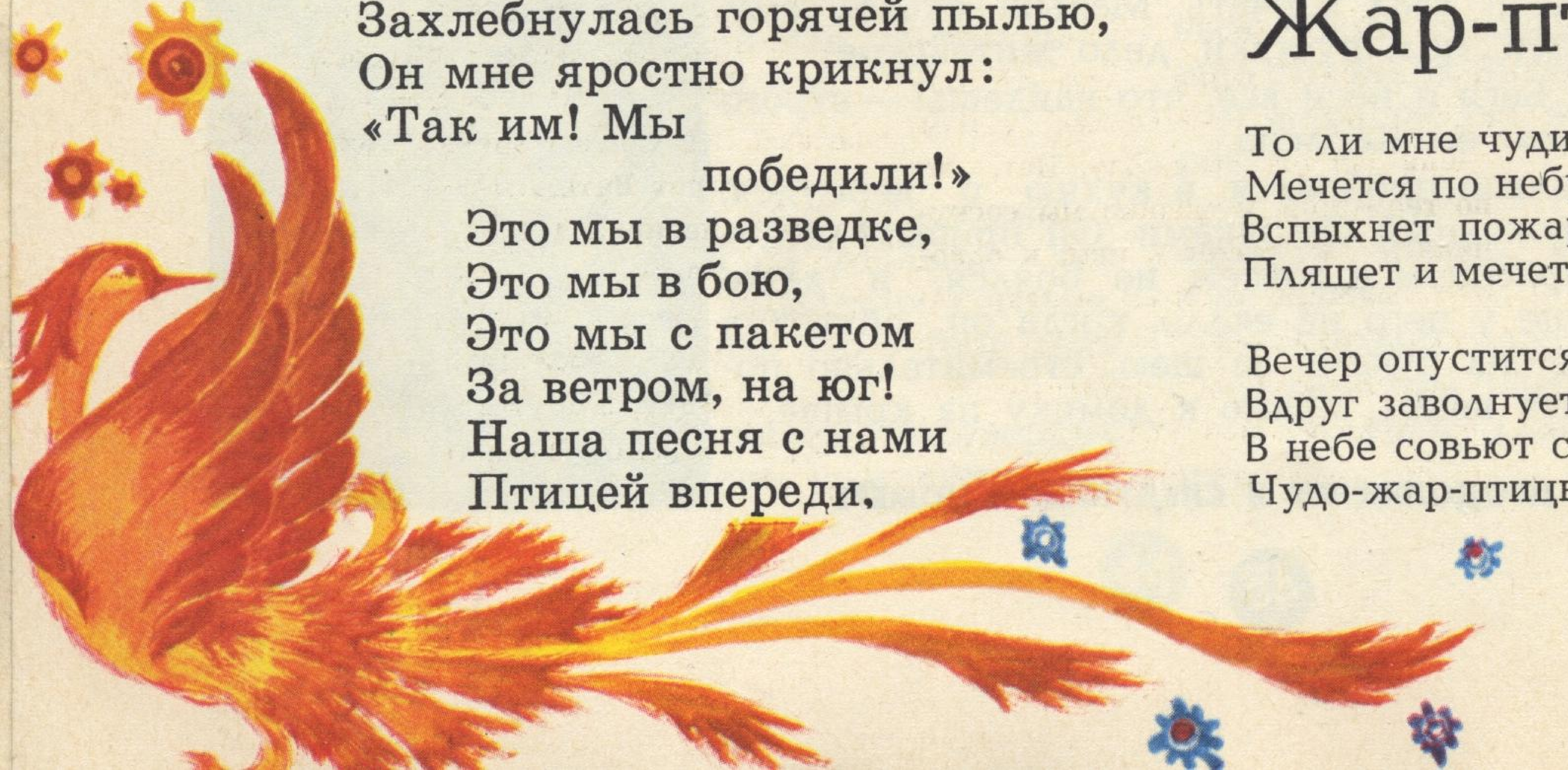
«Обожаю фантастику! — пишет Юра ГИНИЯТУЛИН из города Дзержинска.—Лем, Артур Кларк, Роберт Шекли, Рей Бредбэри, Уэллс, Стругацкие — мои любимые писатели».

А стихи у Юры — «космические».

Жар-птица

То ли мне чудится, то ли мне снится,
Мечется по небу чудо-жар-птица.
Вспыхнет пожаром, прольется, как злато,
Пляшет и мечется лишь до заката.

Вечер опустится, чудо-жар-птица
Вдруг заволнуется, вихрем умчится.
В небе совьют себе теплые гнезда
Чудо-жар-птицы — яркие звезды.



Робот

Лежит на свалке
робот,
Забытый и смешной,
С оторванной рукой,
С помятой головой.
На звездах дальних,
жарких
Спасал он человека,
Испытывал ракеты
До окончанья века.

Но появился новый,
Красивый
и блестящий,
Последней марки
робот,
Пилот он настоящий!
А старый —
среди лома,
Забытый и смешной,
С оторванной рукой,
С помятой головой.

*

Лена КОНОНЕНКО, ученица 7-го класса, г. Киев.

Весна

— Светка, Светка, ну дай скатать. Светка!.. Не решила еще? Надька! Надь...

Вместе с весной в 7-й «А» приходят контрольные. Обычно это контрольные по математике, потому что весна—это сплошная математика, а математика—это всетаки весна... С наступлением весны наши неприятности увеличиваются в два с половиной раза, и 7-й «А» начинает самые ответственные, самые интересные математические подсчеты.

Снег почти растаял, до Восьмого марта осталось 10 дней. Бегут ручьи... На каникулы нас распустят через 25 дней. Все ярче светит солнышко, значит, до Первого мая осталось 63 дня... Я получила двойку, а до экзаменов осталось 90 дней. Ну и погодка!

Весна — дело не шуточное, скоро экзамены! Мы забрасываем самые интересные книжки, ссоримся с лучшими друзьями, садимся за бессердечный учебник — начинается неравный бой между несчастным семиклассником, весной и геометрией. Ведь весна — это сплошные подсчеты.

Трудно сказать, хороший у нас класс или плохой. По-моему, это самый обыкновенный класс, в котором есть хорошее и плохое. Но я бы, например, никогда в жизни, ни за какие успехи по математике не согласилась перейти в другой класс, потому что наш класс лучше всех на свете классов хотя бы потому, что он наш.

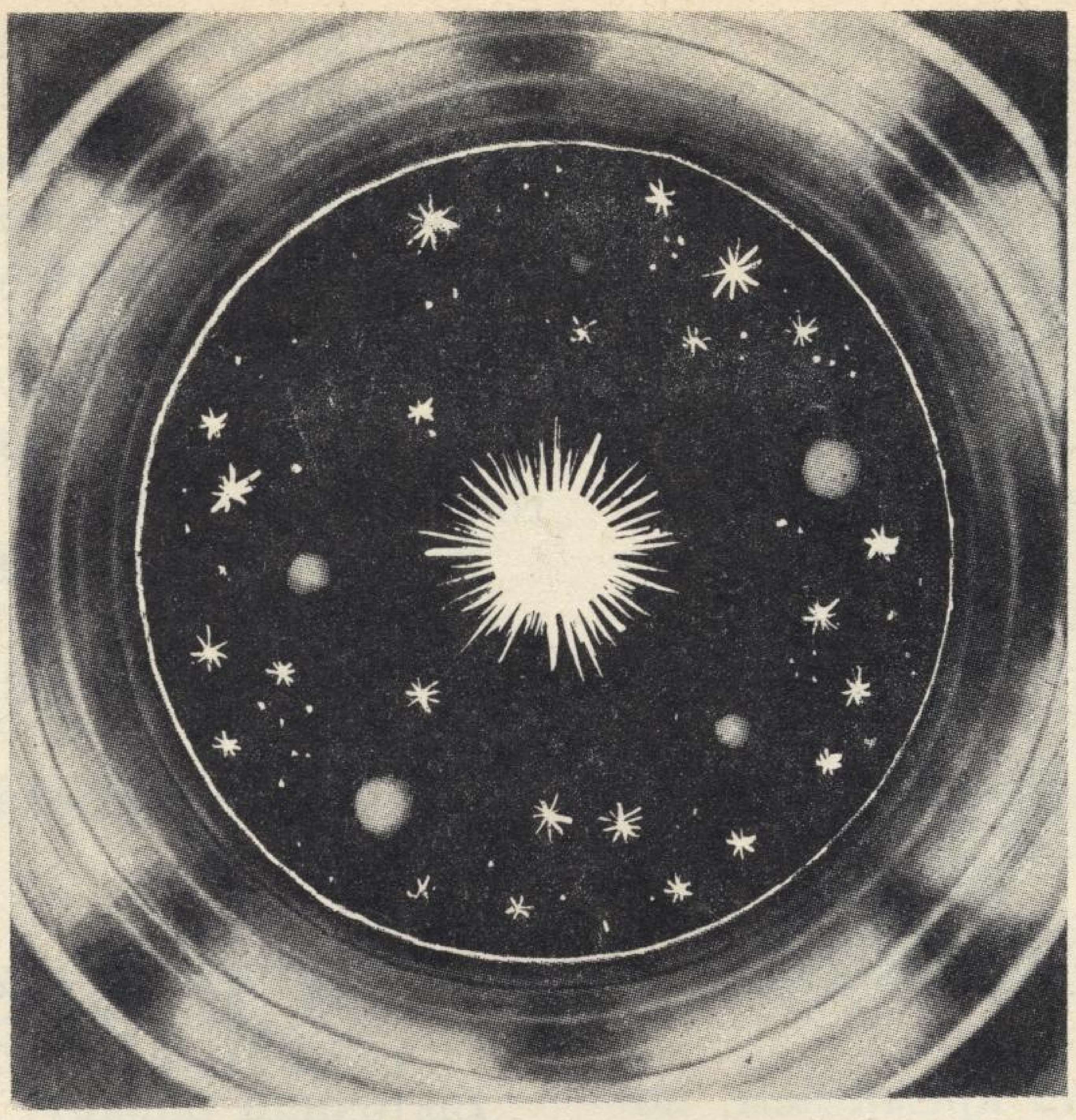
Вот уже семь лет мы вместе. Были мы порой несправедливы друг к другу, порой даже безразличны, но вот каникулы, и нам очень хочется в школу. Нет, не по геометрии и физике мы соскучились, нас тянет к ним, к одноклассникам, к ребятам, в наш самый лучший на свете 7-й «А».

Зашелестели недовольным шумом недовольные тетрадки, склонились над тетрадками мудрые головы наших отличников, уставились в окно чьи-то печальные глаза. Началась контрольная по геометрии.

А может быть, совсем скоро, лет через десять, самый несчастный мученик геометрии внезапно станет великим математиком, ученым вроде Пифагора, и докажет какую-нибудь невероятную теорему. Только учить ее будет легко и запомнить легко, и контрольную ребята не будут никогда списывать и не будут плакать на переменке, уткнувшись носом в потрепанный учебник. И, быть может, когда-нибудь в газете напечатают портрет нашей Люды, а Трунькина прическа будет демонстрироваться на выставке мод... Все может быть. И тогда Витя Доник станет великим писателем и напишет толстенный роман под названием «Их жизнь — это весна»... А Саша Чаленко нарисует портрет Вити Доника на лоне природы...

...До Восьмого марта осталось 10 дней, на каникулы нас распустят через 25 дней, а по телевизору сегодня «Весна и любовь».

Вы только представьте себе задачу: восьмисоттонное чудо науки нужно бережно доставить за две с половиной тысячи километров и поднять высоко в горы, за облака!



Владимир АРРО

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.

ТЕЛЕСКОП-ВЕЛИКАН

ЗВЕЗДНЫЕ ЗАЙЧИКИ

Говорят, что зрительную трубу изобрел шлифовальщик очков Липперсгейм из голландского городка Миддельбурга.

Дело, рассказывают, было так. Как-то однажды в 1608 году дети этого Липперсгейма взяли поиграть стекла, приготовленные для чьих-то очков. Ну, дети есть дети. Они вынесли эти стекла на свою тесную голландскую улочку, и уж не знаю, что там с ними делали, может быть, прожигали дырочки в своих рукавах, может быть, спорили, чье стеклышко увеличивает сильнее. А надо сказать, что в конце этой улочки была колокольня. Вот один мальчик взял сразу два стеклышка, навел их на колокольню — одно впереди другого — и о чудо! Колокольня приблизилась. Он вскрикнул от удивления. Тут и другие дети попросили у него посмотреть, и каждый убеждался: колокольня становилась намного ближе.

На шум вышел отец, шлифовальщик очков Липперсгейм. Первым делом он, конечно, отобрал у детей дорогие стекла, чтоб не разбили. Тогда дети объяснили ему, что они в эти стекла увидели. Липперсгейм тоже удивился полученному эффекту. Дальше ему оставалось заключить эти стекла в трубу и получить у правительства вознаграждение.

Два стекла от очков, заключенные в трубу, были самым маленьким и самым слабым на земле телескопом. Я напомнил о нем только потому, что дальше речь пойдет о самом большом и самом мощном телескопе земли. Между этими двумя инструментами лежит огромная эпоха великих астрономических открытий.

Астрономы мало-помалу придумали использовать в телескопах другое стекло. Вместо линз они стали устанавливать в трубе зеркало. Но в простое зеркало, понятно, ничего, кроме солнечного зайчика, не поймаешь. Астрономы пользуются не плоскими зеркалами, а вогнутыми. Вот в такую ловушку они ловят не только что солнечных, а даже звездных зайчиков.

Ну, а луч света, пришедший от далекой звезды, может рассказать многое. Астрономы извлекают теперь из него прямо-таки невероятные сведения. Например, химический состав вещества, из которого состоит звезда, ее массу, скорость ее движения.

Десятки точнейших, наичувствительнейших телескопов планеты Земля исследуют ночное небо. Они соревнуются в своей чуткости к звездному свету.

До сих пор самым мощным рефлектором считался американский телескоп с диаметром зеркала пять метров, установленный на горе Паломар. Я своими глазами читал уверения авторитетного американского специалиста: «Сомнительно, чтобы когда-нибудь смогли изготовить зеркало, превышающее паломарское своими

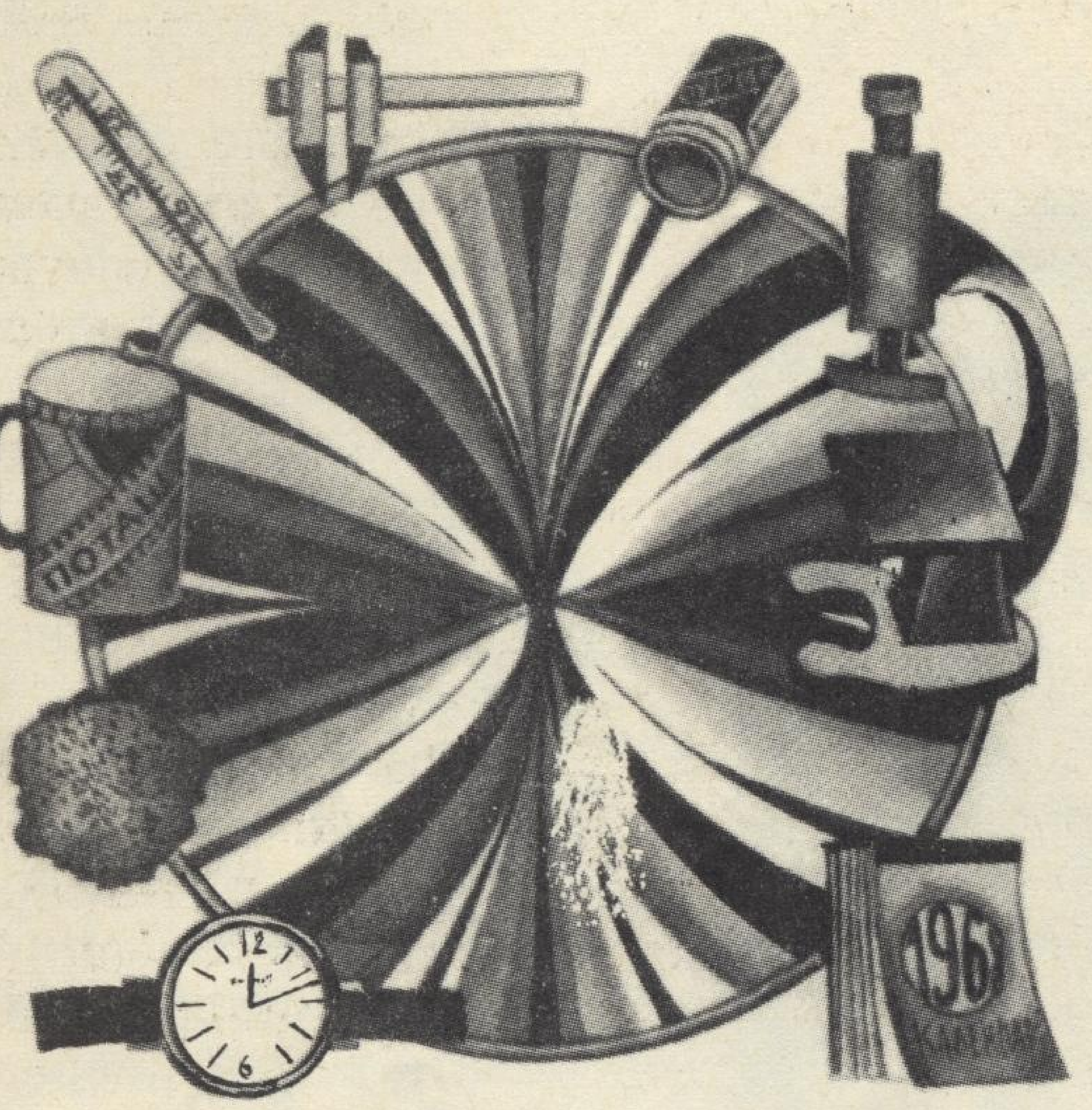
размерами». И вот несколько лет назад газеты мира разнесли потрясающую сенсацию. Русские решили соревноваться с Паломаром! Да как: диаметр зеркала будет больше на целый метр! Значит, телескоп и увидит дальше.

Большой Телескоп Азимутальный, построенный в Ленинграде, по расчетам ученых, обнаружит небесное тело, находящееся на расстоянии многих миллиардов световых лет от Земли.

ГЛАВНОЕ ЗЕРКАЛО

Пять лет понадобилось Ленинградскому оптико-механическому объединению, чтобы решить: вот таким будет новый телескоп, начинаем строить. Самым главным и трудным в этой работе, как вы уже поняли, было зеркало.

Стекловары положили в печь кремнезем, поташ, соду, сурик и другие компоненты и стали варить стекло. С этого момента завод начал



борьбу, нет, настоящее сражение за точность астрономических наблюдений.

Температуру стотонной отливки снижали постепенно, по полградуса в сутки. И остывала она ровно год.

Когда заготовка остыла, началось самое трудное — ее механическая обработка. Предстояло придать поверхности стеклянного диска форму параболы, то есть сделать его вогнутым. Точность этой параболы трудно себе представить. Сотая доля микрона!

Понятно, что идти к такой точности надо было очень осторожно, снимая каждый раз тончайший, невидимый слой. Специальный шлифовальный станок удалял сотые доли миллиметра, а полировальный — доли микрона. После каждого сеанса обработки проводился контроль. Сначала через час. Потом через каждые пятнадцать минут.

Работа шла в дважды герметическом помещении. Этот цех называли «термосом в термосе». Туда никого не пускали. Возле зеркала одновременно могло находиться только два человека. Дыхание третьего уже изменило бы температурный режим огромного цеха и повлияло бы на чистоту обработки. Вот какая это была точность!

Сутки за сутками зеркало «худело». Абразивные порошки и войлок все-таки сняли с него 60 тонн стекла!

Оптики обратились на Адмиралтейский завод:

— Сделайте нам, пожалуйста, оправу для зеркала.

— Хорошо, сделаем, — ответили корабелы.

НИ В КАКИЕ ВОРОТА

Выточили оправу, стали ее вывозить с завода, а оправа ни в какие ворота не лезет. Что делать, ломать? Жалко! И так и этак крутили — все-таки вывезли.

Привезли оптики оправу к себе на завод, рады: вот, мол, выкрутились. Стали въезжать в ворота родного завода, а оправа снова не лезет! Вот видите, чужие ворота уберегли, а свои пришлось ломать, переделывать.

Кировскому заводу оптики тоже задали непростую задачу: нарезать два зубчатых колеса для поворота телескопа по вертикали и по горизонтали. Точность нарезки должна была составлять две сотые доли миллиметра.

— Что же нам делать, — озадачились зуборезчики, — ведь столько металла лежит на станке — двадцать тонн колесо, поди-ка, пройдись по нему с такой точностью трехсоткилограммовой фрезой...

Но оптики сами и помогли. Они изготовили специальный микроскоп для контроля за режущим инструментом, чтобы он не делал промахов.

Семьдесят шесть суток работали лучшие мастера. Оптики посмотрели на готовые колеса и сказали:

— Ювелирная работа.

ЗЕЛЕНЧУКСКАЯ

Шестнадцать экспедиций отправились из Пулкова во все концы страны: в Крым, на Кавказ, в Среднюю Азию, в Сибирь, в Казахстан, на Памир, в Поволжье... Искали место будущей Специальной астрофизической обсерватории.

Наконец, выбрали станицу Зеленчукскую в Карачаево-Черкесской автономной области, на Северном Кавказе. В сорока километрах от нее, на урочище Семи Родников, и решили строить дом для телескопа. Все здесь нравилось астрономам: сухой прозрачный воздух, ясное небо, сто безоблачных дней в году.

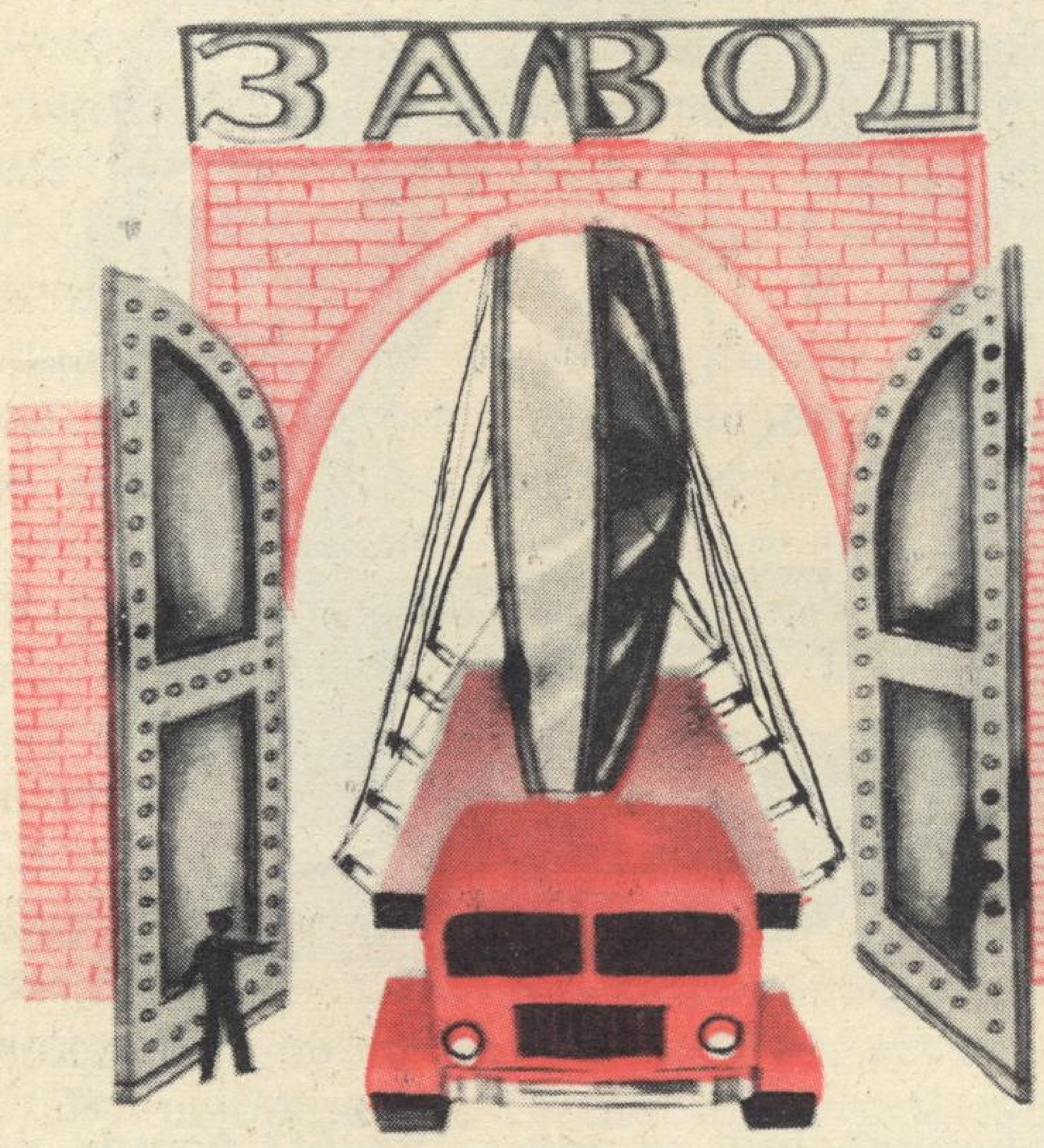
Дважды я бывал в Зеленчукской. Станица как станица.

Вот стоял я на высоте 2 072 метра, на краю строительной площадки, и смотрел вниз. Где-то глубоко-глубоко блестела змейка реки. Кудрявились и вздымались на склоны гор лиственные леса, извивалась дорога. А в седловине, далеко внизу, белела палатка чабана и овцы лежали на альпийском лугу, как серые камни.

«И все-таки, — подумал я, глядя на поглощенных своими заботами жителей, — не все еще поняли, что Зеленчукской выпал счастливый, немыслимый жребий — о ней будет знать весь мир, все люди Земли когда-нибудь будут ждать новостей из Зеленчукской, и телеграфные аппараты планеты будут отстукивать: «Zelenchukskaja! Zelenchukskaja!»

КАК ВЕЗЛИ ТЕЛЕСКОП

Вы только представьте себе задачу: восьмисоттонное чудо науки нужно бережно, как ребенка, не тряхнув, не качнув, доставить за две с половиной тысячи километров и поднять высоко в горы, за облака!



Седьмого июня 1968 года, в белую-белую ночь, когда ленинградцы спали, по городу на максимально медленной скорости прошла очень странная процессия. Впереди ехали мотоциклы ГАИ с зажженными фарами, за ними необычного вида тягачи с длиннющими прицепами, на которых был уложен упакованный в ящики груз. Самая маленькая деталь этого груза весила тридцать тонн.

Нервничали мостовики — невские мосты принимали на себя небывалую доселе нагрузку. Суетились работники Ленэнерго — снимали и снова восстанавливали электрические провода. Не спали работники водопроводного и кабельного хозяйства. ГАИ охраняла трассу так тщательно, как будто везли сотню неразорвавшихся бомб.

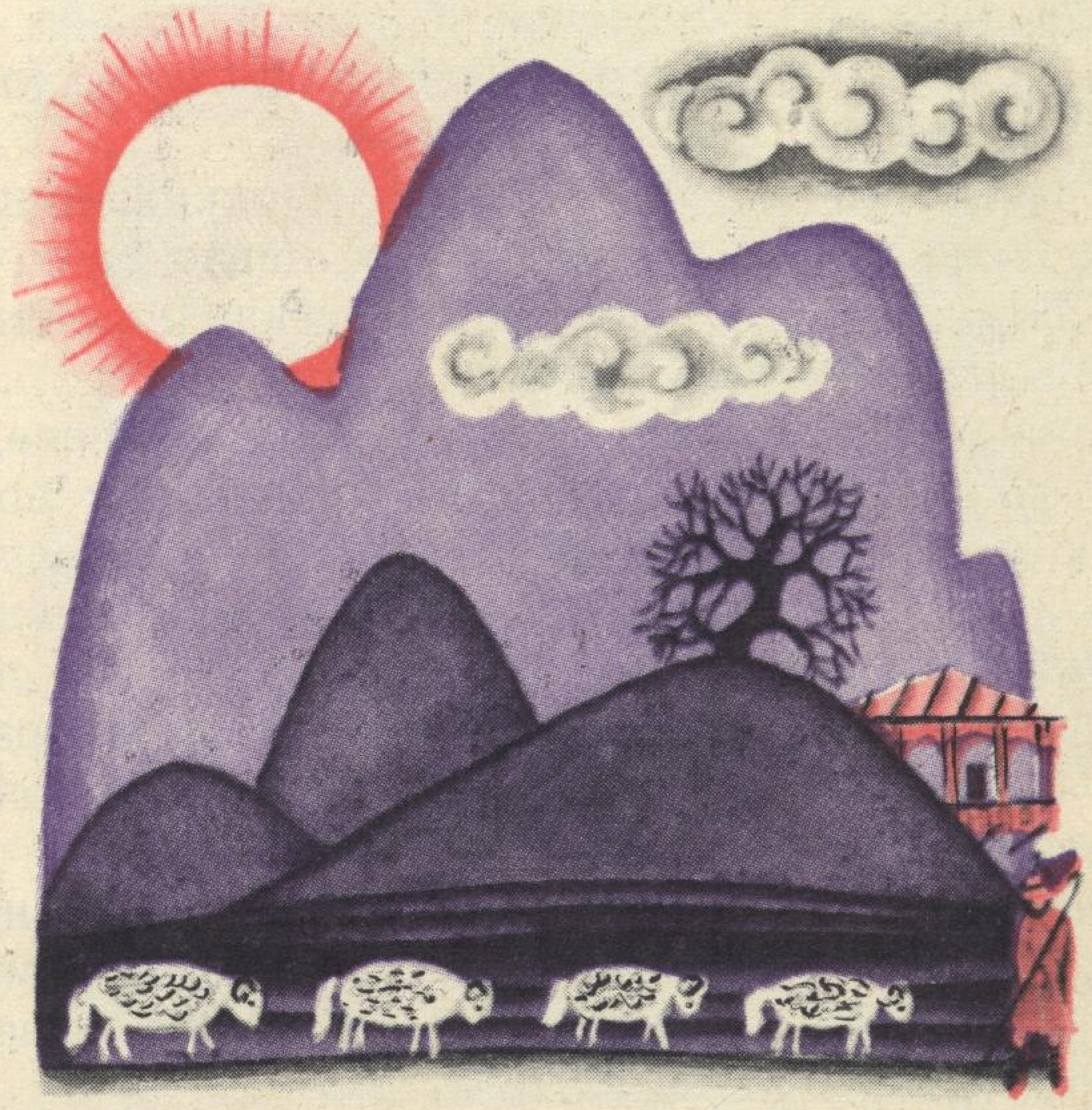
Каждый делал свою работу, быть может, не думая о конечном ее результате. А между тем и мостовик, и электрик, и милиционер, и водитель тягача служили в эту белую ночь Астрономической Точности.

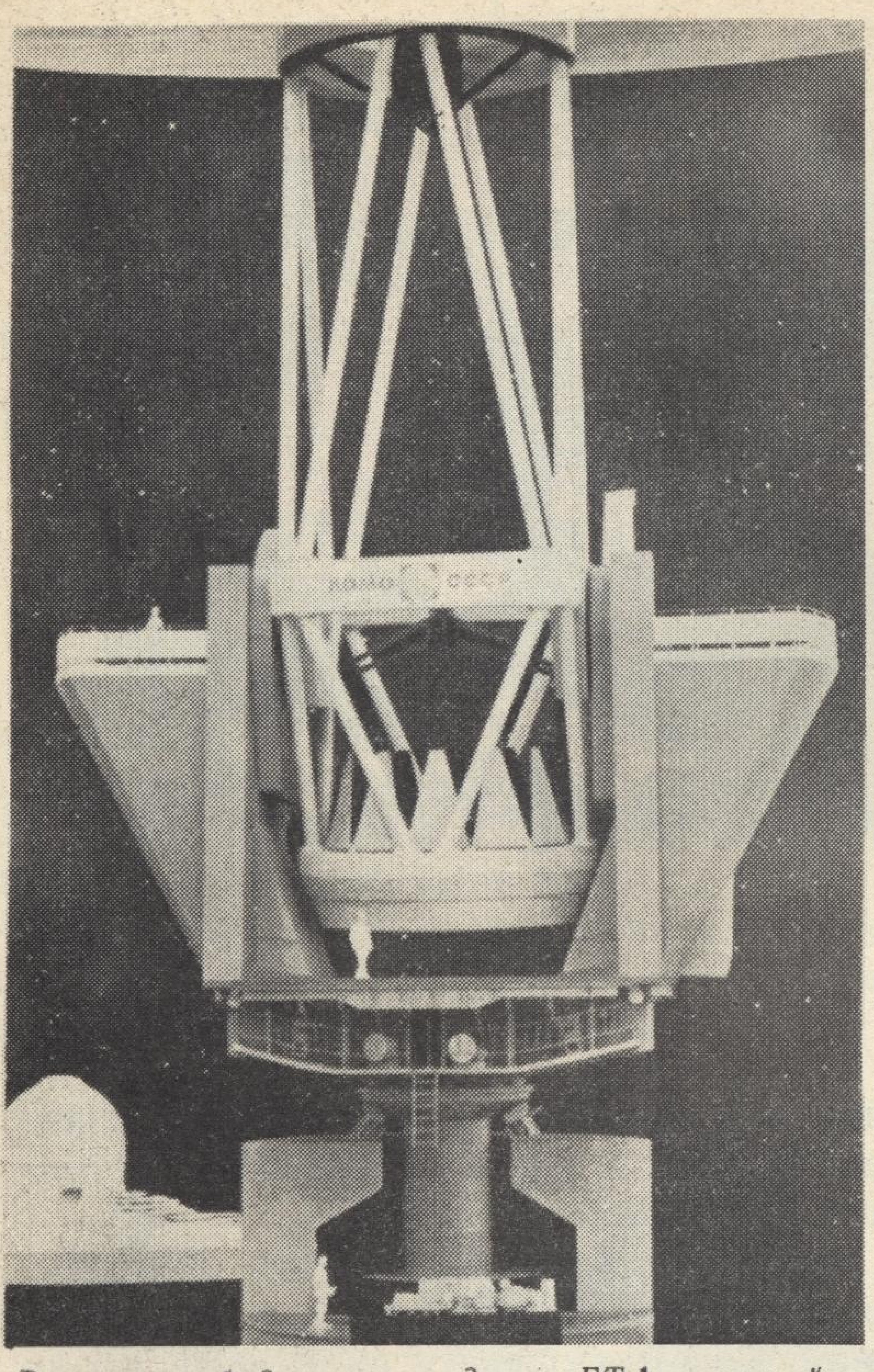
Дойдя до набережной лейтенанта Шмидта, процессия остановилась. Тут ее ждал машинист Прокопенко. Хоботом своего плавучего крана он легко поднял прицепы вместе с грузом и установил их на баржу.

Через месяц баржа благополучно прибыла в ростовский порт. Шесть тягачей въехали на палубу и соединились со своими прицепами, по которым уже порядком соскучились.

От Ростова до Зеленчукской добирались два дня по совершенно пустому шоссе. Стоял невыносимый зной, асфальт был раскален. Рядом ехали пожарные машины и поливали водой колеса тягачей и прицепов, чтоб не горели. Так проехали пятьсот тридцать километров. Оставалось сорок.

Сорок километров пути от Зеленчукской до горы Семиродники представляли собой серпантин





Вот так будет выглядеть БТА — самый большой телескоп в мире. Макет телескопа и башни можно увидеть на ВДНХ.

из девяноста восьми поворотов. Чтобы построить один из участков этой дороги, понадобилось два эшелона взрывчатки. Вот по такой дороге и карабкались тягачи, поднимая на строительную площадку детали телескопа и монтажный кран. Колеса зависали над пропастью. Водители ехали с открытыми дверцами...

Таких рейсов было много — летом, осенью и зимой.

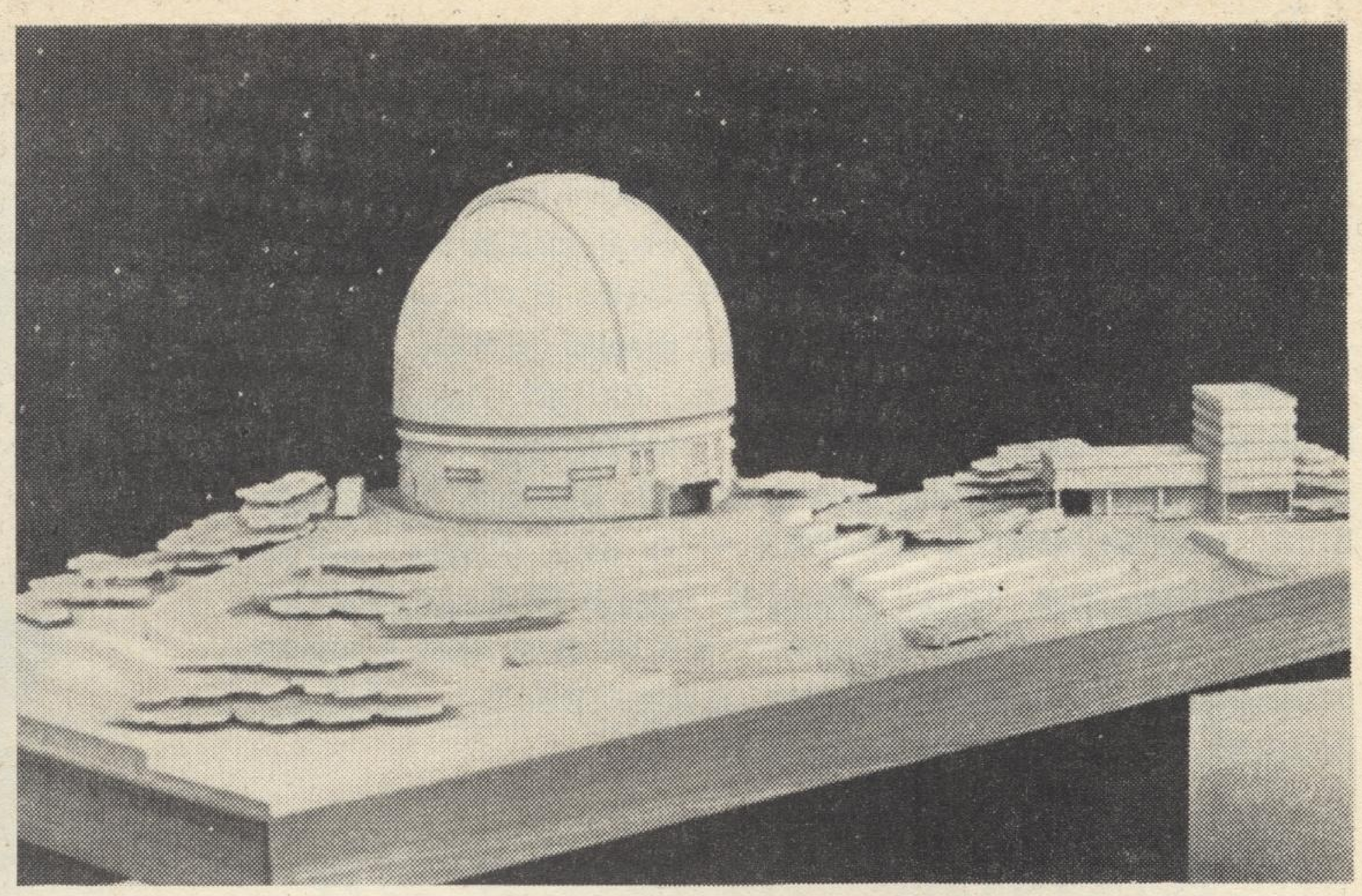
БАШНЯ

Башню сравнивают с шеломом древнего русского воина. Башню сравнивают с говорящей Головой, встретившейся в поле Руслану. Башню сравнивают с инопланетным летательным аппаратом. И все это правильно.

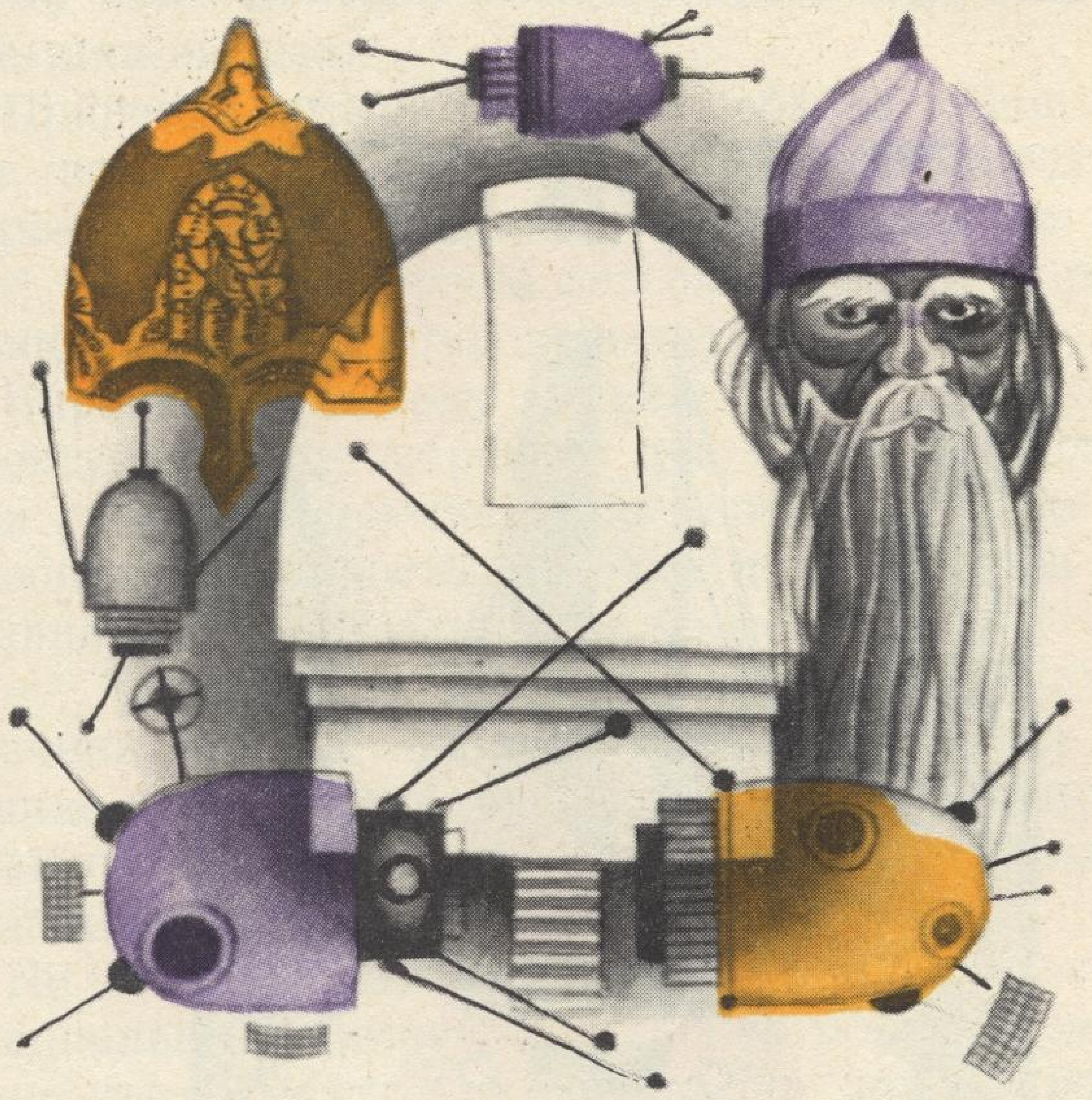
Она стоит на дикой горе в окружении альпийских трав и цветов и напрашивается на сравнения. Она красива. Она загадочна. От нее глаз невозможно оторвать.

Она, эта башня, одновременно произведение искусства и чудо техники. На нее как посмотришь, то сразу понятно, что она к космосу имеет отношение. Какая форма! Какой блеск! Какая гармония! Поначалу кажется, что сидели здесь в горах художники с архитекторами и выдумывали, что сюда, к этим горам, покрасивее подойдет.

Только потом, побеседовав с монтажниками, начинаешь понимать, что тут каждая мелочь продумана и подчинена одному, все одному и тому же — Точности.



Купол башни должен вращаться мягко и плавно, повторяя ночной путь звезды.



Полусферический купол — чтобы ветры ущелий обдували башню равномерно, не встречая сопротивления. Алюминиевое покрытие — чтобы башня не поглощала слишком много тепла. Пол из мягкой резины и внутренняя облицовка из алюминия с войлоком — чтобы ликвидировать шум.

Ну, а травка, изумрудная травка вокруг башни тоже с расчетом? Тоже. Это специально положенный дерн, чтобы не было пыли, чтобы почва не так нагревалась. Вот, оказывается, и травка участвует в обеспечении Точности Астрономических Наблюдений.

НА ДОЛГУЮ ПАМЯТЬ

Сто лет назад один богатый торговец из Сан-Франциско, Джемс Лик, однажды почувствовал, что скоро будет умирать. И он решил увековечить свое имя. Особых заслуг — изобретений, открытий или стихотворений — у него не было, но у него были деньги, и он решил, что построит себе гробницу — пирамиду размером никак

не меньше, а по возможности больше египетских пирамид. Вызвал он инженера и предложил составить проект.

Инженер подумал-подумал и ответил Джемсу Лику:

— Мистер Лик, зачем вам строить пирамиду, которая неизвестно чему будет служить?

— Как неизвестно чему! — возмутился Джемс Лик. — Она будет служить мне гробницей.

— Да, но при взгляде на нее у людей не возникнет ни мыслей, ни чувств, разве только сожаление о тщете человеческих усилий.

— Тогда что же вы предлагаете?

— Мистер Лик, употребите ваши деньги на строительство живого и нужного дела, ну, скажем, обсерватории.

— Хм! Я, пожалуй, не прочь. Но при одном условии. Если под главным телескопом этой обсерватории будет стоять мой гроб.

Так все-таки богатый торговец Джемс Лик добился, чтобы его имя постоянно мозолило глаза человечеству. В обсерватории Калифорнийского университета на горе Гамильтон и по сей день возле главного телескопа чернеет мрачная могильная плита со словами: «Здесь лежит Джемс Лик». А обсерватория называется Ликской.

Строители САО — Специальной астрофизической обсерватории — на урочище Семи Родников тоже решили увековечить свою память. Под шестиметровый рефлектор они заложили плиту. Вот что на ней написано:

«Во имя прогресса советской науки о космосе, изучающей тайны Вселенной для блага всего человечества, Академия наук СССР заложила 18 марта 1966 года Специальную астрофизическую обсерваторию на горе Семиродники Зеленчукского района, Карачаево-Черкесской автономной области, Ставропольского края РСФСР, выбранной Главной астрофизической обсерваторией АН СССР. Здесь будет установлен большой азимутальный телескоп с диаметром зеркала шесть метров, изготовленный Ленинградским оптико-механическим объединением».

ВЕЧНАЯ СВЯЗЬ

Монтажники работали, как ювелиры. Купол башни должен был вращаться мягко и плавно, повторяя ночной путь звезды. А это значило, что двадцать пять тысяч деталей нужно приладить друг к другу с точностью до сотой доли миллиметра. Вот подите, приладьте, если солнце разогревает их и они увеличиваются в объеме. Чаще всего поэтому работали ночью. А точнее и ночью и днем.

И телескоп встал. Нет, он вознесся под купол. Легкий, ажурный, стройный. Связанный незримыми нитями с тысячами людей. От него эти незримые нити потянутся к звездам. И тогда люди и звезды будут между собой еще крепче связаны. ★

И телескоп встал! Двадцать пять тысяч деталей были приложены друг к другу с точностью до сотой доли миллиметра.

Гарий НЕМЧЕНКО

Маленький рябчик

РАССКАЗ

Рисунок Ю. КАРПОВОЙ.

Из дома вышли мы вместе с Максимом Савельичем, однако в тайге разошлись: манить рябчика старик любил в одиночку. Дома он хоть вечер напролет с тобой просидит: и манок твой отладит, и сам в него посвистит, и тебя заставит — насвистишься. Тебе уже надоест, а он все будет ворчать:

— Нет-ка, парень, попробуй еще разок. А то сперва ровно курочка пискнул, а после — петушком...

Зато в тайге ты ему не мешай!

Перед заросшим густым пихтачом пригорком, когда старик собирался повернуть налево, я остановился, сам предложил:

— Так что, Савельич, разойдемся? До обеда походим, а сбор тут.

Он прищурился:

— Критики, никак, боишься?.. А ты знай, что рябки все равно мне расскажут, какой ты свистун... не те, что от тебя улетят, а те, что в мешке принесешь, понял?

Я только руками развел: верно, мол! И старик согласился:

— Ну, давай до обеда.

Я поправил на плече ружье и зашагал в сторону, обходя крутую горушку справа...

В тот день мне везло, рябчика попадалось много, и, хоть в рюкзаке у меня лежали всего два, никакой досады я не чувствовал. Я и манил, и сам подкрадывался, и столько раз вздрагивал, когда птица, залотошив крыльями, выпархивала у меня из-под ног, и переживал, когда целый выводок ушел на другую сторону глубокого распадка, в общем, душу отвел, или, как сказал бы Максим Савельич, натешился.

А в полдень я снова подходил к тому месту, где мы расстались. По неширокой седловине вышел на вершину крутой горушки, которую в начале охоты обошел стороной, и остановился на краю крошечной поляны.

Интересная это была полянка: посредине здесь росла уже поникшая от первых заморозков трава, а по бокам стояли кусты калины, сплошь усыпанные красными гроздьями ягод. Их окружала высокая стена пихтача.

Я подумал, что зимой здесь будет много рябка: уж очень удобное для него место. Поклевал мерзлой калины — лети в пихтач, отсиживайся там в глухую непогоду, подремывай среди густых веток. А пришли сумерки, спальню долго искать не надо: слетел на землю, пробил грудкой снег, немножко прошел под ним и спи. Высокий пихтач надежно укроет от метели.

Взял я манок, который на короткой шелковой нитке болтался у меня на груди, зажал в зубах. Хотел было стать за ближнюю пихту, а потом раздумал прятаться. Посижу-ка лучше на открытом месте, погреюсь под последним октябрьским солнышком.

Нашел я небольшой пенек и сел, привалившись к нему спиной, разбросал ноги в тяжелых сапогах, снял кепку. Внизу трава была волглая, от нее тонко пахло прелью, но чуть повыше ощущалось полдневное тепло ясного осеннего дня. На чисто голубом небе не было ни облачка. Стояла такая тишина, словно все кругом чутко ждало: не послышится ли вдали тугой шорох гусиных крыльев?.. Не упадет ли с вышины на притихшую тайгу тонкий клик улетающих журавлей?

Долго я сидел неподвижно, глядя на светло-зеленые верхушки пихт, четко врезанные в край высокого осеннего неба.

Потом поправил манок и тихонько вывел несколько колен: пи-и, пи-и... фи-фи-фи-фью!

Никто не отозвался. Я подождал и засвистел еще раз.

И вдруг неподалеку от меня негромко треснул сучок, послышались легкие шаги. Я напряг было шею, вглядываясь, но тут же улыбнулся: Максим Савельич!

Охотится он или нет, старик всегда ходит по тайге так тихо, что услышать его можно только совсем рядом. Но почему он остановился?

И тут я понял: да он ведь услышал свист рябчика и решил тихонько подкрасться к нему!.. Вот будет смеху, когда старик увидит меня с манком в зубах!

Шаги стихли: видно, Максим Савельич выжидал, прислушиваясь. Тут уж я всю душу вложил в тонкий рябочий свист!

Максим Савельич старался вовсю: он подвигался вперед так тихо, что я не слышал шороха, а лишь каким-то чутьем о нем догадывался.

Меня разбирал смех, но я изо всех сил сдерживался: потом посмеюсь вдосталь! «Ну, что,— скажу,— Максим Савельич? Что-то критики вашей я не слышу! Или не так уж плохо я и свистел, если даже такой профессор обмишулился?! И кого же вы думали, Максим Савельич, увидеть: курочку или петушка?»

А старик будет покачивать головой, будет, улыбаясь в бороду, покряхтывать: смотри ты, мол, незадача!

И я снова все свое искусство вложил в тонкий призывный свист: пи-и... пи-и-и!..

Едва уловимый шорох послышался теперь совсем близко. Сейчас из-за сломанной ели покажется козырек серой кепки, а под ним хитровато прищуренные глаза старика.

Я голову слегка приподнял, готовый насмешливо улыбнуться...

Над сломанной елью неслышно вырос... матерый медведь!

Держа на весу передние лапы, он вытянулся почти по пояс да так и замер, с любопытством глядя на меня маленькими карими глазами.

Я перестал дышать.

Сколько раз пытался я нарисовать в своем воображении такую встречу! Сколько я к ней готовился! И все у меня на этот случай было до мелочей отработано: мигом переламываю ружье, одним движением выбрасываю на землю патроны, заряженные дробью... Приподнимаю двустволку, правая рука моя из специальных кармашков, на манер газырей, пришитых изнутри куртки, уже вытаскивает два усиленных заряда, поверх которых плотно лежат залитые воском круглые пули. Еще секунда, и я целюсь в мохнатую грудь зверя, нажимаю на спусковой крючок... По правде говоря, я не раз все это проделывал раньше.

А сейчас ружье лежало у меня на коленях, но я даже не пробовал протянуть к нему руку. Все было так, как будто мне кто-то сказал «замри», а я и замер самым добросовестным образом. Нет, страха я не испытывал. В голове у меня, повторяясь, вертелась одна и та же нелепая мысль: «Да ведь это не Максим Савельич!.. Да ведь это не Максим Савельич!..»

А медведь так же неслышно повалился на бок и как будто взбрыкнул — над сломанной елью мелькнула бурая его спина.

Затрещали сучки, громко зашеберстила сухая листва.

Только теперь ко мне пришел страх. Сердце застучало вдруг так сильно, словно ему наконец удалось вырваться из чьих-то рук. Мне не хватало воздуха, я задыхался. Между лопатками что-то защекотало, и я почувствовал, что рубаха у меня на спине совершенно мокрая.

Негнущимися пальцами я перезарядил ружье и в полном изнеможении снова привалился к пеньку...

Вечером, когда мы сидели за столом и жена Максима Савельича потчевала нас, все мои страхи уже казались далекими. Я охотно повторял свой рассказ и сам над собой посмеивался. А лесник щурился, качал головой:

— Думал, Максим Савельич попался тебе на манок, а оно, вишь, Михаил Потапыч!

Я шутил:

— А что, может быть, он ожидал не рябка увидеть? Пойду-ка, думает, гляну, что там за специалист сидит: один раз курочкой пискнет, а другой — петушком?

— Да нет, чуял бы человека — не подошел. Видно, в самом деле хотел напоследок рябком полакомиться, чтоб было что зимой вспоминать.— Лесник огладил бороду и улыбнулся.— Ты говоришь, думал: если поверил Максим Савельич, значит, сдал экзамен на «хорошо»... Теперь можешь считать, что сдал на «отлично»: экзаменатор попался строже некуда — сам хозяин тайги!

А мне вдруг грустно и неловко стало.

Выходит, если б на манок доверчиво прилетел маленький рябчик, я бы выстрелил, не задумываясь? А вышел зверь, который может постоять за себя, и я мигом забыл, зачем ружье у меня...

С тех пор стал я по рябку все чаще и чаще промахиваться. И никогда об этом не жалею. ✶

Вениамин СМЕХОВ

Вот как изображен Жан-Батист Мольер на старинной французской гравюре.

Праздник господина де Мольера

Ровно триста пятьдесят и один год тому назад родился во Франции драматург и актер Жан-Батист Мольер. Его комедии читает и смотрит на сцене весь мир.

Триста лет назад он умер. Но слово «смерть» очень печальное и к тому же совершенно несправедливое, когда речь идет о таких хороших людях. Мне даже кажется, что я лично встречался с Мольером — и не только на сцене. Мы беседовали вдвоем. Даже не один, а три раза. Поэтому будем считать так: триста лет со дня жизни. И давайте поздравим господина де Мольера с праздником. Вот такого молодого, в кружевном камзоле. Яркий шелковый платок, темные штаны до колен, светлые чулки, башмаки на высоких каблуках и пара кудрявых до плеч париков: черноволосый — для каждого дня и светловолосый — для визитов к королю Людовику. (Впрочем, парик, кажется, был всего один.)

И полюбил этот человек театр. Полюбил с такой страстью, что никакие силы не смогли их разлучить, Мольера и театр: ни отговоры отца в юности, ни угрозы вельмож и церковников в зрелые годы, ни старость и болезни перед смертью. Так он и умер — чуть ли не на сцене, едва отыграв смешного богача Аргана из пьесы «Мнимый больной», роль, которую он для себя и сочинил. Умер в театральной одежде и с черным париком в руке. Еще не все зрители вышли из театра. Они шли оживленные. Они весело смеялись. А он уже умер, и его друзья плакали за кулисами. Зрители смеялись, а артисты плакали. Назавтра плакали все в Париже, и шел дождь, потому что умер Жан-Батист Мольер. Он умер и сразу же стал бессмертным.

Когда мне было тринадцать лет, папа принес синенькую книжку с непонятной фамилией «Мольер». Я начал читать и вдруг с такой быстротой ее одолел, как ни одну книгу ни до, ни после этой.

Книжка состояла из пьес. И каждая пьеса звучала в ушах, как спектакль, разыгранный живыми актерами. Меня не смущали ни непривычные имена действующих лиц, ни некоторые совсем взрослые выражения — читать было так весело. А когда я дошел до «Мещанина во дворянстве», в моем «комнатном театре» начался сплошной переполох. Только мои «актеры» отыграют смешную сцену, а «зрители» отхохочутся, я заставлял их играть сцену сначала, и

снова хохот... Я хохотал так, словно передо мной дурачились сразу десять тысяч клоунов. Это был уже не смех, а катастрофа. Мама начала бояться за мою жизнь.

— Что у тебя — припадок?

— Нет, мам, у меня Мольер...

И снова хохот...

А ночью у нас с Мольером произошел первый разговор. Писатель оказался высоким, крепким дяденькой в парике, в очках: что-то среднее между жюль-верновским Паганелем, бароном Мюнхаузеном и доктором Айболитом. Мы сидели в маленькой комнате. Мольер попросил включить настольную лампу, а большой свет выключить. Я показал ему синенькую книжку.

Я. Это ваша?

МОЛЬЕР. Позвольте. Действительно, эти пьесы придумал я. Но на другом, французском языке, и потом так давно...

Я. Скажите, а для детского театра вы тоже сочиняли?

МОЛЬЕР. Нет. Театров было мало, и все для взрослых. Но когда в Париже случались ярмарки, детей пропускали в театр. Они забирались на ярусы, под самый потолок.

Я. А когда вы сочиняли, наверное, здорово смеялись?!

МОЛЬЕР. Когда сочинял, было не до того. Мне приходилось так торопиться! Обычно я должен был уже назавтра раздать роли еще не написанной пьесы, чтобы успеть ее сыграть до конца месяца. В противном случае я мог оставить без денег и без хлеба семью и весь мой театр. Так что когда писал, не смеялся. Зато ночью вдруг мог проснуться и всех перебудить своим смехом: вспоминалась какая-нибудь удачная шутка из пьесы...

Я. А я-то сегодня так смеялся...

МОЛЬЕР. Спасибо. Но позвольте, теперь моя очередь задавать вопросы. Значит, вы любите читать пьесы? Это же трудно. Пьесы пишут для театра и гораздо меньше — для чтения.

Я. Вы знаете, я все время представляю, как будто это на сцене.

МОЛЬЕР. Прекрасно! Ну, а вы сами где же в это время — среди зрителей?

Я. Почему-то я везде. То сам играю вашего Сганареля, а то вдруг катаюсь от смеха, сидя в зрительном зале. Скажите, а это не значит, что я смогу быть актером?

МОЛЬЕР. Вот как? Стало быть, вы хотите работать в театре?

Я. Разве я не говорил вам? Конечно, хочу! Правда, у моих родителей другие планы... У меня друг Андрей, он будет математиком, так что...

МОЛЬЕР. Ничего, не огорчайтесь. Нельзя помешать человеку театра. Если бы вы знали, чего мне стоило быть актером и драматургом!

Я. Тоже родители были против?

МОЛЬЕР. Не совсем так. Мать умерла рано, дед мой сам меня таскал по театрам, а вот отец протестовал. Но если кому судьба быть артистом, никто не сможет помешать. **(Тут Мольер взглянул на часы.)** Может, расскажете на прощание что-нибудь из этой книги — любую комедию, как вы ее запомнили, ладно? Слушаю вас, господин юный школьник.

Я. Из этой книги?.. Хорошо. Вот комедия «Мещанин во дворянстве». Один господин был очень богат, но имел простое звание — мещанин. И ему взбрело в голову, что он должен стать знатным вельможей. Хочу, говорит, быть дворянином! И начинают его окружать всякие проходимцы. Один говорит, что он знаток танцев, другой — модный портной, и будто бы без них ему не быть в высшем свете. И пошло! Он там учится плясать, говорить «а» и «о», напяливает дурацкую одежду! У него уже полон дом всяких бродяг. А Журден счастлив: сам граф говорит ему «мой друг» и так далее. Дочке он запрещает выходить замуж, потому что ее жених, видите ли, не дворянин. Она ревет, мать страдает, Журден топает ногами и кричит. И вот тогда на помощь приходят слуги жениха и невесты: Ковьель и Николь. Главная их хитрость — в конце. Называется «турецкая церемония». Ковьель переоделся стариком путешественником, влез в доверие к Журдену и убедил отдать дочку за сына турецкого султана. Тогда-то, мол, Журден попадет в самые крупные вельможи: его произведут на турецкой церемонии в «мамамуши». Очень смешное это у вас слово — «мамамуши». Журден, конечно, согласен, а турецкий принц — точь-в-точь дочкин жених, одно лицо. Ах, какое совпадение! А на самом деле никакое не совпадение: просто переодетый дочкин жених говорит дурацкие слова и будто бы он турок. Журден сидит на полу, скрестив ноги, а переодетые слуги во главе с Ковьелем поют смешные молитвы: «Магомета господина я просить за Джиурдина его сделать дворянина. Палка, палка, бей, не жалко». Все танцуют, веселятся — так его ловко провели! — а он сидит на полу и глазами хлопает: ах, какой я знатный вельможа!.. Господин Мольер, мне так нравится роль Ковьеля! Если я когда-нибудь стану актером, вы не против, если я его сыграю?

МОЛЬЕР. Даже если смогу — помогу. До свидания, господин школьник. Вы очень любопытно рассказали. Тем более, что я давно не вспоминал эту комедию. Благодарю вас.

...Наутро было воскресенье. Я снова читал синенькую книжку и вспоминал наш ночной разговор.

Как я полюбил мольеровских слуг — отважных, смешных и грубоватых, — они есть почти в каждой комедии. И почти в каждой комедии они ловко и забавно разыгрывают надутых богачей, жадных глупцов или невежественных мещан.

И я довольно быстро запомнил имена жадных, знатных, нелепых или коварных: Гарпагон, Журден, Пурсоньяк, Арган, Тартюф.

А настоящих героев Мольера — остроумных, простодушных, но обязательно справедливых —

называл с гордостью, словно братьев и сестер: Сганарель, Скапен, Маскариль, Ковьель, Дорина, Николь, Туанетта.

Прошло много лет. Класс за классом я доучился до последнего школьного звонка. И, как в сказке, несмотря на трудности и преграды, оказался студентом театрального института. Вот-вот исполнится моя мечта: я получу диплом, где будет сказано: «Такой-то является актером театра и кино». Осталось только сыграть дипломный спектакль. И тут я узнаю, что наш курс будет играть комедию Мольера «Мещанин во дворянстве». И мне поручают роль слуги Ковьеля! В это трудно поверить, но было именно так.

Двенадцать лет прошло с тех пор, но все зрители и мы, бывшие студенты, с особой нежностью вспоминаем нашего «Мещанина». Как дружно мы разыгрывали Журдена — Зиновия Высоковского, как уморительно каталась по сцене от хохота Николь — Людмила Максакова, какие дурацкие слова я болтал Журдену, чтобы доказать, до чего красив турецкий язык!.. А однажды со мной приключилась неприятность. Спектакль начался, мой выход в середине первого акта.

Я, как всегда, убежал наверх, на третий этаж, чтобы мне никто не мешал волноваться. Скоро раздастся громкий марш, и на его последние звуки: «Тра-тра-та-та!» — я и мой хозяин выскочим на пустую сцену. Я готовлюсь, собираюсь с мыслями... Ну и «пересобирался». Опоздал. Влетел на сцену. Кое-как доиграл до антракта, а там убежал в гримерную и разревелся, как девчонка.

Той ночью ко мне снова пришел Мольер. Он сам выключил большой свет, зажег настольную лампу и вздохнул.

Я. Здравствуйте, господин де Мольер! Вы уже слыхали новости?

МОЛЬЕР. Я слыхал, что вы становитесь артистом и играете Ковьеля.

Я. Я вас про сегодняшний ужас спрашиваю! Не знаете? Ну, помните, первый выход Ковьеля?.. Там марш, и в конце мы выскакиваем. Я сижу, готовлюсь на третьем этаже и вдруг слышу: «Тра-тра-та-та!» Я похолодел, ни рук, ни ног не чую. Слышу: повторяют марш. Я полетел вниз через все ступеньки, по дороге урну опрокинул, студента какого-то свалил... Выбегаю — вот ужас! Помощник режиссера с испугу занавес закрыл. Все ходят бледные, меня убить готовы. Да я и сам готов...

МОЛЬЕР. Ай-яй-яй! Разве так можно? Столько еще волнений впереди, а вы решили умереть в самом начале жизни... Скажите лучше, на «турецкой церемонии» были аплодисменты, публика смеялась?

Я. Спасибо за сочувствие. Они просто плакали от хохота. Со времени нашей прошлой встречи я много о вас узнал. Главное, прочел книгу Михаила Булгакова «Жизнь господина де Мольера». Я понимаю, мое происшествие просто чепуха по сравнению с вашими. Вы столько

Это старинные гравюры к мольеровским комедиям.

«Проделки Скапена»

«Господин де Пурсоньяк».

перенесли горя за свое искусство, за театр — и улыбаетесь!

МОЛЬЕР (тут он взглянул на часы). Простите, мой юный друг. Скажите на прощание, что бы вам теперь хотелось сыграть из моих комедий?

Я. Тартюфа. Конечно, и Сганареля и Дон-Жуана... Но больше всего — Тартюфа.

МОЛЬЕР. Желаю вам этого от всего сердца. Кто, вы сказали, автор книги: Булгаков? Скажите, пожалуйста. Целая книга...

«Мнимый больной».

«Дон-Жуан».

К тому времени я прочел много книг о Мольере и знал, как нелегка была жизнь этого человека.

...За свой редкий дар освистывать ханжей и мерзавцев (какими бы знатными они ни были) Жан-Батист Мольер расплачивался всю свою жизнь.

Он высмеивал властительных господ за их слепое поклонение модам — французы в зале катались от хохота, узнавая повадки хозяев, а французы при дворе и при золоте черной местью мстили Мольеру тайком, из-за угла.

Пьесы запрещали, работать не давали, на актеров клеветали, мольеровскую труппу выгоняли из Парижа, самому писателю грозило отлучение от церкви... Но никакие ужасы — ни бродяжническая жизнь, ни голод, ни доносы — не сумели смирить великого сатирика или заставить его писать безобидные пустяки на радость господам. Нет, он слишком любил правду и здоровый дух своего народа и слишком дорожил честью художника.

Он даже замахнулся на могучего великана — на французскую церковь, он не побоялся гнева самого архиепископа. Комедия Мольера «Тартюф» выводит на чистую воду добренького смиренника, который окрутил целую семью доверчивого и запуганного Оргона, а потом превратился в наглого бандита. Он выгнал всех, кто его приютил, из дома, а своего благодетеля отдал под суд. Вот какие мерзости можно творить, если хорошо прикрыться черной сутаной, крестом монаха и именем бога, говорит Мольер.

«...лицемеры не снесли насмешек; они сразу подняли переполох и объявили из ряда вон выходящей дерзостью то, что я изобразил их ужимки и попытался набросить тень на ремесло, к коему причастно столько почтенных лиц», — так писал он королю, ища у него защиты.

Всемогущие церковники снова и снова запрещали Мольеру играть его пьесу, они готовы были растерзать, уничтожить не только комедию, но и самого автора.

«Тартюфы сумели исподтишка втереться в милость к Вашему Величеству, и вот оригиналы снова добились запрещения копии. ...Не подлежит сомнению, государь, что если Тартюфы восторжествуют, то мне нечего и думать сочинять комедии впредь...»

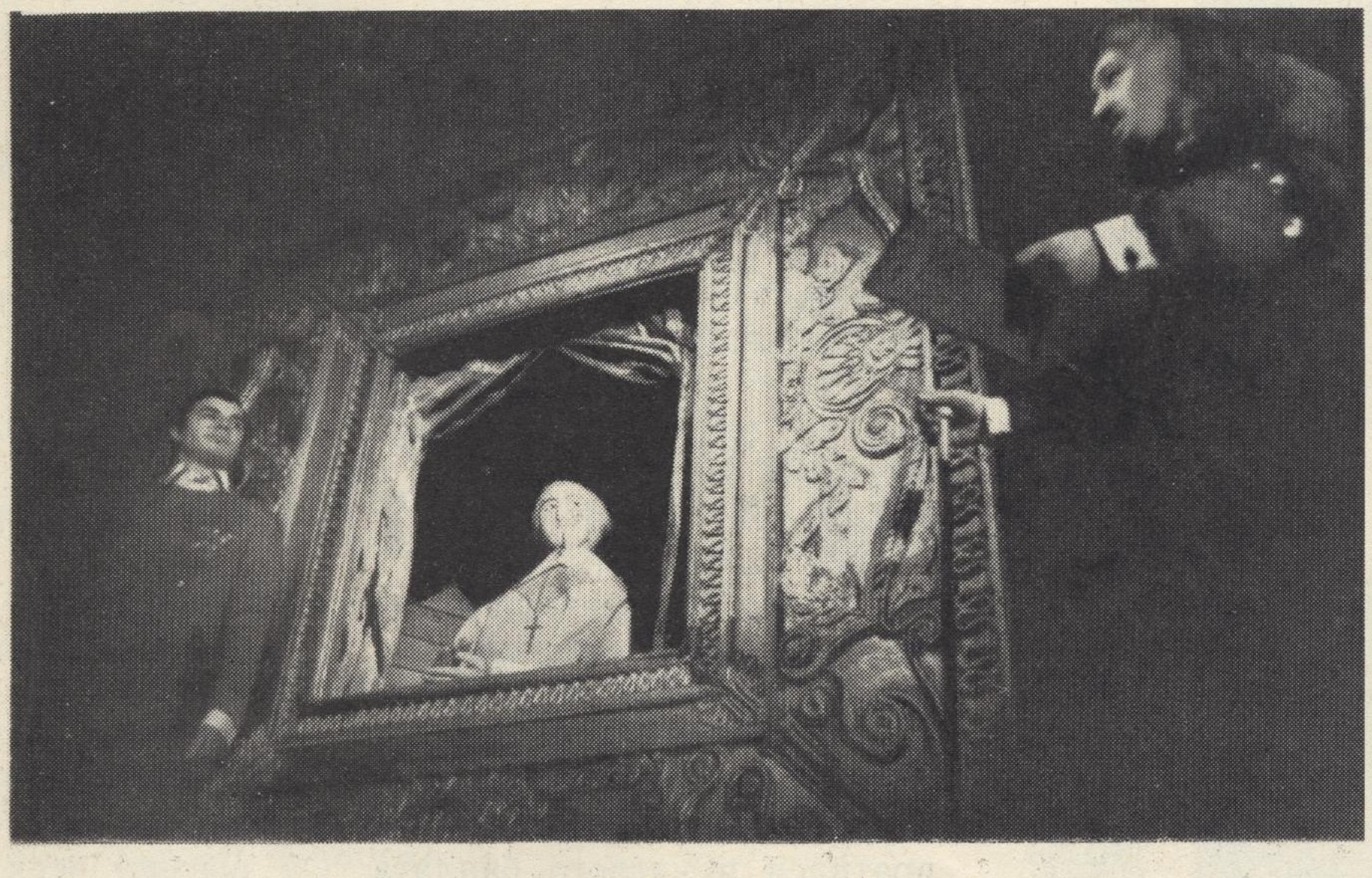
Мольер упрямо добивался справедливости, и в конце концов победил он и его комедия «Тартюф».

В 1967 году, когда исполнилось триста лет со дня представления мольеровской пьесы, в Московском театре на Таганке сыграли премьеру «Тартюфа». Главный режиссер театра Юрий Любимов поставил спектакль по-особому. На московской сцене словно оживает мольеровская труппа 1667 года. Под звуки старинной музыки из-за спин зрителей весело выбегают на сцену артисты, приветствуя зал на чистом французском языке. А вот и сам Мольер. Он просит разрешения сыграть «Тартюфа» у самого архиепископа: оживает кукла в золоченой ложе слева, отрицательно качает головой. Пьеса запрещена. Мольер униженно кланяется правой ложе — там кукла короля Людовика. Спектакль репетируется. Сам Мольер играет Оргона. Потом офицер его величества снова запрещает спектакль. Снова унижения, прошения... Наконец, король дает согласие. И мы, актеры, радуясь победе, играем пьесу до конца. Жулик без совести и сердца — значит, Жулик, пускай за тебя горой стоит хоть вся церковная власть; если тупица — значит, и есть Тупица, а что у тебя мешки золота и ты руки моешь молоком, — это Театру все равно. Театр неподкупен.

...И вот осмеянные, точно угаданные типы как будто совершили обратный прыжок — со сцены на улицы городов. И теперь на них указывали и хохотали.

Это великое дело борьбы с живущим злом и оказалось личным подвигом Жана-Батиста Мольера. Один на один с хозяевами дворцов, поместий, монастырей, храмов — с хозяевами жизни. Победил Мольер и его любимый помощник смех.

Да, смеялись французы в XVII веке; смеялись англичане, русские, итальянцы и через сто лет; смеются, хохочут, закатываются на мольеровских спектаклях три столетия подряд.



На фотографии — сцена в Московском театре на Таганке: Оргон — Мольер просит архиепископа-куклу разрешить постановку «Тартюфа». Рядом, на гравюре, вы тоже можете увидеть Оргона, его жену Эльмиру и Тартюфа.

Фотографии спектакля «Тартюф» А. ГАРАНИНА.

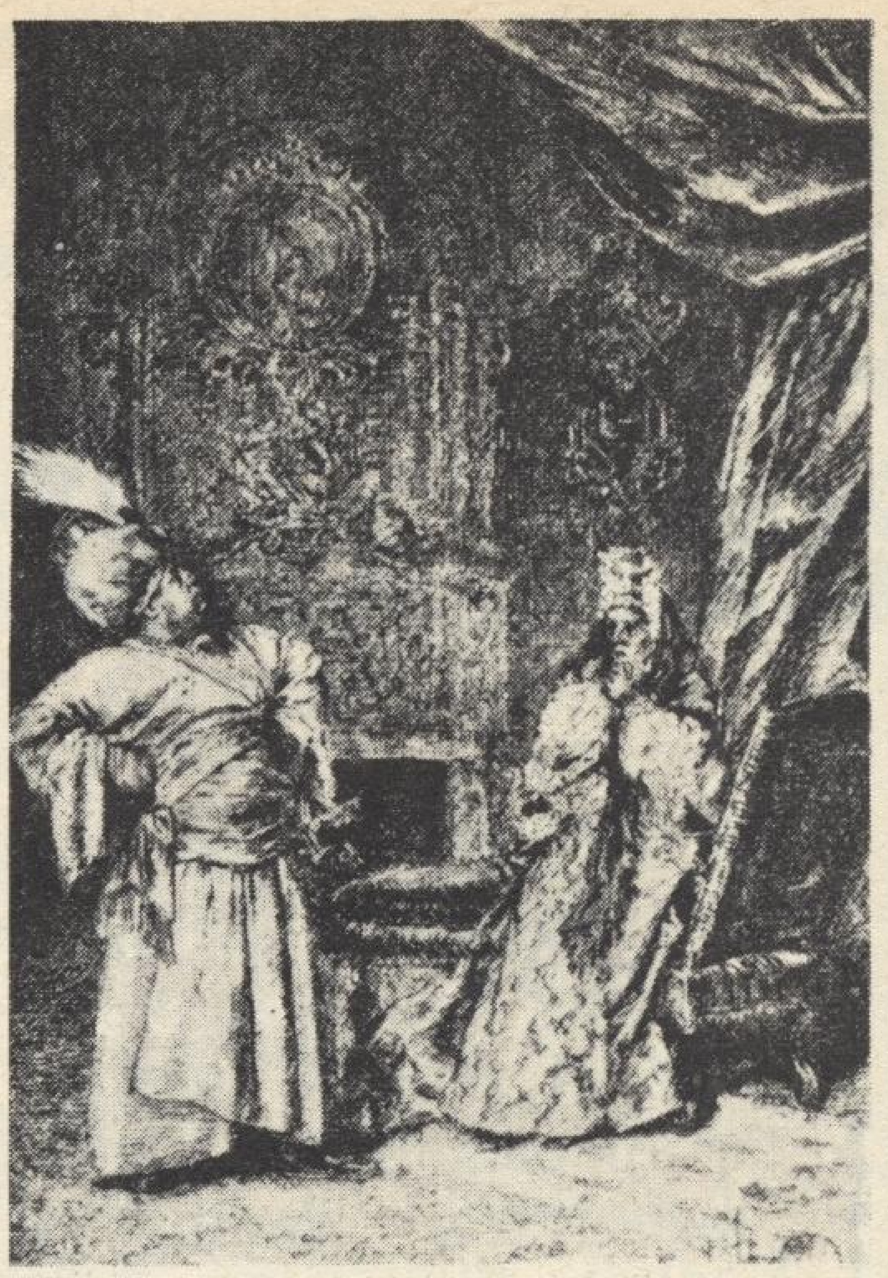
Я очень люблю этот спектакль, хотя мне и не удалось сыграть роль Тартюфа. Его играет артист Всеволод Соболев. Оргона и Мольера — Феликс Антипов. Я же играю Клеанта. Он все время говорит умные слова... а сделать против Тартюфа ничего не может. Зато смогли его разоблачить служанка Дорина и ее госпожа Эльмира — их играют артистки Зинаида Славина и Алла Демидова. Наш руководитель театра Юрий Любимов сумел в этом спектакле не только рассказать историю о гнусном обманщике, но еще и историю самой пьесы, историю борьбы Мольера за «Тартюфа». Зрители увидели, какого мужества и труда стоила Мольеру судьба произведений великого драматурга Мольера...

Мольер выбирал из самой жизни черты резкие и яркие. Он их вытащил под мощный свет рампы и смело назвал: если дрянь — значит, Дрянь, пускай ты хоть трижды маркиз; если

...А три века назад, ничего не зная о своем будущем бессмертии, актер Мольер, придя из театра домой, бросался на кровать от усталости и отчаяния. В ушах еще звенели аплодисменты и хохот, а на глазах были слезы. Ему казалось, что завтра у него уже не хватит сил снова играть на сцене, ставить спектакли, писать пьесы и ходить, ходить кланяться королю, умолять, унижаться ради искусства. Наступало утро, и он снова шел к актерам, репетировал, вечером играл, ночью сочинял новые комедии... Вот так просто и мучительно доставалось ему то, что сейчас мы называем подвигом писателя.

Вчера ночью я погасил в кабинете верхний свет и сел возле настольной лампы позаниматься. Смотрю, а на диване — Жан-Батист Мольер.

Я. Здравствуйте, дорогой господин де Мольер. Вы удивляетесь, как я вырос? В соседней



Два «Мещанина во дворянстве». Вот так морочат голову Журдену в Московском театре имени Вахтангова. А на гравюре слева Журден выхваляется перед женой.

комнате спят мои дети. На прошлой неделе моя старшая дочь третий раз смотрела «Тартюфа»!

МОЛЬЕР. Это любопытно. И что сказала дочь?

Я. Во-первых, ей очень понравился папа. Конечно, если бы я играл злого Тартюфа, то ни за что не понравился бы, вот как.

МОЛЬЕР (он взглянул на часы). Господин артист, скажите, вам еще хочется сыграть что-нибудь из Мольера?

Я. Любую роль в любой вашей пьесе! А еще я обещал написать о вас для ребят — таких же, каким был я в день нашего знакомства, помните?

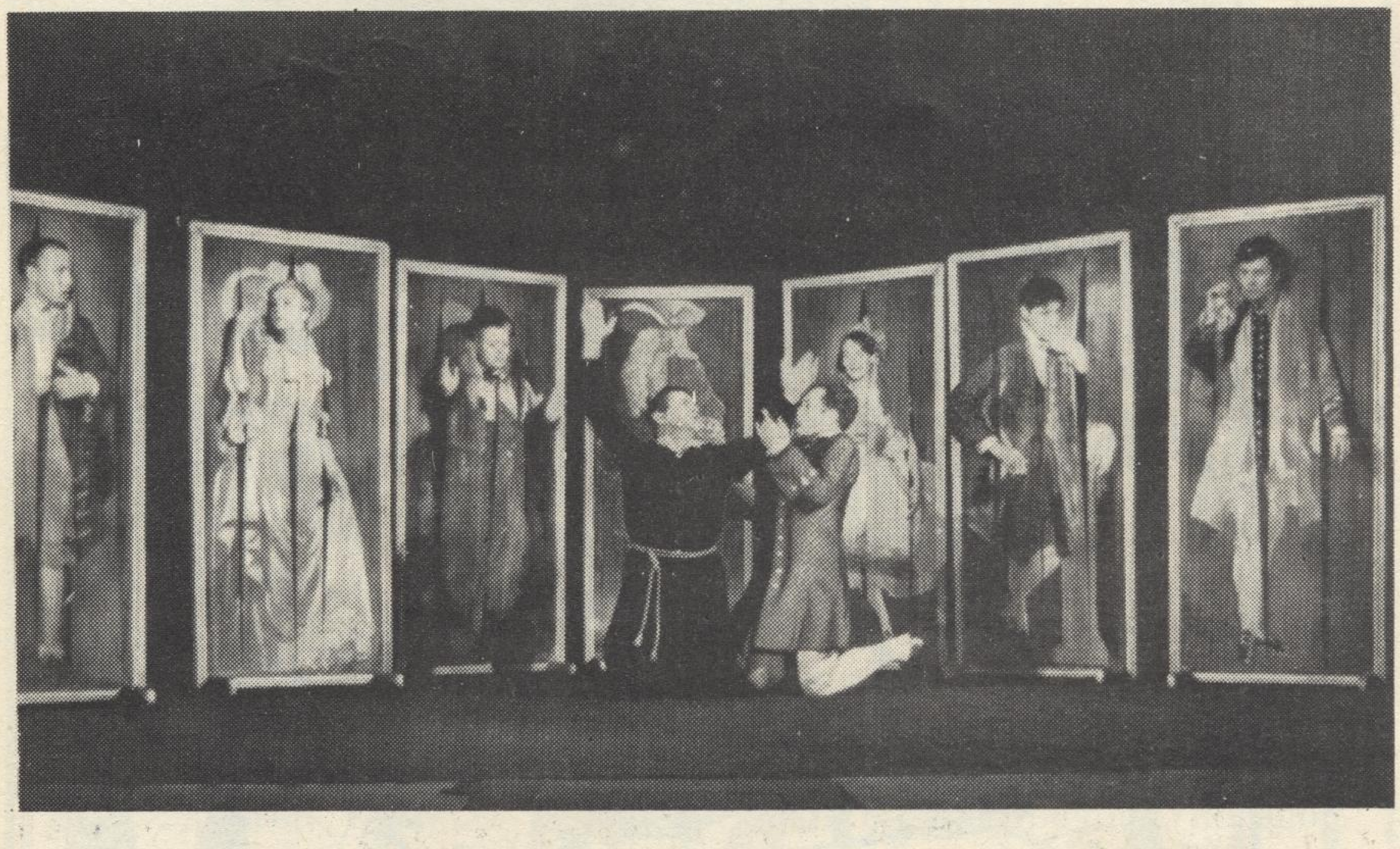
МОЛЬЕР. Помню, я все помню. До свидания, господин артист.

И я написал о моем господине де Мольере...

А вдруг кто-нибудь из вас тоже сядет на диван с синенькой (или теперь она другого цвета?) книжкой и прочтет ее залпом, и в комнате у него окажутся десять тысяч клоунов, и он станет перечитывать ее. И так же, как я, будет хитро и значительно улыбаться, просто произнося названия комедий Мольера. Ну что же... Я завидую ему.

Когда на свете живут люди, подобные Мольеру; когда люди читают такие книги, как книги Мольера; когда в театрах разыгрываются пьесы, равные пьесам Мольера, — за такую жизнь надо радоваться.

Давайте и мы вместе с остальными странами поздравим Францию и весь мировой театр. Ну, и, конечно, самого «виновника» торжества — господина де Мольера... Все такого же молодого, в кружевном камзоле. Яркий шелковый платок, темные штаны до колен, светлые чулки, башмаки на высоких каблуках и пара кудрявых париков до плеч: черноволосый — для каждого дня и светловолосый — для визитов к королю Людовику. (Впрочем, парик, кажется, был всего один.)



Перед вами галерея персонажей из спектакля «Тартюф» в Московском театре на Таганке.

УЗЕЛОК ТРЕТИЙ

ИСТОРИЯ С УЗЕЛКАМИ

Льюис Кэрролл

БЕЗУМНАЯ МАТЕМАТИЛЬДА

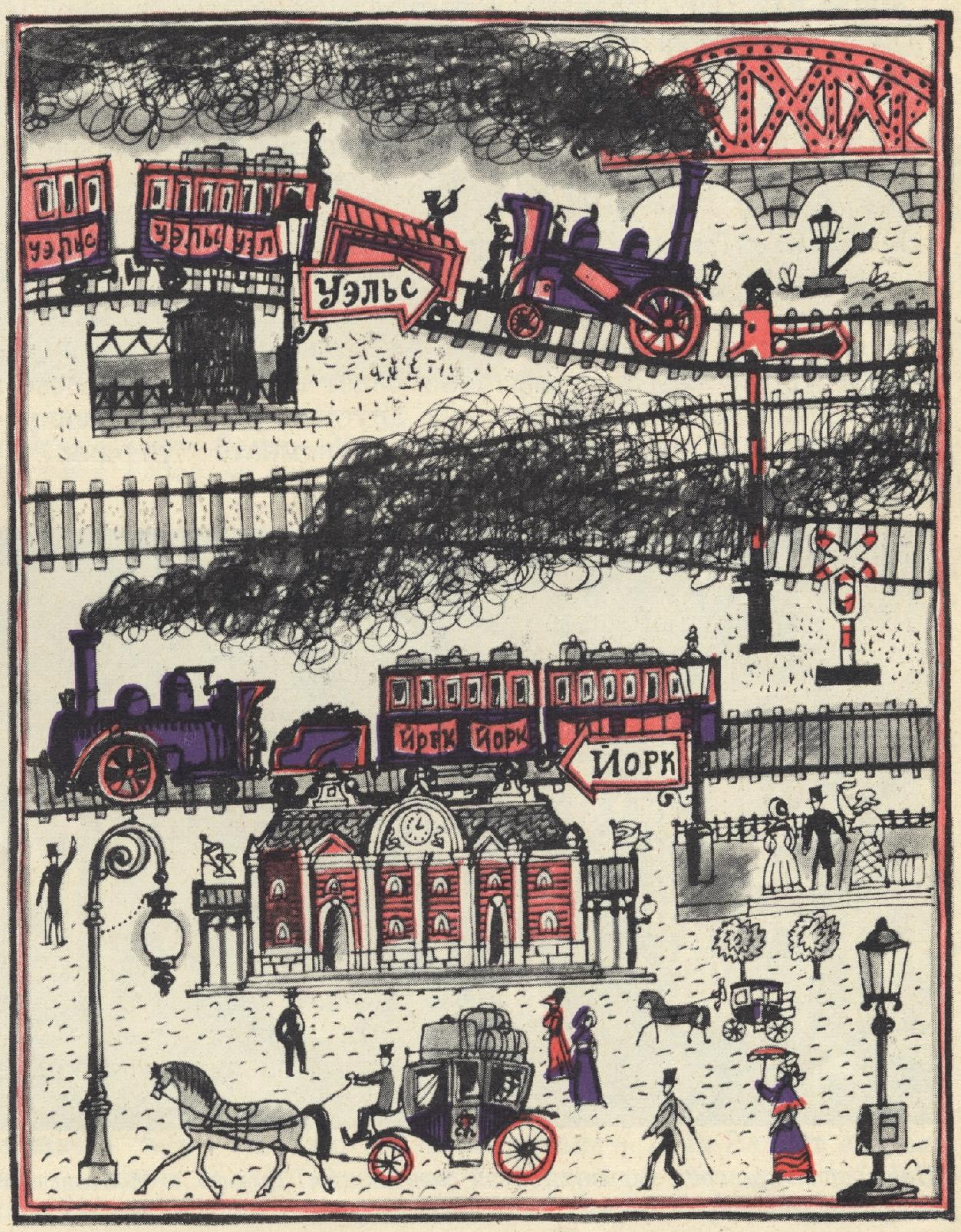
Дорогие ребята, сейчас вы прочитаете об удивительном состязании, затеянном тетушкой Математильдой и ее племянницей Кларой, казалось бы, совершенно новыми для вас героями. Но странное дело — тем из вас, кто помнит «Алису в стране чудес», покажется, что он встретил своих давних приятелей. Тетушка Математильда чем-то напоминает Шляпу, немного походит на Чеширского кота и, пожалуй, на Грифона. Ну, а кого напоминает Клара, читателям «Алисы» решить будет совсем не трудно.

— Называют меня Безумной потому, что, по-видимому, я и в самом деле немного не в своем уме, — сказала она в ответ на осторожный вопрос Клары о том, почему у нее такое странное прозвище. — Я никогда не делаю того, чего в наши дни ожидают от нормальных людей. Во-первых, не ношу платьев с длинными шлейфами. Они напоминают мне составы, тянущиеся за паровозом. Кстати, о поездах. Вон там (видишь?) находится вокзал Чаринг-Кросс. О нем я потом расскажу тебе **кое-что** интересное. Во-вторых, я не играю в лаун-теннис, в-третьих, не умею жарить омлет, в-четвертых, я даже не способна наложить шины на сломанную руку или ногу. Как видишь, перед тобой круглая невежда!

Племянница Безумной Математильды Клара была на добрых двадцать лет моложе своей тетушки и еще училась в школе для девочек — учебном заведении, о котором Безумная Математильда отзывалась с нескрываемым отвращением.

Но сейчас настала пора каникул. Клара приехала к тетушке погостить, и Безумная Математильда показывала своей племяннице достопримечательности восьмого чуда света — Лондона.

— Вокзал Чаринг-Кросс! — продолжала она, широким жестом указывая на вход и как бы представляя племянницу старому другу. — Бейсуотерскую и Бирмингемскую ветки дороги только что закончили строить, и теперь поезда могут непрерывно циркулировать по замкнутому маршруту, доходя на западе до границ Уэльса, на севере — до Йорка и возвращаясь вдоль восточного побережья назад в Лондон. Расписание поездов **не совсем** обычно: поезда, идущие в западном направлении, возвращаются на вокзал Чаринг-Кросс через 2 часа после отправления, поезда, идущие в восточном направле-



Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

нии, проходят весь путь за 3 часа. Но это еще не все. Составители расписания ухитрились сделать так, что каждые 15 минут отсюда, с вокзала Чаринг-Кросс, в противоположных направлениях отправляются два поезда!

— Они расстаются, чтобы затем встретиться вновь,— сказала Клара, и глаза ее при столь романтической мысли наполнились слезами.

— Не стоит плакать,— сухо заметила тетушка.— Встречаться-то они встречаются, но не на одной и той же колее железной дороги. Кстати, о встречах. Мне в голову пришла великолепная идея! — добавила она, со свойственной ей резкостью меняя тему разговора.— Давай сядем на поезда, идущие в противоположных направлениях, и посмотрим, кто из нас встретит больше поездов.

— Если хотите, тетя, мы можем устроить состязание. Я постараюсь выбрать поезд так, чтобы мне встретилось ровно в полтора раза больше поездов, чем вам.

— Это невозможно, если, конечно, ты будешь честно считать встречные поезда,— с присущей ей прямотой возразила Безумная Математильда.— Не забудь, что считать следует лишь те поезда, которые встречаются в **пути**. Поезд, который отправляется с вокзала Чаринг-Кросс или прибывает сюда одновременно с твоим поездом, в счет не идет.

— Если я и внесу поправку в эти правила, то число встреченных поездов изменится лишь **на единицу**,— сказала Клара, когда они с тетушкой вошли в здание вокзала.— Правда, мне никогда раньше не приходилось ездить одной. Некому будет даже помочь мне сойти с поезда, но все равно я согласна. Жаль только, что одна из нас выиграет, а другая...

— **Если** одна выиграет, то дело другой табак,— решительно отрубила Безумная Математильда.

Леди купили билеты и прошли на центральную платформу. Безумная Математильда, как всегда, болтала без умолку. Клара безмолвствовала, лихорадочно проверяя в уме вычисления, на которых держались все ее надежды на выигрыш.

— Пассажиров просят занять места на трамплинах! — громко объявил дежурный.

— Для чего здесь трамплины? — испуганным шепотом спросила у своей тетушки Клара.

— Чтобы удобнее было садиться в поезд,— невозмутимо ответила Безумная Математильда.— Видишь ли, не много найдется людей, которые смогли бы без посторонней помощи сесть в вагон за 3 секунды, а поезд стоит лишь 1 секунду.

Тут раздался свисток, и на станцию с разных сторон влетели два поезда. Секундная пауза, и оба поезда помчались дальше. Но и за столь малый промежуток времени несколько сот пассажиров успели впрыгнуть в вагон (причем каждый из них со снайперской точностью попал на свое место!), и ровно столько же пассажиров умудрились выпрыгнуть из вагонов на платформу.

Три часа спустя тетушка и племянница снова встретились на платформе вокзала Чаринг-Кросс и сравнили свои подсчеты. Клара со вздохом отвернулась. Для столь юного и чувствительного сердца, как у нее, разочарование — горькая пилюля, и Безумная Математильда поспешила утешить племянницу.

— Попробуем еще раз,— ласково предложила она,— но правила слегка изменим. Начнем, как прежде, но мы не будем считать встречные поезда до тех пор, пока наши поезда не повстречаются. Как только увидим друг друга из окон вагонов, скажем «Раз!» и будем продолжать счет встречных поездов до тех пор, пока не прибудем на вокзал Чаринг-Кросс.

Лицо Клары просветлело.

— На этот раз я непременно выиграю,— радостно воскликнула она,— лишь бы мне было позволено снова выбрать поезд.

И снова раздался резкий свисток паровоза, снова ожидающие заняли места на трамплинах, снова живая лавина пассажиров чудом успела заполнить два пронесшихся мимо поезда, снова наши путешественницы расстались.

Каждая из них с нетерпением выглядывала из окна своего вагона, держа наготове платок, чтобы успеть подать сигнал, когда поезда поравняются друг с другом. Наконец, под оглушительный стук колес и завывание ветра поезда встретились в туннеле, и путешественницы со вздохом, точнее, с **двумя** вздохами облегчения откинулись на спинки диванов в своих купе.

— Раз! — открыла счет Клара. Вскоре за первым встречным поездом последовал второй, за вторым — третий.

— Три! Уф, как я устала! — вздохнула Клара и тут же радостно встрепенулась:

— Три, уф! Звучит почти как триумф! Это добрая примета: уж теперь-то я непременно выиграю!

...Но выиграла ли она?

Перевел с английского Ю. ДАНИЛОВ.

Какой хороший день!

Рашид
РАШИДОВ

Жеребенок

Жеребенок
с мягкой гривой,
Резвый, ласковый, игривый,
Поскорее вырастай!
Стань быстрее
речки горной,
Непокорной и проворной,
Веселее
птичьих стай!

Будь красивый,
статный, гордый...
Я тебе насыплю в торбу
Золотого ячменя!
Подарю тебе
седло я
Расписное,
золотое,
Поведу тебя в село я,
Словно взрослого коня!

А потом
верхом я сяду
И на все, что видно взгляду,
Со спины твоей взгляну...
Я кнутом
достану тучи,
Я поймаю
солнца лучик,
Обскачу я всю страну!

Нам усталость
не помеха...
Разбудить хочу я эхо
Песней
звонкою своей!
И чтоб эхо
песню эту
Разнесло скорей по свету—
Для хороших всех людей!

*

Песня пахаря

На поле, борозда,
Поглубже будь!
Эгей!

Пройти, дождей орда,
Не позабудь!
Эгей!
Стань, колос золотой,
Как я, усат!
Эгей!

Стань, солнцем налитой,
Зерном богат!
Эгей!

На ниву бросить взгляд
Я буду рад.
Эгей!

Не причини утрат
Ей, белый град!
Эгей!

Жалеть не станет чиж
Вновь горлышка!
Эгей!

За что попросит лишь
Два зернышка!
Эгей!

*

Магомед-Закид
АМИНОВ

Снежная конница

Снег лавиной падает,
С ветром, с ревом, с гулом,
Загоняет всех в дома,
Завывает, стонет.
Это не метелица
Рыщет по аулам —
Это кони белые
Мчатся от погони.

Белые, лохматые,
Разметались гривы,
Вьется пена белая
Вдоль пустой дороги.
Это отступает
Войско торопливо,
Под напором вражеским
Прочь уносит ноги.

Волосы белеют,
Бурки индевеют,
В клочья разрываются
Белые папахи.
Нет, не вьюга это,
Нет, не ветры веют —
Конница разбитая
Удирает в страхе.

Ей вослед победные
Раздаются клики.
От кого же армия
Зимняя несется?
У зеленой армии
Зеленеют пики,
А на знамени горит
Красным светом солнце.

*

Звездные синицы

Как только я подумаю,
Что встречусь с чудесами,
Лед сахаром становится,
Сосульки — леденцами.

Лишь стоит про деревья
Подумать: это люди!
Они подносят яблоки
Мне на зеленом блюде.

Я вижу: бродят в городе
Деревья-великаны,
И всем ребятам яблоки
Они суют в карманы.

Сравнил я звезды с гнездами
Из золотой соломки —
И звездных сказочных синиц
Раздался щебет громкий.

На стенах тени пляшут,
Зовут на представленье...

Как весел мир, когда ты
В веселом настроенье!

*

Чабан

Какой хороший день —
Какой зеленый, синий!
Омытый шумным душем —
Промчавшимся дождем.
Бродить бы мне сегодня
В заоблачной долине,
Ах, стать бы мне сегодня
Веселым чабаном!

Недостает мне только
Чабанского наряда,
И некого пасти мне —
Отары нет пока.
Наряд найти нетрудно,
Найти отару надо —
Пускай пасутся белые
Ягнята-облака!

Нет песенки? Придумаю!
Во что бы то ни стало
Отправлюсь в путешествие
Я в этот ясный день!
Над головою солнце
Растрепанное встало.
Я солнце, как папаху,
Надену набекрень.

В скалу уперлась радуга,
Легла над горным лугом,
Сейчас одну полоску
Я дерну за конец,
И этой лентой красной
Я подпояшусь туго —
И вот уже чабан я,
Могу пасти овец.

В горах проголодаюсь?
Придет закат багряный —
И мне тогда останется
Совсем недолго ждать:
Когда стемнеет, звездами
Набью свои карманы,
Как зерна кукурузы,
Их буду уплетать.

Захочется мне хлеба —
Луны лепешка рядом,
Возьму — и на две части
Я разломлю луну.
Ведь охранять отару
И поздней ночью надо,
Оставлю половину
Ночному чабану!

Рисунок Ю. КОРНЕЕВА.

Пионерский костер.
Выдержка «В».

Музыканты.
Выдержка 1/15 или 1/30 секунды.

ОДИН НА ОДИН С ФОТО-АППАРАТОМ

Ведет разговор фотокорреспондент нашего журнала Владимир ПОСТНИКОВ

Еще три секрета

ГЛАЗОМЕР

Во втором номере журнала мы говорили о диафрагмах — в каких случаях какую ставить. Внимательно рассматривая цифры на объективе, ты, конечно, заметил, что за шкалой диафрагм идет шкала расстояний.

Как ею пользоваться? Определить расстояние до снимаемого объекта и установить объектив по этой шкале.

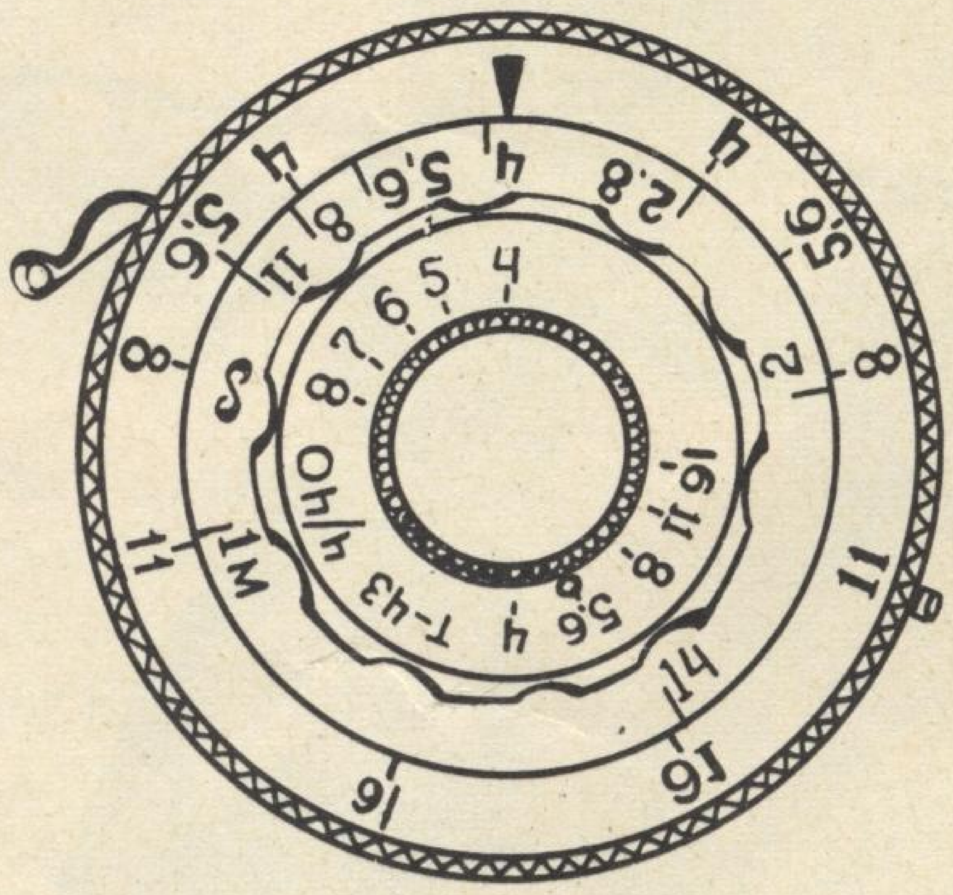
Но как узнать расстояние? Ходить все время с рулеткой? Нет, конечно. Фотографу нужен отличный глазомер.

А если человек не умеет определять расстояние на глаз? Пусть тогда он узнает длину своего шага, а потом проверяет себя, измеряя расстояние шагами. Постепенно у него разовьется глазомер.

ГЛУБИНА РЕЗКОСТИ

Начинающим много хлопот доставляет третья шкала цифр. С ее помощью можно проверить границы резкости при различных диафрагмах.

Давайте сделаем это вместе. Предположим, диафрагма у нас 8, расстояние 4 метра. Теперь найдем на шкале глубины резкости по обе стороны стрелки цифры 8. На шкале расстояний (между цифрами 8) определяем: границы резкости примерно от двух метров до бесконечности. А что у нас получится, например, при диафрагме 5,6 и расстоянии 2 метра? Находим на третьей шкале по обе стороны от стрелки цифры 5,6, смотрим на шкалу расстояния: граница резкости от 1,5 до 2,9 метра, в этих воображаемых границах все предметы получатся на снимке четкими, резкими. А все, что дальше от аппарата или ближе к нему, будет на снимке расплывчатым, неясным.



ВЫДЕРЖКА

Это — время, в течение которого затвор открыт и свет действует на фотопленку. Выдержку устанавливают в зависимости от того, как освещен объект съемки, и от чувствительности пленки. При съемке фотоаппаратом «Смена» выдержки могут быть такими: 1/15, 1/30, 1/60, 1/125, 1/250 секунды и «В». При съемке на «В» затвор открыт все время, пока нажата спусковая кнопка.

Запомни: всегда лучше короткая выдержка.

Теперь посмотрим несколько фотографий и разберемся, когда какая выдержка нужна.

Пионерский костер. Выдержка «В»

Такой снимок надо делать, укрепив фотоаппарат на штативе, с тросиком, при выдержке «В». При другой выдержке на снимке не получатся предметы, окружающие костер, а может случиться, что вообще пленка получится светлой, без всякого изображения.

Так же надо снимать и ночной город и праздничный салют.

Музыканты. Выдержка 1/15 или 1/30 секунды

Такая выдержка нужна при слабой освещенности. Фотографировать тоже лучше с упора. А то незаметно для себя качнешь фотоаппарат, скажем, когда станешь нажимать спусковую кнопку, и снимок получится нерезким.

Яхтсмены. Выдержка 1/60 секунды

Этот снимок сделан против света (контровое освещение). Несмотря на то, что день солнечный, выдержка не очень короткая. Почему? Чтобы на снимке получились теневые, слабо освещенные детали. Во время съемки против света следи, чтобы в объектив не попало солнце.

Кто быстрее? Выдержка 1/125 секунды

Как быть, когда снимаешь кого-нибудь в движении? Обязательно с короткой выдержкой. И выдержка тем короче, чем больше скорость. Здесь скорость не очень велика, поэтому вполне достаточно и 1/125 секунды.

Футболисты. Выдержка 1/250 секунды

Футболисты все время в стремительном движении, и снимать их надо с самой короткой выдержкой.

Подведем итог трех наших с тобой бесед. Теперь ты знаешь, что из всех доступных тебе фотоаппаратов «Смена» наиболее подходящий. Еще ты знаешь, какую пленку при каком освещении надо применять. И непонятное слово «диафрагма» теперь стало для тебя понятным. И таинственная зависимость диафрагмы от выдержки стала ясной.

Еще ты знаешь, что хорошую фотографию можно получить только при точном соблюдении всех технических условий и точном выборе кадра. Когда я только учился снимать, я «болел» очень странной, но, может быть, и необходимой для новичков «болезнью кадра». На что ни смотрел, перед глазами как бы всегда была рамка — этакий невидимый видеоскоп, невозмутимо отсекавший все лишнее.

Мы с тобой еще встретимся и поговорим о секретах проявления пленки и печатания фотографий. А пока не теряй времени даром. Снимай! Снимай все, что кажется тебе интересным, занятным, красивым, необыкновенным, удивительным, невероятным! Не щелкай просто так затвором фотоаппарата. ДУМАЙ! ВЫБИРАЙ! ПРИКИДЫВАЙ! СОРАЗМЕРЯЙ! Не торопись и не суетись!

Заведи записную книжку. Записывай в нее все, что касается съемки. Дату — день, число, месяц, когда зарядил пленку, чувствительность ее, номер кадра, диафрагму, выдержку, какое было освещение, час дня и что ты хотел снять. **Что хотел!** А когда проявишь, увидишь, **что получилось.**

Следующую пленку зарядишь, и опять записывай. Проявишь ее, анализируй, отчего у тебя получилось это хорошо, а это плохо. Вот так и научишься снимать.

Если тебе захочется посоветоваться со мной, присылай отпечатки и негатив со своими записями. И мы вместе разберемся.

Яхтсмены.
Выдержка 1/60 секунды.

Кто быстрее.
Выдержка 1/125 секунды.

Футболисты.
Выдержка 1/250 секунды.

Дорогой «Пионер»! Меня зовут Надя. Я учусь в седьмом классе. Я плохо запоминаю уроки, хоть и учу их очень старательно. Выхожу к доске и вовсе все забываю. Напишите мне, пожалуйста, что сделать, чтобы была хорошая память.

К. Н., г. Волгоград.

Выхожу к доске *и забываю...*

НАДЕ ОТВЕЧАЕТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕН АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК СССР, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ РСФСР, ДОКТОР ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СМИРНОВ.

Ты, Надя, живешь далеко от Москвы, мы с тобой, к сожалению, не знакомы, и хотя я всю жизнь занимаюсь памятью, мне нелегко ответить на твой вопрос: почему ты выходишь к доске и забываешь все, что старательно учила?

У твоей беды может быть тысяча причин. **И первая из них — волнение.** Выходишь к доске, видишь перед собой свой класс, учителя, все ждут, что ты скажешь, наверное, тебе кажется, что все изучают тебя, ты начинаешь волноваться и... все забываешь.

Должен тебе сказать, такое случается со многими ребятами. И не только с ребятами. Сколько раз я видел, как сильно волнуются на экзаменах студенты, и даже почтенные ученые, выступая перед своими коллегами, держат в руках листок бумаги с тезисами доклада, чтобы от волнения не забыть самого главного. Стресс—так называет наука это состояние сильного напряжения, когда волнение словно парализует человека, мешает ему думать, вспоминать, говорить.

Что же делать?

Попытаться один раз ПРЕОДОЛЕТЬ волнение. Я знаю, это невероятно трудно, но **ты попробуй сама себе помочь. Помочь своей памяти.**

Дом нельзя построить без фундамента, без каркаса, без столбов-опор. **Памяти тоже необходимы столбы-опоры, только смысловые.**

Вот, скажем, ты учишь историю. Сегодня вам задали § 49 «Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева». Я специально заглянул в твой учебник истории. Три странички. Если прочтешь их бегом, не останавливаясь, обязательно что-нибудь по дороге потеряешь — забудешь. **Надо разделить весь текст — весь твой путь — на куски.** Прочитала кусочек текста, остановилась и подумала: о чем это? О причинах волнений крестьян... А это? Легенда о Петре III, которого наивные крестьяне считали своим заступником... А потом? О Емельяне Пугачеве. О том, как удалось ему повести за собой крестьян на восстание. И так дальше и дальше, к финишу. И на каждом привале, после каждого кусочка рассказа хорошо придумать для него **условное название.** Допустим, для первого **«причины»**, для второго **«легенда»**, для третьего **«Пугачев»**, для четвертого **«1773»** (дата восстания), для пятого слова из указов Пугачева: **«Крестьянам — волю, леса, реки», «дворян — ловить, казнить, вешать...»**

Это смысловые опоры твоего будущего рассказа. Они непременно помогут тебе у

доски припомнить, воспроизвести в памяти все, что ты должна рассказать. Так делают все, кто привык разумно работать. Хотя каждый, конечно, решает сам, сколько сделать ему остановок, на сколько кусочков разбить текст и как их условно, для себя, назвать. Одна моя аспирантка, например, большая фантазерка, придумывала разные ассоциации: «Когда я читала этот кусок, то представляла себе ряску на болоте, а потом видела ясное небо и легкие облака, похожие на лебедей...»

Ты пишешь: «...я старательно учу уроки...» Что ты имеешь в виду? Может быть, ты читаешь параграф учебника один раз, потом сразу же второй, третий? Если это так, то ты поступаешь совершенно неправильно. Ты прочитала рассказ и сразу же постарайся выяснить: что запомнила, что не запомнила? Смысловые опоры тебе помогут проверить себя. **И только тогда, когда поймешь, что тебе не удалось запомнить с первого раза, читай все снова и обрати особое внимание на то, что ускользнуло от тебя сначала.** И опять **СМЫСЛОВЫЕ ОПОРЫ и КОНТРОЛЬ:** запомнила — не запомнила?

Один мой знакомый второклассник говорит, что учит уроки так же, как умывается: сначала намыливается, потом моется, потом споласкивается. Я думаю, он поступает вполне разумно. Я знаю, ребята часто так поступают: заглянул в учебник, пробежал по странице глазами, обрадовался: знакомо! И успокоился. А вышел к доске и, оказывается, пересказать не можешь... Учитель-то на уроке не показывает тебе учебника и не спрашивает: «Вам это знакомо? Садитесь, пять...» Учитель требует доказательств, что ты все знаешь, и только тогда ставит пять. Большая разница: **воспроизвести, повторить вслух гораздо труднее, чем познакомиться и затем узнать знакомое.**

Сербский ученый Радоссавлевич проводил такой опыт. Студент должен был запоминать слова и слоги и, когда запомнит, сказать. Обычно всем студентам удавалось это после шестого или седьмого прочтения. Тут же человек читал слова и слоги уже в сорок шестой раз и не заявлял о своей готовности повторить их наизусть. Радоссавлевич подумал, что он что-то перепутал в немецких словах (это был немецкий студент). Оказалось, все написано верно, но молодой человек не понял задачи. «Разве их надо было запоминать? — удивился он.— Я их просто читал».

Может быть, и ты, Надя, просто читаешь и не ставишь перед собой задачу ЗАПОМНИТЬ. А это исключительно важно.

Еще один пример. Норвежский психолог Ааль предложил двум группам студентов в одно и то же время выучить один и тот же материал. Одной группе он сказал, что спросит их на следующий день, другую предупредил, что проверит через две недели. Спросил же он всех студентов через две недели. Те, которые учили, рассчитывая запомнить надолго, помнили лучше.

Я думаю, этот опыт подскажет тебе, Надя, еще одну очень важную вещь. **Задачу нужно себе ставить точно: это запоминаю на всю жизнь, это мне пригодится на экзаменах, а что-то могу забыть и через неделю.**

Я надеюсь, Надя, что ты попробуешь учить уроки так, как я тебе посоветовал. И вдруг... увидишь, что так получается дольше, сложнее. Как просто: три раза прочитал, что-то зазубрил и все. Но выйдешь к доске и забудешь. А если даже прекрасно вызубришь и ответишь в этот раз у доски, через несколько дней в памяти твоей ровно ничего не останется. И вовсе не потому, что память плохая, а потому, что работала неправильно. **Пусть времени сейчас у тебя уйдет чуть-чуть побольше: прочитал — понял — нашел смысловые опоры — пересказал — проконтролировал себя, что забылось,— снова прочитал, обнаружил потерю, поискал, нашел... и запомнил надолго, на всю жизнь. И, КРОМЕ ТОГО, ВЫУЧИЛСЯ РАБОТАТЬ.** Разве это не стоит того, чтобы посидеть подольше?

Кстати, напоследок расскажу тебе еще один случай. Недавно мы проводили опыт. Один и тот же текст предложили запомнить студентам и профессорам. Профессора, несмотря на свой почтенный возраст, справились лучше — помогла многолетняя привычка правильно работать.

Какие еще бывают марки...

А. МИХАЛКОВ

Перед вами марки, о которых я рассказываю.
Слева — три благотворительных марки. На одной из них — портрет Луи Брайля, человека, создавшего азбуку для слепых. Выпущена эта марка в помощь слепым. Под ней две почтово-благотворительных марки, одна выпущена в Советском Союзе в 1921 году в помощь голодающим, вторая — в 20-х годах в Германии, чтобы помочь старикам и детям. Справа — верхняя марка служебная, под ней — доплатная,— видите слово «porto»? — и гербовая.

Первые почтовые марки появились в Великобритании в 1840 году. Восемнадцать лет спустя они были выпущены в России. Однако мало кому известно, что слово «марка» существовало задолго до появления почтовых марок. Так назывались квитанции об уплате налога или какого-нибудь взноса. Выдавали их фискалы. Вот об этих-то марках я и хочу рассказать.

В 1704 году Петр I, чтобы пополнить государственную казну (она называлась в то время «фиск»), порядком истощенную войнами с Турцией и Швецией, создал штат чиновников — фискалов. Фискалам поручили разработку новых налогов. Только в первый год своей деятельности они ввели семьдесят четыре налога: на ношение бороды, на право похорон в дубовом гробу, на свадьбу, на продажу табака и на многое другое. Налогами облагали горести и радости людей, поэтому народ возненавидел фискалов. С тех пор слово «фискал» приобрело презрительный оттенок.

Разновидностью фискальных марок были **гербовые** или **налоговые** марки. Гербовые существуют и в наше время.

В 1873 году в Австрии, а затем и в других странах были выпущены **телеграфные** марки. Они наклеивались на телеграфный бланк и пересылались почтой на телеграфные станции.

Были и **газетные** марки. В прошлом веке почта не доставляла газету подписчику, если он не оплачивал доставку маркой.

В 1851 году выпустили газетные марки, которые покупали издатели и наклеивали на газеты или тюки газет перед отправкой их из типографии на почту. Почтовые чиновники гасили каждую марку. Впоследствии эти марки стали гасить поиному. Наклеивали марки, а поверху печатали газетный текст. У меня есть такие марки, погашенные газетным текстом!

В многочисленном семействе марок есть еще и **служебные**, и **благотворительные**, и **почтово-благотворительные**, и **доплатные**.

Служебными марками за рубежом и сейчас пользуются различные учреждения для пересылки корреспонденции внутри страны.

Само название «благотворительные» объясняет, для чего выпускают эти марки. На почтово-благотворительных марках обычно указывается номинал с надбавкой. «Надбавка» идет на благотворительные цели.

Может быть, вам встречались марки, на которых написано слово «porto». «Porto» — значит «доплата». Такие доплатные марки наклеивают на письма, опущенные в ящик без марки. Вручая письмо адресату, почтальон получает с него доплату, сколько указано на марке. У нас в СССР такие марки были выпущены в 1925 году, когда почта повысила тариф на письма, а забывчивые люди клеили марки по-старому.

—Ну вот,— сказала Лёка,— бульон готов. Нам осталось поджарить рыбу и картошку. Смешно! За всю свою жизнь я ни разочка не жарила рыбу. Сейчас достану тресковое филе из холодильника и набросаю на сковородку.

Калинка всплеснула руками.

— Лёка! Ты ведь иногда бываешь шеф-поваром. Даже то, чего никогда не делал, надо, поразмыслив, сделать хорошо. Набросаем! Сама сообразишь, как жарить рыбу, или подсказать?

Лёка задумчиво посмотрела в окно. Вон какой-то неизвестный черный кот идет через улицу. Какой важный! Лапки поджимает: мокрый асфальт ему, видите ли, не нравится. Предложить бы этому коту пожарить эту рыбу. «М-р,— удивился бы кот,— зачем жарить? Она и сырая вкусная».

Калинка тоже посмотрела на улицу. Что там Лёка заприметила? А! Кот! Черная Калинкина косичка укоризненно качнулась влево-вправо, а черные бусинки-глаза лукаво засмеялись.

— Ты ошибаешься, Лёка. Знаменитый черный кот Три Фон—большой гурман и сырую рыбу есть не будет. Да и жареную не всякую попробует.

— У, важный какой! Я тоже люблю вкусно пожаренную рыбу, но как это сделать, сообразить не могу. Ты уж прости меня, Калинка.

— Да, уж прощу тебя. Слушай.

ЖАРЕНАЯ РЫБА

Замороженное филе не надо размораживать, только дать ему оттаять, достав из холодильника за час до приготовления. Обмоем филе в холодной воде, разделяя тушки, и разрежем на порционные куски так, чтобы они получились ровные и ладные. Присаливаем с двух сторон. Смотри, не пересоли! Оставляем рыбу на дощечке минут на пять. От соли рыба становится крепче, не так крошится при жарении.

Теперь берем три плоские миски или тарелки. На одну насыпаем муку, столовую ложку с верхом, на другую — столько же панировочных сухарей, на третью выпускаем яйцо — белок и желток вместе, добавляем чайную ложку холодной воды или молока, чуть соли и слегка взбиваем вилкой.

Вот и прошло пять минут.

Теперь куски рыбы промокни марлевой салфеткой. Не три сильно, только промокни. Теперь начинается самое важное. Чтобы рыба получилась вкусной и сочной, сделаем защитную корочку из муки, яйца и сухарей.

Обмакни кусочки рыбы сначала в яйцо. Раз, два — сверху, снизу и на минутку оставь рыбу на дощечке, чтобы пропиталась яйцом.

Теперь обваливаешь в муке. Раз, два — сверху, снизу. И сразу снова в яйце. Опять на минутку оставь на дощечке. И в сухари. Раз, два — сверху, снизу. Все кусочки получились симпатичные, мохнатенькие.

Теперь можно жарить. Ставь большую сковородку на огонь. Разогрелась? Наливай ложки полторы столовых подсолнечного или оливкового масла. Минуты за полторы масло хорошенько разогреется. Помнишь, как жарить котлеты? Так и рыбу.

В середине сковородки масла побольше, значит, кусочек рыбы положи сначала в середину сковородки и сразу отодвинь его в сторону. Следующий опять в середину и опять в сторону, ну, а последний кусочек остался в середине сковородки. Огонь больше среднего, такой, чтобы не горело, но и не бессмысленно парилось. Помнишь первый закон вкусной еды?

— «Дым и чад в кухне — позор!»

— Совершенно верно! А почему позор? Потому что дым и чад бывают тогда, когда горит масло, а это бывает только у невнимательных и безразличных.

Вся сковорода заполнена. Не очень тесно и не очень просторно. Как раз так, как нужно, чтобы пузырьки горячего масла рыбу с боков подхватывали.

Если на сковороде очень просторно — лишнее масло горит. Если тесно — рыба может не прожариться. Если масла слишком много — рыба будет неприятно масляной, а очень мало — получится сухая. Сильный огонь — рыба съежится и сгорит, слабый огонь — получится бледной и перепаренной.

У нас и огонь хорош. И масла достаточно. И сковородка прекрасная, просторная. Только не забудь кусочки переворачивать. Поджарились с одной стороны минуты три, переверни на другую. И еще раз.

Лёка усердно колдовала над сковородкой, не выпуская из рук широкого ножа-лопаточки. Пестрая, красная рукавичка, сшитая из давнишнего Марининого платья, очень ей помогала. Руке удобно, и если за сковородку заденешь — не страшно, не обожжешься.

— Все,— сказала Лёка и весело посмотрела на Калинку.— Все! Первый раз в своей жизни пожарила рыбу. И, кажется, неплохо!

— Хорошо пожарила, молодец! Корочка такая аппетитная, золотистая. Ну, а теперь быстренько пожарь картошку. Скоро мама, папа и Маринка придут. Обедать пора.

— А ты не знаешь, Калинка, как приготовить картошку-соломку?

— Ты когда-нибудь ее ела?

— Ела. Когда я бываю у бабушки в Вишенках, она обязательно готовит такую картошку. Вкусная!

— Помнишь ли ты, как жарить картошку половинками? И понимаешь ли всю премудрость приготовления такой картошки?

— Конечно. Картошку отмыть от земли. Почистить, тонко срезая кожицу. Обмыть уже чищенную. Разрезать пополам и обсушить марлевой салфеткой. Я помню, помню и второй закон: «Все, что жарится на сковороде, в горячее масло должно попадать сухим. Масло сердится на воду, оттого и брызжет. Сковороду поставить на огонь, разогреется, — налить ложки полторы подсолнечного масла. Масло разогреется, — обсушенную картошку в один ряд уложить на сковородку. Закрыть крышкой. Через пять минут перевернуть, с одной стороны она уже должна поджариться до румяности. Еще пять минут на другой стороне. Десять минут — и готова прекрасная поджаристая картошка. Посолить, когда снимешь с огня. Все. Секрет в хорошем огне, горячем масле, плотно закрытой крышке.

— Хорошо! А как готовить соломку?

— В том-то и дело, — убежденно сказала Лёка,— не знаю! — А потом подумала немного и так же убежденно сказала: — Конечно, знаю! Почти так же. Слушай.

КАРТОШКА-СОЛОМКА

Очистить три крупных картошины. Для нашей сковородки больше и не надо. Разрезать вдоль на 10—15 ломтей, а потом еще на 10—15 поперек. Получатся тонкие-претонкие брусочки — соломка. Обсушить их в марлевой салфетке. Разогреть сковородку, налить подсолнечного масла, ложки две столовых, и дать ему разогреться. Тогда только в горячее масло ссыпать картошку. Сковородку плотно закрыть крышкой. Через одну-две минуты ворошить вилкой. Огонь хороший. Посолить в конце жарения.

— Умница,— сказала Калинка.— Это и есть логика академика домашнего волшебства. Умница!

Лёка хотела было по Алешиному примеру отнестись к похвале достойно, но не выдержала, просияла вся, заулыбалась — и тут же потребовала награду.

— Ты обещала повести нас к твоей знакомой художнице, Татьяне Юрьевне Ларионовой, показать, как расписывают ткани. Алеша сто раз в день меня спрашивает. Калиночка! Можно не ждать каникул и пойти в воскресенье? Очень хочется!

ВОТ И ПРИШЛО ВОСКРЕСЕНЬЕ

Марина, Алеша, Лёка с Калинкой на левом плече подошли к дому № 3 ровно без семи минут двенадцать. Дом как дом! Большой и кирпичный. Балконы и подъезды. Поднялись на лифте на самый последний этаж. Лифт как лифт. Вышли на лестницу и...

— Смотрите,— зашептал Алеша.— Этаж последний, а лестница идет еще куда-то. Крутая, узкая!

Ступенька за ступенькой. Поворот за поворотом — вдруг дверь. Дверь как дверь.

— Смотрите,— зашептала Лёка.— Колокольчик!

Медный красноватый колокольчик висел на золотистом шнурке у двери и тихо покачивался.

Калинка сняла свою шапочку-невидимочку — «Дин-дон-динь!» — и сказала:

— Здравствуйте. Сейчас ровно двенадцать? — И дернула за шнурок.

— Динн-донн-динн! — толстым голосом прозвенел медный колокольчик.— Здравствуй-те! Входите!

Дверь пропела «Добро пожаловать» и открылась...

Синие звезды и ослепительно зеленая трава, желтые птицы и фантастически красные цветы, огромные снежинки и маленькие солнца — все летело, переливалось вокруг них. Нарисованное и прекрасное.

— А где же художница? — Лёка прошептала очень тихо, но почему-то эхо загудело со всех сторон.

— А Татьяны Юрьевны нет,— пропел кто-то там за птицами и цветами.

— Татьяна Юрьевна ушла,— пропищал кто-то справа.

— Татьяна Юрьевна просила подождать,— прогудел кто-то за дверью,— раздевайтесь, пожалуйста.

Лёка, Марина и Алеша только успевали поворачиваться на голоса.

— Погодите. — Калинка озадаченно задумалась.— Сегодня воскресенье? Ну, конечно, ее нет. Она уехала со своими учениками на этюды.

— А чему Татьяна Юрьевна учит? — спросила Лёка.

— Расписывать ткани. Как же я забыла,— огорчилась Калинка,— что в воскресенье она уезжает!

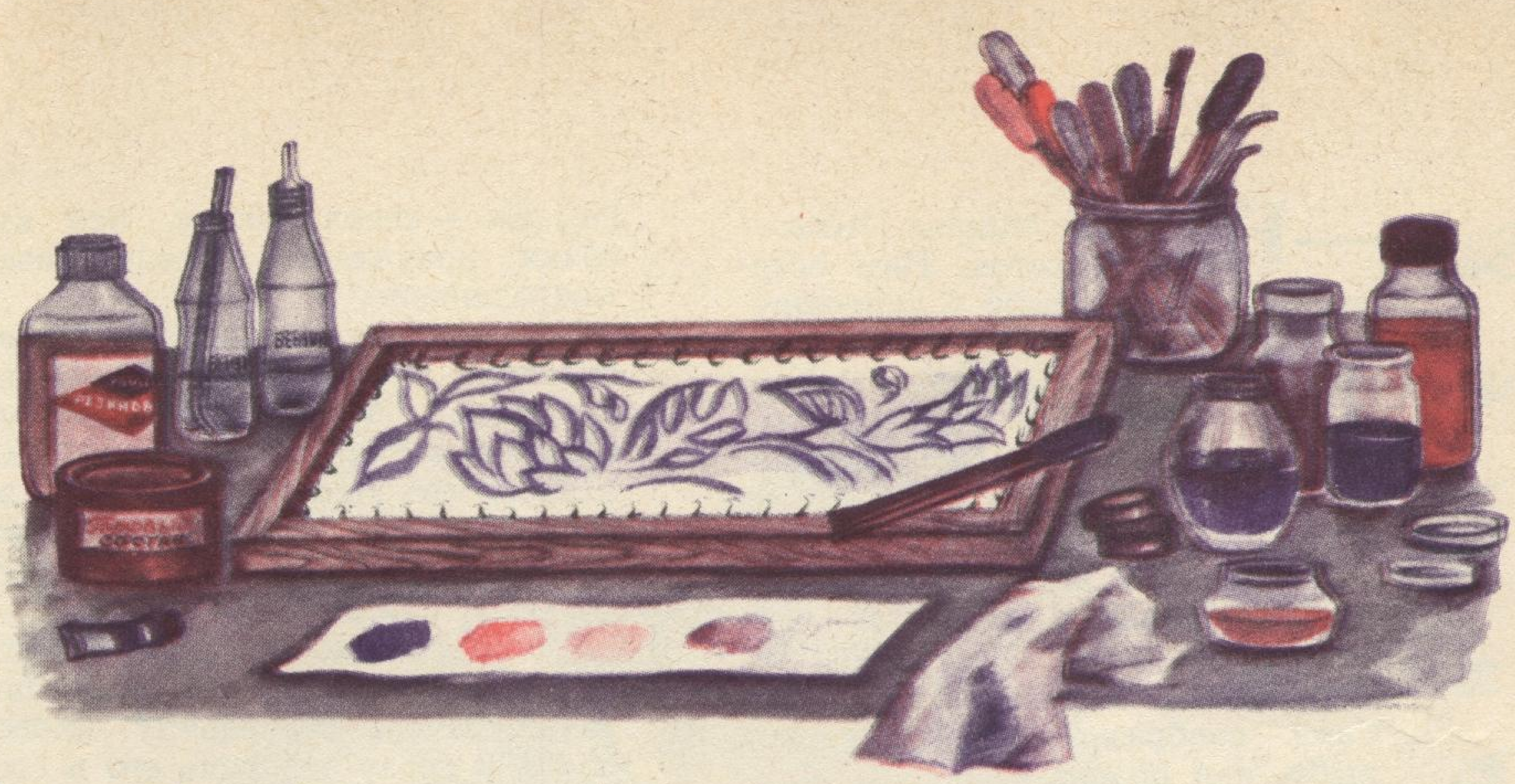
— Ой, Калинка, да мы еще сто раз сюда придем.— У Лёки заблестели глаза: неужели можно научиться расписывать вот такие прекрасные, необыкновенные ткани?

— Хотя бы капелюшечку узнать, как это делается! — не унималась Лёка.— Самую-пресамую капельку. Ты, Калинка, наверное, знаешь! Расскажи скорее, пожалуйста!

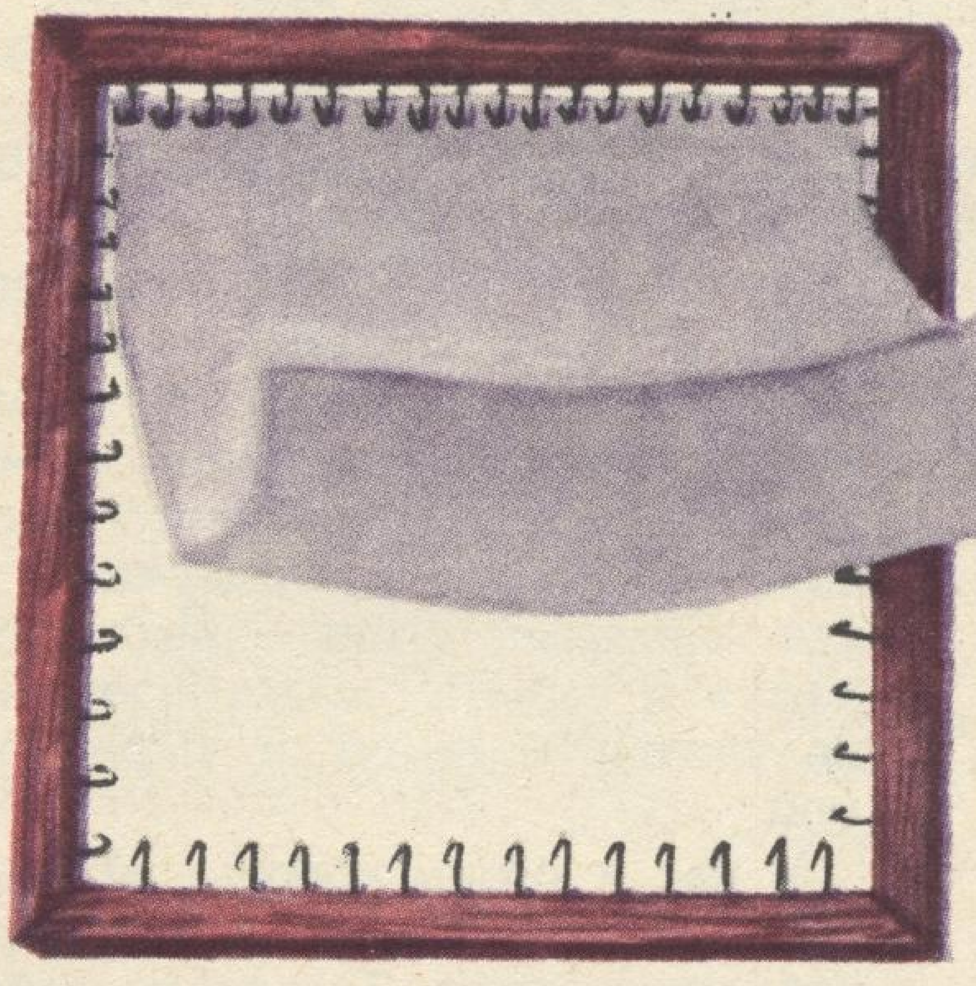
Калинка посмотрела на нее лукаво и тихонько хлопнула в ладоши. Полотнища с птицами и цветами, радугами и солнцами, травой и кораблями раздвинулись, и появилась стройная, изящная кисточка с золотистым хохолком и кокетливым золотистым шнурком.

Кисточка церемонно раскланялась, и все гуськом пошли по образовавшемуся коридору. Кисточка шествовала сзади, как любой хозяин, уважающий гостей.

За цветами, радугами, солнцами и петухами было большущее окно. За окном синело настоящее мартовское небо и настоящие курчавые облака. А перед окном письменный стол. Чего там только не было!



— Подрамник из деревянных реек. На него натягивают расписываемую ткань, чтобы она находилась на весу и не касалась стола. На рейки подрамника набивают проволочные крючки и на них накалывают ткань. Можно пришпилить ткань к подрамнику кнопками или пришить через край толстыми нитками,— сказала кисточка.— На подрамнике приготовлена ткань для росписи.



Расписывать ткань можно двумя способами.

Просто от руки — свободная роспись, и по нарисованному заранее контуру — холодный батик. Для свободной росписи подходит любая ткань, хлопчатобумажная и шелковая, лишь бы по ней хорошо растекалась краска,— штапель, полотно, поплин, марля и любые шелковые. Для холодного батика подходят только легкие тонкие ткани: батист, маркизет, тонкий поплин, туаль, крепдешин. Знаете все эти ткани?

— Только туаль не знаю.— Лёке было смешно и странно разговаривать с кисточкой.

Кисточка повертелась немного, словно оглядывалась, а потом показала на Алешу.

— Пионерский галстук у этого молодого человека — простите, не имею чести знать вашего имени — из туали.

— Алеша,— представился Алеша и, набравшись решимости, спросил: — А как вас зовут?

— Золотой Колонок.— Кисточка церемонно поклонилась.— Продолжим экскурсию? В этих баночках — краски, которыми расписывают ткань.

— Акварельные? —спросил Алеша.— Или гуашь?

— Нет, нет. Ни в коем случае. Татьяна Юрьевна расписывает ткани активными процоионовыми красителями или обычными анилиновыми. В любом хозяйственном магазине можно купить пакетик анилиновой краски для ткани за пятнадцать копеек. Надо просто зайти в магазин, просто подойти к прилавку и сказать «Будьте добры, дайте мне красную, фиолетовую, зеленую, желтую краски для бумаги и шелка!» — И кисточка независимо взмахнула своим рыжим хохолком.

«Что это она рассказывает про магазин? — недоумевала Лёка.— Подумаешь, зайти и купить».

А Калинка посмотрела на Золотой Колонок сочувственно и шепнула Лёке:

— Учись понимать даже то, что тебе кажется непонятным. Ты вот можешь пойти в магазин. А кисточка не может. Для нее это так же недоступно, как для тебя попасть на Бал Красок.

— Бал Красок?— восхитилась Лёка.— Что это такое?

Но Калинка быстренько спросила:

— Расскажите нам, как готовить краски для росписи.

— Порошок краски разведите теплой кипяченой водой в стеклянной поллитровой банке. Хорошенько разболтайте стеклянной или деревянной палочкой. Краска растворится, тогда процедите раствор через воронку с кусочком ваты в небольшую кастрюльку, которую специально выделите для этой цели. Добавьте на 0,5 литра раствора по половине столовой ложки соды и поваренной соли в прямые красители для хлопка или три столовых ложки уксуса в кислотные красители для шелка. Раствор прокипятите и остудите. Краска готова. Чтобы у вас под рукой были краски разной тональности, можно поступить следующим образом. Предположим, вы растворяете синюю краску. Разведите один порошок поллитром воды, процедите, отлейте в кастрюльку половину раствора и сварите со всеми добавлениями. Раствор слегка остудите и перелейте в баночку с закрывающейся крышкой. Наклейте этикетку «густо-синяя для шелка». Остаток раствора опять разведите кипяченой водой и опять часть отлейте в кастрюлю и сварите с добавлениями.

Так из одного порошка синей

краски у вас получится пять баночек краски — от синей до светло-голубой.

Так же приготовьте красную, зеленую, желтую, коричневую. Краски можно смешивать и получать из красной с синей — фиолетовую, из желтой и красной — оранжевую и так бесконечно.

Вот здесь стоят баночки с красками. Не забудьте наклеить этикетки. Или сделайте пробу из каждой баночки на куске шелка или хлопчатобумажной ткани, смотря для какого вида ткани предназначается краска, и эти образцы наклейте на баночку. Помните, что краски, высыхая, блекнут, поэтому вот такие пробные мазки очень помогают в работе.

Ткань раскрашивается кистью.— Кисточка церемонно раскланялась. — Недаром мое имя звучит так торжественно: Золотой Колонок! Или ватным тампоном, накрученным на тонкую палочку. Эскиз будущего тканевого рисунка не рисуйте, но продумайте будущую роспись. — Кисточка повертелась во все стороны и спросила: — Кто из вас художник?

Лёка очень хотела сказать: «Все»,— но сказала:

— Алеша.

— О мой юный друг Алеша! — Кисточка кокетливо перекинула золотой шнурок, как легкий шарф.— Какой бы ты сделал рисунок?

— Смотря для чего,— сказал Алеша.— Я бы сначала решил, какую вещь я хочу получить, а потом бы придумал рисунок. Для носового платка рисунок может быть мелким, основанным на повторении одного узора: геометрического, веточки цветка. Для шарфа рисунок нужен покрупнее и может быть мягкорасплывчатым. Можно нарисовать картину с птицами и цветами и повесить ее на стену. Можно разрисовать настоящий школьный занавес или карнавальный костюм. Гамма красок может быть разной. Рисунок можно построить на близких золотисто-коричневых тонах или на очень контрастных: фиолетовом с желтым, красном с зеленым.

— Прекрасно! — поклонилась кисточка.— Вот смотрите! Эта ткань светлая с розовыми, желтыми мягкими расплывчатыми пятнами и линиями производит легкое, радостное впечатление, а эта фиолетово-красно-зелено-желтая кажется волшебной, феерической. Хочется взяться за руки, закружиться в танце. Не правда ли?

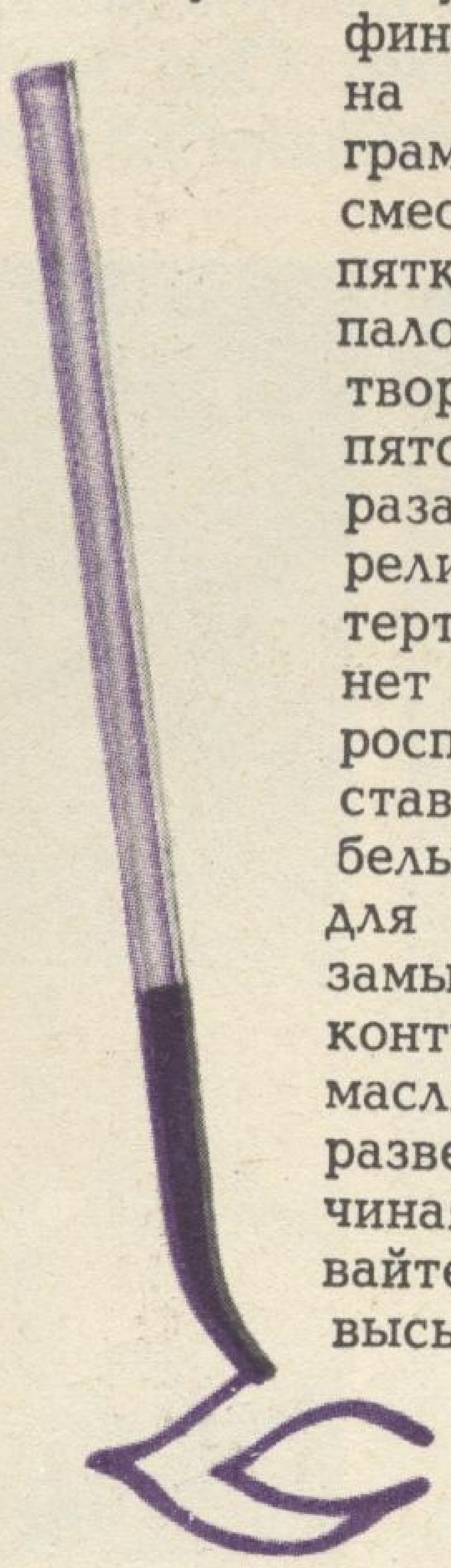
Но только никогда не копируйте ткани, которые вы видите в магазине. Вручную повторить машинный рисунок невозможно, и вас ждет разочарование.

— Спасибо,— сказала Калинка.— А теперь расскажите нам о росписи холодным батиком.

— О, слушайте! В отличие от свободной росписи, когда рисунок создается из пятен и свободных цветовых сочетаний, холодный батик более определен. На ткань наносится контур рисунка, а внутреннее пространство заполняется краской. Контур — граница, дальше которой краска не проникает. Для батика, кроме красок, кисточек, нужны стеклянные чертежные рейсфедеры и сложный состав для контура. Рейсфедер можно загнуть, нагревая осторожно на газовой горелке.

— Простите,— сказала Калинка.— Расскажите, пожалуйста, о составе для контура.

— Состав для контура. Возьмите жестяную банку от кофе или зеленого горошка. Отмойте хорошенько. Налейте туда половину бутылки резинового клея (100 граммов), добавьте неполную столовую ложку наструганной парафиновой свечки и бензина для зажигалок 150 граммов. Поставьте эту смесь в кастрюлю с кипятком и размешивайте палочкой до полного растворения парафина. Кипяток придется два-три раза сменить. Состав перелить в бутылку с притертой пробкой. Остынет — можно начинать роспись. Бесцветный состав даст на ткани белый контур. Если для выполнения вашего замысла нужен цветной контур, в состав добавьте масляную краску, слегка разведя ее бензином. Начиная рисовать, не забывайте, что краски после высыхания частично теряют яркость. Ткани, которые продаются в магазине...



— Ой, ой, пожалуйста, простите! — Калинка тронула кисточку за золотой шнурок.— Расскажите, как расписанную ткань закрепить.

— Такая громоздкая вещь, как школьный занавес, под дождь не попадет. Не правда ли? Ему, занавесу, ведь не надо ходить по улицам...

— Да, да, конечно. И карнавальный костюм тоже не надо закреплять. А носовые платки, или шарф, или косынку, или ткань для переплета, или галстук ведь надо закрепить?

— Безусловно! Татьяна Юрьевна закрепляет вот в такой обычной кастрюле. Закрепляемую вещь подвешивает на проволоке, привязанной к ручкам. Сверху кладет специальную ватную подушку. Кипяток в кастрюле не должен доходить до закрепляемой вещи и... маленький секрет! Бросьте на дно кастрюли осколок фарфоровой тарелки или чашки — «камушки», чтобы вода не очень брызгала при кипении.

Закрепляемую ткань с лицевой стороны проложите марлей, лигнином или фильтровальной бумагой (обычная тетрадная промокашка), а с внешней оберните калькой или пергаментом и сверните в трубочку. При помощи английских булавок подвесьте на проволоку в кастрюлю с уже кипящей водой. Закрепление-запаривание продолжается 15—20 минут. Запаренную ткань охладите и прополощите в холодной воде. Высушите и хорошенько отгладьте. Все ясно?

— Кажется, все,— сказала Марина.— Только не очень ясно, как рисовать рейсфедерами.

— Тонкий загнутый конец трубочки опускаем в банку с составом и втягиваем состав в трубочку ртом, чтобы он поднялся на 2—3 сантиметра. Рисуем рейсфедером по туго натянутой на подрамнике ткани. Чтобы избежать клякс, особенно в самый первый момент, когда в рейсфедере много краски, положите на ткань листок бумаги и начинайте рисовать с этого листка. Получится как бы небольшая пробежка - разминка, и с бумаги на ткань рейсфедер выйдет уверенно и линию поведет тонко и точно.

Рисовать надо терпеливо и неторопливо, чтобы состав, вытекая из трубочки, мог хорошо, ровно пропитать ткань. Если в контуре будут зазоры, роспись получится небрежной. Плоскости в границах контура закрываем краской при помощи ватного тампона или кисточки.

Золотой Колонок церемонно поклонился и преподнес Калинке красивый переплет для записной книжки, Марине — чудесные носовые платочки, Лёке — шарф и бантики в косы, а Алеше — галстук в форме шейного платка.

Всеволод Михайлович Бобров — в атаке.

Отечественной войны прославленный летчик Александр Иванович Покрышкин дал формулу воздушного боя: «Высота, скорость, маневр, огонь». Она вполне применима к хоккею».

Мальчишке бы радоваться, что есть на свете такая мужественная увлекательная игра, а он вдруг нос вешает, в грусть ударяется. Посмотрит на себя в зеркало и еще пуще убивается. Совсем он никакой не богатырь. Ничем сверстников не превзошел. Так по плечу ли ему хоккей?

Чтобы развеять твои сомнения, мы накануне чемпионата мира в Москве обратились к хоккейным авторитетам — тренерам А. Тарасову и А. Чернышеву, хоккеистам В. Кузькину и А. Фирсову. Кстати, вопросы для этого коллективного интервью придуманы не нами. Они взяты из писем ребят, которые отвечали на «Анкету-72».

Через минуту в бой.

Все в пределах правил...

А. ИСАЕВ

Фотографии А. БОЧИНИНА.

ВСЕМ ЛИ ПО ПЛЕЧУ ХОККЕЙ?

Хоккей. Разве можно остаться равнодушным, глядя на эту стремительную, вдохновенную игру!

Георгий Константинович Мосолов, Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель СССР, заслуженный мастер спорта, сказал о хоккее так: «В годы Великой

Что такое хоккейный талант?

А. Фирсов. Говорят, что у меня сильный так называемый кистевой бросок. А сколько килограммов вырвал я на тренировках, чтобы добиться этого броска! Сколько часов провел с клюшкой и шайбой на асфальте, где бросок дается куда труднее, чем на льду!

Говорят, что я крепко стою и быстро бегаю на коньках, легко меняю скорость и направление. Не стоит мне завидовать. Вы тоже сможете этому научиться. Только попробуйте во время осенних тренировок пробегать ежедневно по ледяной площадке пятнадцать километров, да не просто так, а со свинцовым поясом под рубашкой. Мастерство — это прежде всего труд!

Раньше я тоже думал, что все достоинства — и техника, и скорость, и реакция — даются природой. А теперь точно знаю, каким трудом это достигается. Конечно, и талант нельзя сбрасывать со счетов. Он облегчает

спортсмену путь к вершинам мастерства. Но и талант надо развивать, иначе он гибнет.

Как быть, если нет техники?

А. Тарасов. Техника — дело наживное. Тот, кто упорно и много работает, может стать искусным мастером хоккея. Нельзя только упускать время — детские и юношеские годы, когда легко осваиваются любые движения, разнообразные приемы.

Технические приемы игры в хоккее, такие, как броски, остановка шайбы, разучиваются на малой скорости или стоя на месте. Когда начинающие игроки пытаются выполнять их в игровых условиях на большой скорости, вдруг оказывается, что шайба их не слушается. Многие пугаются скорости и снова повторяют приемы в медленном темпе. Это неправильно. Если хочешь стать мастером хоккейной игры, не бойся усложнять обстановку, в которой приходится действовать.

Помните ли вы свою первую клюшку?

В. Кузькин. Самую первую, пожалуй, не помню. Слишком много клюшек пришлось смастерить в детстве. Но вот первую настоящую клюшку трудно забыть. Она досталась мне от Виктора Якушева, игрока московского «Локомотива». А потом так вышло, что мы с Виктором надели свитеры сборной команды СССР. Так что моя первая настоящая клюшка оказалась счастливой.

Что такое спортивное мужество?

Г. Мосолов. В юности я знал одного парня, который делал стойку на карнизе пятого этажа. Это смелость, но не мужество. Я знал и летчика, который шел навстречу гибели, ясно сознавая, что его подкарауливает смерть. Но он уверенно вел машину, чтобы отвести гибель от людей, которые были на земле. Летчик погиб. Он совершил мужественный поступок. Он совершил подвиг.

Владислав Третьяк. Ему так просто не забьешь!

Нет, Якушев не отступит!

Какая разница между хоккеем профессиональным и любительским?

А. Фирсов. Профессиональный хоккей — жесткая игра. Часто профессионалы устраивают на площадке настоящие ледовые побоища. Однажды мне пришлось быть свидетелем матча популярных команд «Монреаль Канадиенс» и «Нью-Йорк Рейнджерс». Во время поединка произошла такая стычка, что ни судьи, ни даже наряд полицейских не смогли растащить дерущихся хоккеистов. Установить порядок на поле удалось лишь мощными струями воды, направленными на хоккеистов из брандспойтов.

Лучшие представители любительского хоккея Европы — люди не менее одаренные, но они более благородны, более человечны, для них игра не бизнес, а наслаждение.

Не нужно спешить называть мужественным игроком хоккеиста, бросившегося навстречу летящим со скоростью курьерского поезда ста пятидесяти граммам резины—навстречу шайбе. Мужественным хоккеистом можно назвать такого человека, который в учебе, в общественных делах, в хоккее, в жизни идет в первых рядах.

А. Тарасов. Я хотел бы подчеркнуть, что мужество хоккеиста — это идти на тренировку, когда хочется отдохнуть. Это после игры удержаться и не выпить глотка холодной воды. У тебя плохое настроение? Ты должен выглядеть бодро. Для этого тоже нужно мужество. Подлинное мужество несовместимо с грубостью. Грубит трус, хулиган. Смелый и сильный хоккеист играет резко, самоотверженно, иногда жестко, но никогда не ударит соперника исподтишка.

В нашей команде некоторые ребята зазнаются. Конечно, они хорошо играют, но играть с ними как-то неприятно...

Г. Мосолов. Разговор о секретах дружбы — большой разговор. Мне, например, много раз в жизни приходилось убеждаться, какая это великая сила—дружба. Больше того, не пришлось бы мне сейчас отвечать на ваши вопросы, ребята, если бы товарищи бросили меня после авиационной аварии. Человек чувствует себя увереннее, сильнее, когда рядом настоящий друг.

Зазнайка не может быть верным другом. Вот о чем вам необходимо серьезно поговорить на очередном собрании вашей команды.

Мама не пускает нашего товарища играть в хоккей. Она говорит, что хоккей — это умышленное избиение. Права ли она?

Когда на поле канадцы.

А. Чернышев. Мне приходилось встречаться с такими мамами не раз. Они приезжали к тренерам нашего коллектива «Юный динамовец» и настаивали на том, чтобы сына исключили из команды. Но через некоторое время те же мамы штурмовали тренерскую комнату и со слезами на глазах просили вернуть сына в команду. «Мотается во дворе без дела, учебу забросил...» — говорили они.

Силовая борьба воспитывает бесстрашие, силу воли. Эти качества обязательно должны быть у каждого мальчишки.

Аркадий Иванович, вы долго возглавляли нашу сборную команду и хорошо знаете всех лучших советских хоккеистов. Кого бы вы назвали хоккеистом без недостатков?

А. Чернышев. Случалось на моем тренерском веку так, что приходилось работать с очень интересными хоккеистами. Техничные, физически одаренные, они могли бы стать украшением сборной. Но, увы, жесткий спортивный режим стал для них непреодолимым препятствием.

В своем идеале я вижу хоккеиста, у которого были бы голова и техника Мальцева или техника Харламова, чтобы он был таким же самоотверженным и дисциплинированным, как Давыдов, чтобы обладал физическими качествами Рагулина.

Какие хоккеисты должны играть в сборной СССР, чтобы мы всегда побеждали?

А. Тарасов. Это прежде всего сильные, разносторонние атлеты. Они должны уметь быстро, резко бегать на коньках, обладать «взрывным» стартом, высокой маневренностью. Такие мастера не избегают единоборства, а, наоборот, предлагают его. Это удивительно ловкие спортсмены, у них высокая

Неудержимый Александр Мальцев.

техническая оснащенность, высокое мастерство обводки. Они прекрасно — внезапно и точно — посылают шайбу в цель. Их передачи своевременны и удобны для партнеров, их отличает глубокое понимание игры.

А все же победили!

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

С каждым днем в «Палате ума» все больше и больше посетителей. Вот и пришлось мне ввести входные билеты. Билет перед вами. Вы не попадете в «Палату ума» до тех пор, пока не впишете в квадраты такое слово, которое бы служило концом первого и началом второго.

Капитан Перо-86 ищет помощника

Вот что рассказал нам капитан ПЕРО:

— На острове рыболовов и охотников появились браконьеры. Меня срочно туда вызвали. Когда я приехал на остров, то был поражен: оказалось, что охотники и рыболовы, как две капли воды, похожи друг на друга во всем, кроме одного: охотники никогда не лгут, а рыболовы никогда не говорят правды. При мне встретились трое незнакомцев. Один из них, как потом выяснилось, его звали Ир, назвал себя то ли охотником, то ли рыболовом,— я не расслышал. Другой, его звали Ор, громко сказал:

— Ир говорит, что он рыболов.— И, помолчав, добавил:— И Бер — рыболов.

Бер, так звали третьего, сказал:

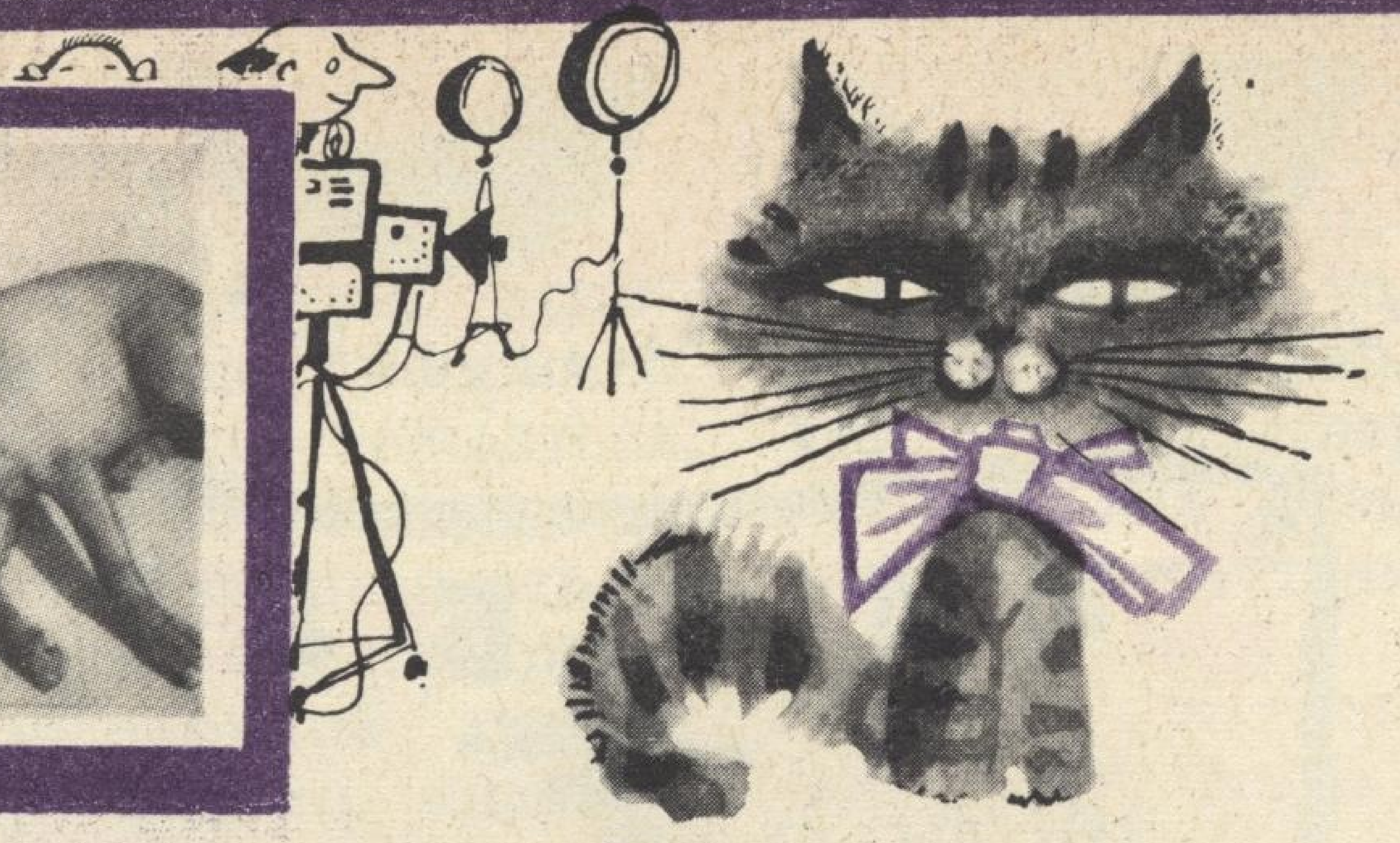
— Ир — охотник.

Мне предстояло срочно решить, кто из них рыболов-браконьер. Как вы думаете, кого я задержал: Ора, Бера или Ира?

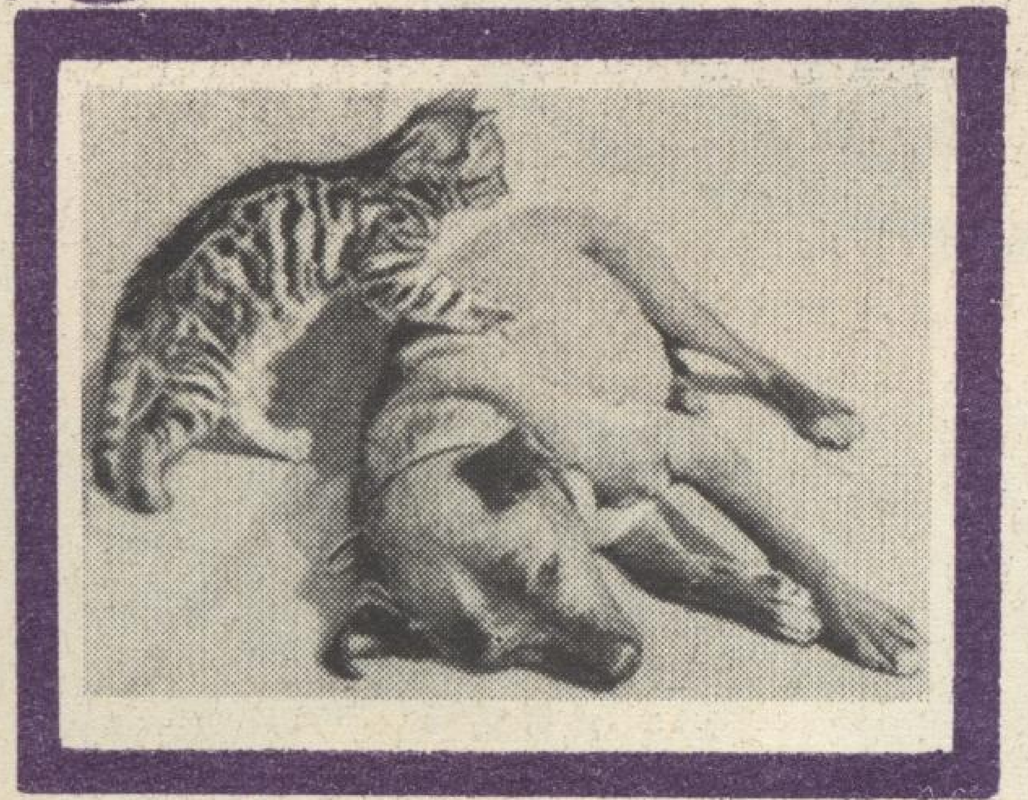
Хотим сказать, что капитану Перо нужен еще один помощник. От решения этой задачи зависит, кого из вас выберет капитан Перо.

Примечание капитана Перо. Хочу вам немного помочь. Я рассуждал так: если бы Ир представился рыболовом, он сказал бы правду, чего рыболовы никогда не делают. Если бы он был охотником, но выдал бы себя за рыболова, он солгал бы, но мы знаем, охотники всегда говорят правду. Значит, он мог сказать только одно: «Я охотник». Его слова или правда, или ложь. Установив это, я решил...

А что я решил, вы должны догадаться сами.



Смельчак



Однажды к нам в редакцию прибежал черный котенок и принес фотографии, которые вы здесь видите. При этом он напевал такую песенку:

Ни лев, ни тигр и ни пантера
Не взяли б этого барьера.

Поджав дрожащие хвосты,
Они бы спрятались в кусты.

Бесстрашен только я один —
Простой домашней кошки сын!

Видите, котенок и в самом деле не робкого десятка. Если вам захочется сочинить новую песенку про него, присылайте, мы с удовольствием передадим ее полосатому герою.

Гуси у бабуси

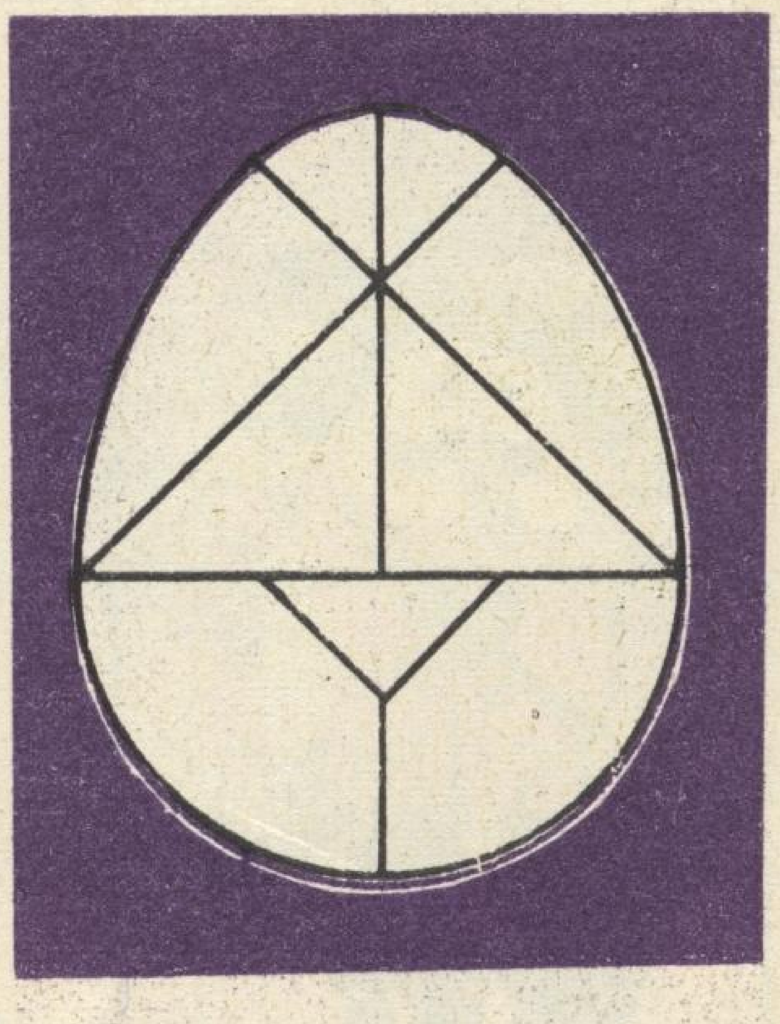
Помните старую детскую песенку:

Жили у бабуси
Два веселых гуся...

Научиться ее петь просто. А вот попробуйте-ка перерисовать на кусочек картона яйцо, разрезать его так, как показано на рисунке, и из частей сложить «бабусю» и ее веселых гусей. Может быть, у вас получатся еще какие-нибудь интересные птицы.

Тогда присылайте их в «ПИОНЕР», я буду очень рад.

Ваш Живживка



Игры Лупы и Пинцета

Маркобусы

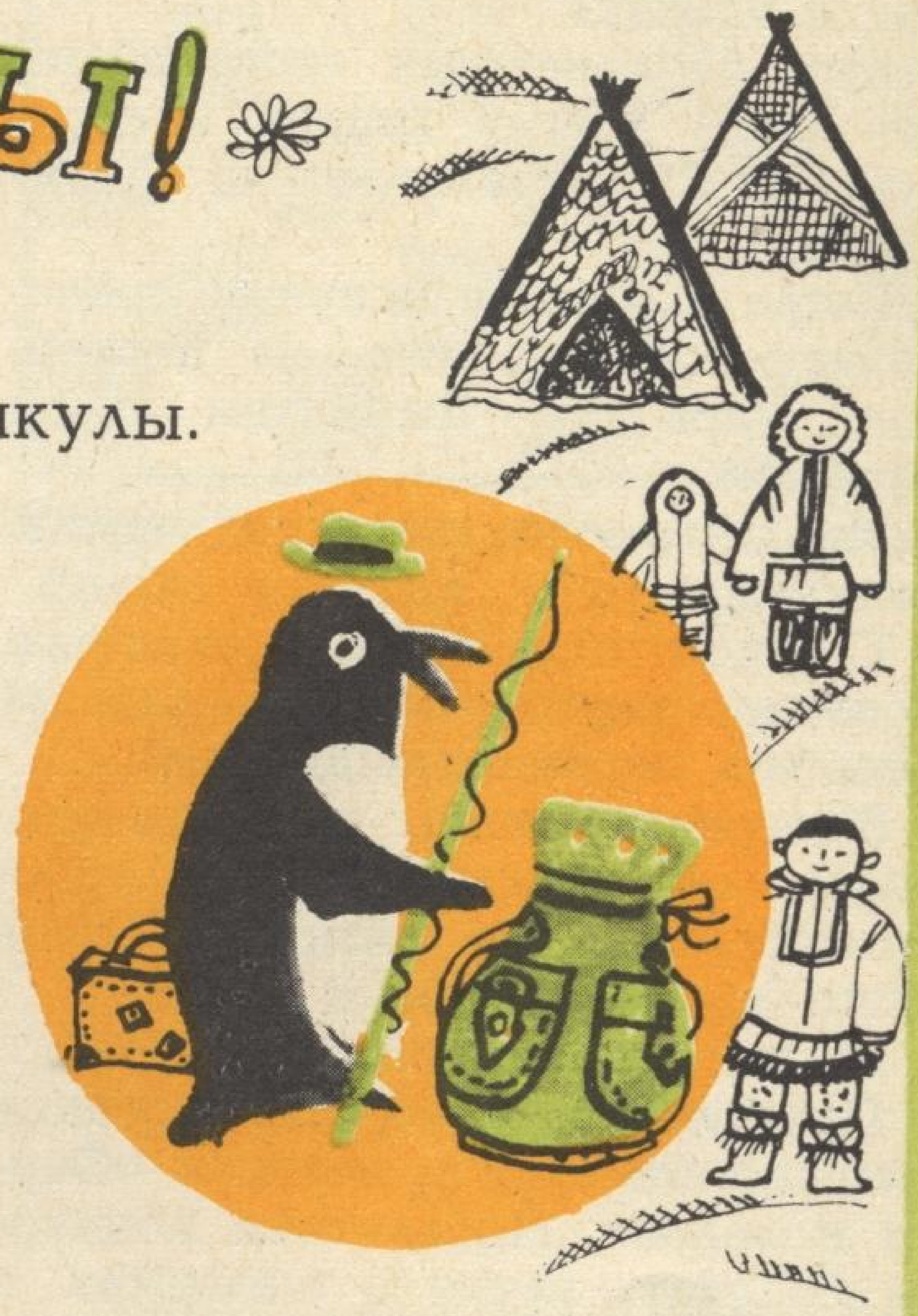
Вы не разучились решать маркобусы? Тогда беритесь за дело: из названия страны, выпустившей марку, возьмите столько рядом стоящих букв, сколько указано на маленькой марке наверху. Эти буквы составят название страны справа от знака равенства.

Лупа и Пинцет

На каникулы!

В Школе птиц и зверей весенние каникулы.

Собирается сорока
На каникулы в Марокко.
Перуанский дикобраз
Хочет ехать на Кавказ.
Отправляется шакал
На неделю в Сенегал.
Сомалийский попугай
Вылетает на Алтай.
Антарктический пингвин
Взял билет на Сахалин.



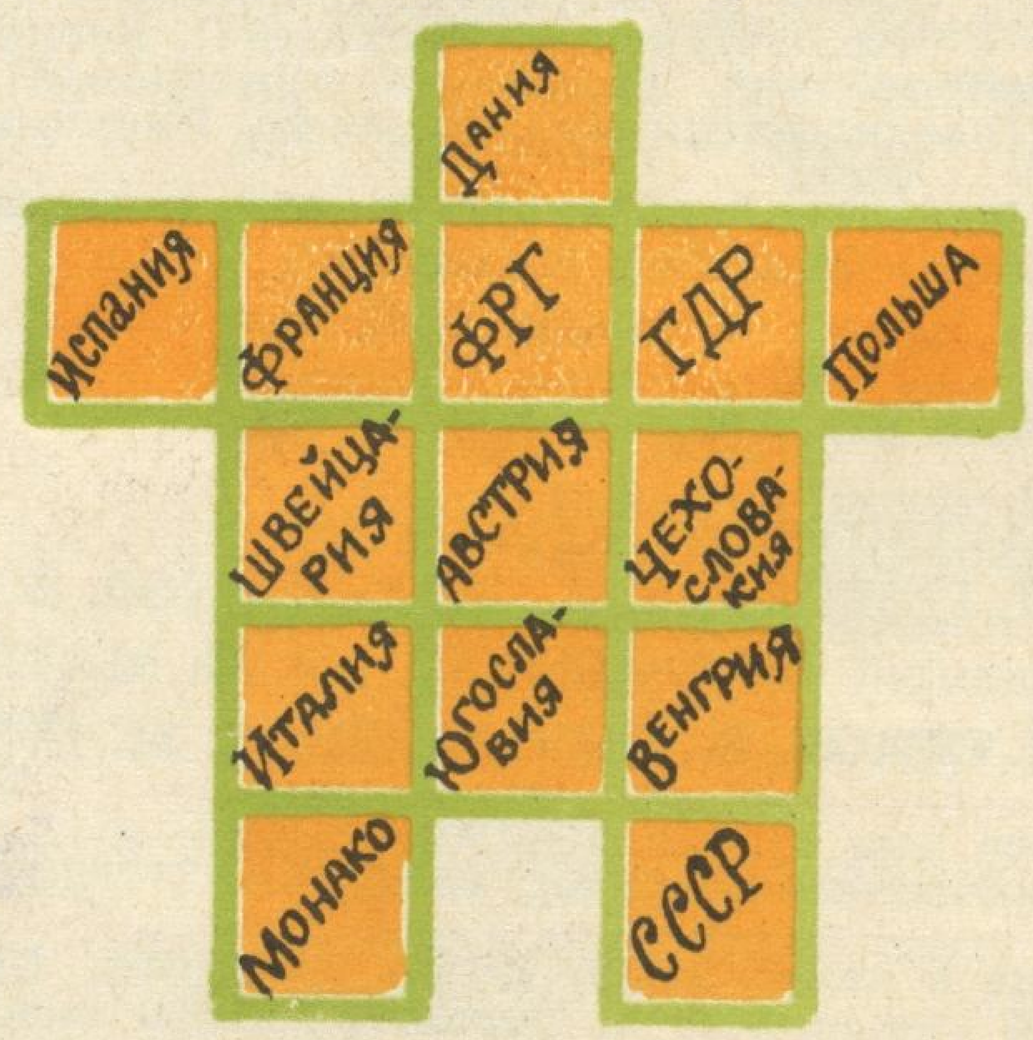
Ответы на задачи из № 2

СХВАТКА С РОБОТОМ

Вот как нужно было расставить названия стран в кроссворде.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

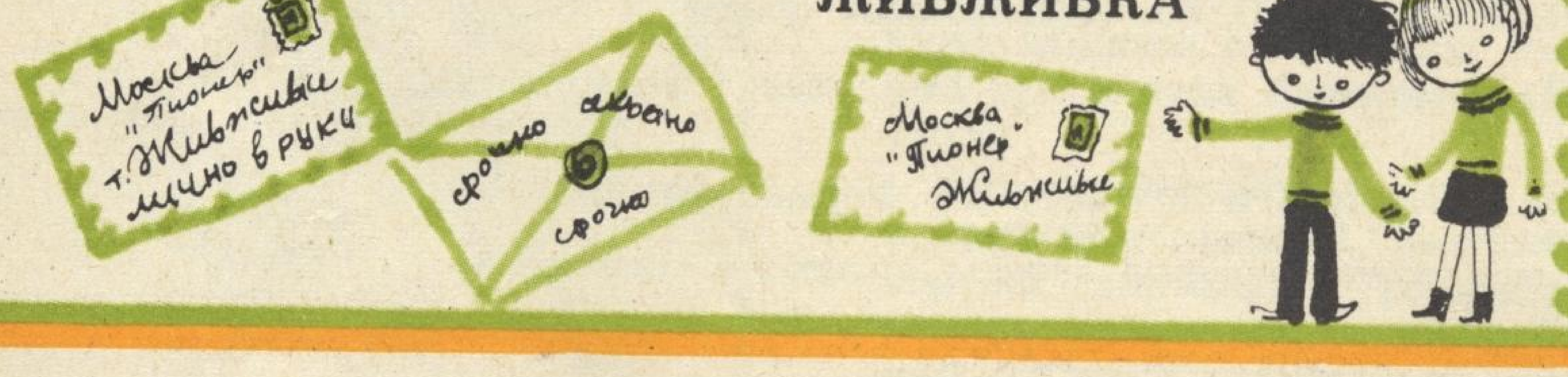
Маркобусы и задачу «Поспешный вывод» все ребята решили правильно.



О планах других птиц и зверей мне пока ничего не известно.

Если вы что-нибудь знаете, напишите мне о них.

ЖИВЖИВКА



Викторина Пешкина

Переверни еще страницу, и на последней обложке ты попадешь в Зал шахматных побед и увидишь несколько призов, завоеванных советскими шахматистами и шахматистками на крупнейших международных соревнованиях.

Что ты знаешь об этих турнирах и призах?

Кто из советских гроссмейстеров чаще других входил в сборную СССР, игравшую на Олимпиадах?

Когда в Москве впервые проводились соревнования на первенство мира по шахматам среди мужчин?

Назовите всех советских чемпионок мира.

С какого года проводятся соревнования клуба «Белая ладья»? Кто был первым чемпионом?

В мире миллионы шахматистов, более ста международных гроссмейстеров. Чьи партии больше всего нравятся тебе и почему?

За что ты любишь шахматы?

Правильные, интересные ответы Пешкин отметит грамотами «Ферзя и ладьи». Победители конкурса получат книгу о шахматах с автографами гроссмейстеров.

Ответы присылайте не позднее 1 июня.

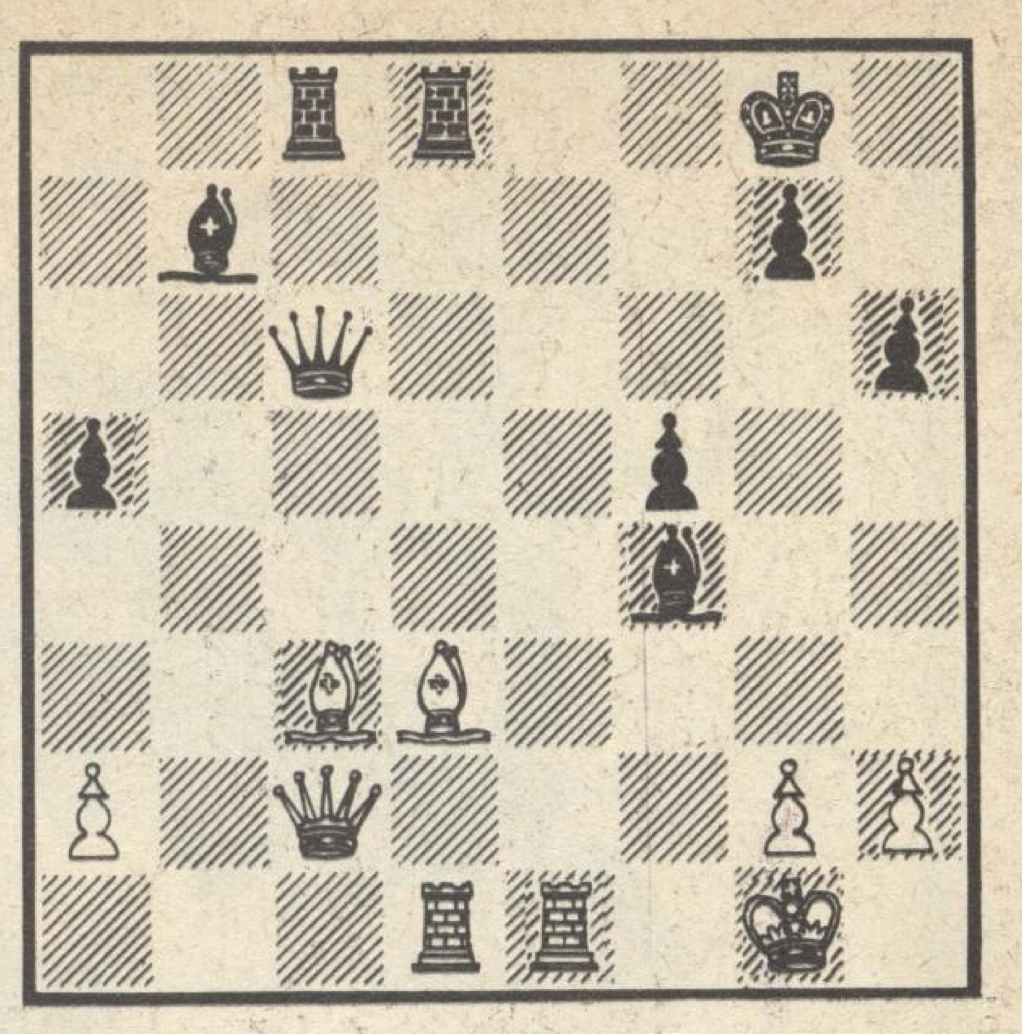
Гроссмейстеры и пионеры

Удивительное это было соревнование! Экс-чемпионы мира В. Смыслов, Б. Спасский, М. Таль, Т. Петросян, прославленные гроссмейстеры Д. Бронштейн и А. Карпов повели в шахматные сражения команды тех Дворцов пионеров, где они сами занимались в былые времена.

Шесть команд оспаривали почетный приз Центрального Комитета ВЛКСМ. Завоевали его москвичи, возглавляемые В. Смысловым. На втором месте шахматисты Дворца пионеров Ленинграда. Их лидер — Б. Спасский. На третьем месте команда Риги с капитаном М. Талем.

Упорно вели борьбу и команды Киевского Дворца пионеров (капитан Д. Бронштейн), Тбилисского Дворца пионеров (капитан Т. Петросян) и челябинские ребята. Во Дворце уральских пионеров еще совсем недавно занимался самый молодой наш гроссмейстер А. Карпов.

«Впервые я участвовал в таком соревновании, где и проигрыши меня не очень огорчали,— сказал на закрытии турнира М. Таль.— Конечно, проигрывать не хотелось, но приятно было сознавать, что во Дворцах пионеров есть много сильных шахматистов, здесь растет хорошая смена нашим чемпионам».



Турнир команд Дворцов пионеров и гроссмейстеров будет проводиться каждый год. Старшие ребята-победители получат приз «Комсомольской правды», младшие — приз журнала «Пионер».

Перед вами две интересные позиции из партий, сыгранных на соревновании.

К такому положению пришла партия между учеником 9-й челябинской школы **Сеней Двойрисом** и экс-чемпионом мира **Борисом Спасским.**

Гроссмейстер неосторожно сыграл 28... Фс6 : с3 и... угодил в хитрую западню. Последовало 29. Сb3—с4+! Лс8 : с4 (плохо и 29... Ф : с4 30. Л : d8 +) 30. Лd1 : d8 + Крg8 — f7 31. Фс2 : f5 +

СОДЕРЖАНИЕ

Интервью марта

Строится на Чукотке Дворец.— Г. Киселев. Литературная запись О. Тихомирова. Рисунки Н. Доброхотовой. Фото М. Гермашова 1

Север. Вездеход.— Стихи М. Пляцковского . 2

Санчо и желтый змей.— Повесть Ю. Яковлева. Рисунки С. Трофимова 5

Салют, Коммуна! — Стихи К. Гюга. Перевел с французского М. Аксенов. 17

Улитка, высуни рога.— Л. Матвеева. Рисунки Т. Борисовой и И. Красулина 19

Слышать голос трубы.— С. Иванов, В. Матвеев. Продолжение. Рисунок С. Трофимова и А. Вовиковой. 23

Международный пионерский клуб «Товарищ». Фотографии В. Постникова. 29

Встречаем фестиваль! — Песня. Слова Х. Штока. Музыка Г. Зандига 32

Писатель добрый, веселый, отважный.— М. Прилежаева. Рисунки А. Борисова . 33

Каждый имеет право быть Карлсоном.— Повесть А. Линдгрен. Перевела со шведского Л. Лунгина. Рисунки П. Багина . . . 36

«Кораблик». Рисунки О. Сахаровой 46

Телескоп-великан.— В. Арро. Рисунки Б. Гуревича 48

Маленький рябчик.— Рассказ Г. Немченко. Рисунок Ю. Карповой 54

Праздник господина де Мольера.— В. Смехов. Фото А. Гаранина 56

История с узелками.— Из книги Л. Кэрролла. Перевел с английского Ю. Данилов. Рисунки Б. Кыштымова 62

Жеребенок.— Стихи Р. Рашидова. Перевел с даргинского Ю. Хазанов. **Песня пахаря.**— Стихи Р. Рашидова. Перевел Я. Козловский. **Снежная конница. Звездные синицы. Чабан.**— Стихи М. Аминова. Перевела с лакского Е. Аксельрод. Рисунок Ю. Корнеева 64

Один на один с фотоаппаратом.— В. Постников 66

Надо посоветоваться.

Выхожу к доске и забываю...— А. Смирнов. Рисунки И. Красулина 68

Какие еще бывают марки.— А. Михалков . . 70

Академия домашних волшебников.— Рисунки Т. Ларионовой 71

Всем ли по плечу хоккей? — А. Исаев. Фото А. Бочинина 74

Ума палата. — Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Вовиковой . 77

В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Международный мастер М. Юдович. Фото Б. Турова 80

На обложке:

Счастливого плавания! Рисунок Т. Ларионовой.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
О. И. ГРЕКОВА, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Б. М. ЗУМАКУЛОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), **Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, В. Ф. МАТВЕЕВ** (зам. главного редактора), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. И. ОРЛОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА** (главный художник).

Адрес для писем: 101459. Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.
Технический редактор **В. В. ВАНТРУСОВ.** Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 27/XII 1972 г. А 02516. Подписано к печати 30/I 1973 г. Формат 84×60 1/8. Объем 9,33 усл. п. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 451. Заказ № 82.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Т. Петросян с командой Тбилисского Дворца пионеров.

Фс3 — f6 32. Ле1 — е7 +! и черные сдались.

Как видите, четырнадцатилетний Сеня Двойрис хорошо играл, и ему недаром присвоили разряд кандидата в мастера, хотя с шахматами он познакомился два года назад.

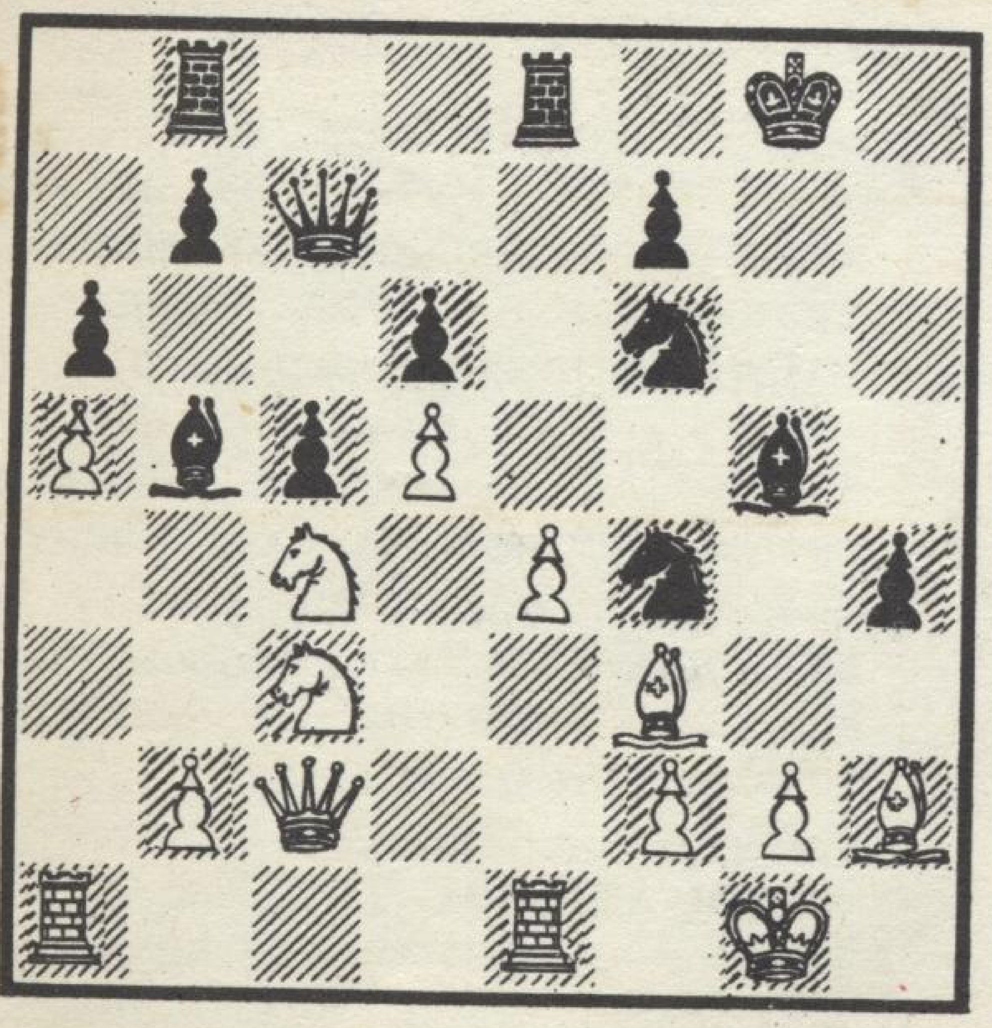
Пешкин наградил «Грамотами ферзя и ладьи» и **Сеню Двойриса** и многих участников турнира: ученика московской школы № 31 **Сережу Пеккера,** ученика 92-й школы Киева **Мишу Сокольца, Зигурдса Ланка,** шестиклассника из г. Балдоне (Латвийская ССР), тбилисских ребят **Абесалома Цуладзе** (школа № 26) и **Игоря Ефимова** (школа № 2).

Пешкину понравилось и то, как играл перворазрядник **Игорь Ефимов** — ему тринадцать лет,— и он второй раз наградил шахматиста своей грамотой.

Интересная борьба происходила между ленинградцем **Алексеем Юнеевым** и экс-чемпионом мира **Василием Смысловым.**

Даже Пешкину не удалось пробиться к столику, за которым они играли. Болельщики окружили шахматистов стеной.

А Пешкину так хотелось пробраться поближе! Ведь Алексей его старый друг, они познакомились в Ленинграде на прошлом первенстве страны. Тогда Алексей был демонстратором, он показывал на большой доске ходы, сделанные гроссмейстерами и мастерами. Особенно любил Алексей Юнеев демонстрировать сложные и красивые партии Смыслова. И вот теперь он сам померился силами с ним.



Королевский фланг черных ослаблен. Посмотрите, как сильно и последовательно провел атаку **Алексей Юнеев.** Игра продолжалась так:

25. е4—е5! Cb5 : c4 26. Фс2—f5! Kf6 — h7 27. Ch2 : f4 Сс4—d3 28. е5 : d6 Ле8 : е1 + 29. Ла1 : е1 Фс7 : а5 30. Фf5 — g4 f7 — f5 31. Фg4 — h5 Фа5 — d8 32. d6 — d7 Cg5 : f4 33. Ле1 — е8 + Kpg8 — g7 34. Ле8 : d8 Лb8 : d8 35. Фh5—е8! Cf4—g5 36. d5—d6 Kh7—f8 37. Фе8— е7+! Kpg7— h6 38. Фе7— f7 Kf8 — g6 39. Kc3 — d5 Cd3 — b5 40. Kd5 — e7. Смыслов признал себя побежденным.

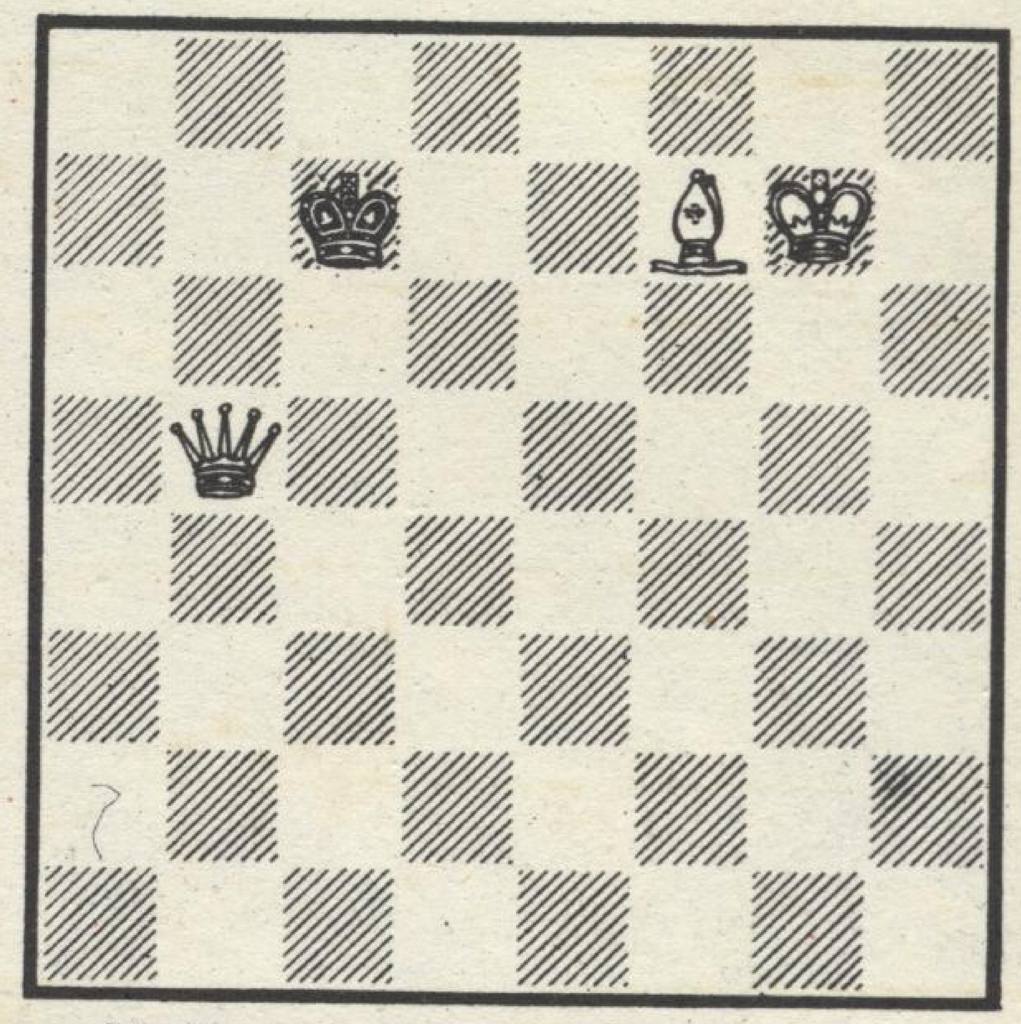
Есть над чем подумать гроссмейстеру Смыслову в поединке с Алексеем Юнеевым.

Новый конкурс

Пешкин снова объявляет конкурс. Многим участникам его будут присвоены спортивные разряды.

Кто правильно решит шесть конкурсных заданий, получит четвертый спортивный разряд. Кто решит не меньше восьми заданий — третий спортивный разряд. «Снайперам», поразившим все десять мишеней, Пешкин присвоит второй разряд.

Перед вами первое задание.



Найдите, как в этом положении белые, начиная игру, дают мат в три хода.

Переставьте черного короля на d6, и перед вами новая задача — трехходовка. Как ее решить?

Из почты Пешкина

«Мне понравилась задача Валерия Стигнеева из журнала № 11 за 1972 год,— пишет ученик четвертого класса **Алеша Костенко** из Запорожья.— Задачу решает ход 1. Ле3— с3».

Правильно, Алеша. Верное решение этой задачи прислала нам и **Марина Смирнова** из Советска и многие другие ребята.

А **Вадим Булат** из Витебска прислал Пешкину задачу-двухходовку, которую он сам составил.

Вот она:

Белые: Kpc4, Фа4, Cg7, Ch5, пешка с6 (5)

Черные: Kpf5, Cf4, пешка е5 (3)

Начиная игру, белые дают мат в два хода.

Кто из вас решит ее?

Пешкин ждет ваших писем с решениями, ребята!

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Зал шахматных побед. У дверей грозный деревянный солдат стоит. Однако для нас путь открыт. Юные шахматисты должны знать о подвигах своих старших товарищей — гроссмейстеров из советской шахматной дружины...

Торжественная тишина. Холодный блеск вощеного паркета. И куда ни глянь — призы, призы... Вот прямо перед тобою часы. Золотые стрелки, словно шпаги. Эту награду советские гроссмейстеры завоевали на **первенстве Европы...** Коли уж мы о часах заговорили, то давайте так и пойдем по часовой стрелке, рассматривая каждый приз. Вот хрустальная ваза, ее добыли **советские студенты на своем первенстве мира.** А над нею — может быть, самый дорогой приз — кубок **за мужское командное первенство мира.** Он хранится у нас уже двадцать два года! На самом верху, в резной нише,— приз Ноны Гаприндашвили, кубок **за личное первенство среди женщин.** И следующая награда — элегантная, словно резная, ваза-статуэтка — тоже завоевана **женщинами на Всемирной шахматной олимпиаде.**

Осталось еще два приза. Это **призы дружбы.** Тот, что с фигурками коней наверху, вручен нам в Гаване, а «Слон» прибыл из Индии.

НАШИХ МАСТЕРОВ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ ЗНАЮТ И ЛЮБЯТ ВО ВСЕМ МИРЕ!..